

Герард Реве

ПИСЬМА К ВИМИ

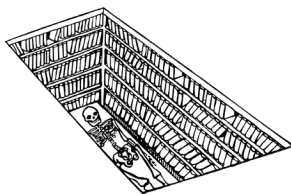
*Перевод с нидерландского и английского
Ольги Гришиной*

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББЛ 84.4 Нид

67t

Gerard Reve
Brieven aan Wimie

Редактор: Дмитрий Волчек
Обложка: Алексей Кропин
Верстка: Дарья Громова
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

*В оформлении обложки использован портрет
Герарда Reve. Фотограф Кас Ортхёйс, 1954*

©Veen, 1980
©Ольга Гришина, перевод, 2019
©Kolonna Publications, 2019

ISBN 978-5-98144-251-3

ГЕРАРД И ВИМИ

5

«Единственный человек, которого Герард действительно любил, это Вим», – говорил издатель Йохан Полак. Вим Шумахер (1933–1983) познакомился с Герардом Реве 1 декабря 1952 года. Роман Реве с «Черным принцем», Джеймсом Холмсом (1924–1986), родившимся в США голландским поэтом, только что закончился.

Тот, кто читает «Письма к Вими» (1959–1963), не может не понять, что между Герардом и Вими была страстная любовь.

Это великолепный сборник, демонстрирующий рождение ревистского стиля.

В 1959 году, когда брак между Ханни Михаэлис и Реве был официально расторгнут, Герард и Вими отправляются в Англию, чтобы посмотреть, смогут ли они жить в Лондоне. Они проводят там весь сентябрь, много ходят в театр, Герард пишет рецензии для журнала «Тирада» и работает над пьесой.

В 1957 году в «Тираде» появляется на нидерландском языке версия первой части того, что должно было стать романом “In God We Trust”¹.

1 Русский перевод отрывков из романа, а также «Тюремной песни в прозе» опубликован в сборнике Герарда Реве «Меланхолия».

6 («Герард Корнелис ван хет Реве, работая над романом “In God We Trust”, хотел бы получать комментарии читателей и будет рад услышать их пожелания относительно дальнейших судеб героев романа. Письма касательно сего предмета следует направлять в Общество Литературных Этических Произведений Ван хет Реве. Необходимо вложить марку стоимостью в 2,50 гульдена, если автор письма желает получить персональный ответ от автора романа».)

Но этот роман не был опубликован, хотя автор утверждал в интервью, что работа сделана. «Он полностью закончен, обвязан упаковочной веревкой, плоть выросла, а духа нет, если вы понимаете, что я цитирую, а? Иезекииль 37. Я роман снова просмотрел и подумал: может быть, я могу использовать его, если, как говорится, от другой печки танцевать, но всё-таки не выходит; а материала в нем масса, да. Но, черт побери, я столько уже написал всего, что никогда не будет закончено. То, что я закончил, это лишь верхушка айсберга, ей-богу, правда».

И действительно, анонсированный роман «Огонь» (1948) так и не появился, равно как и книга «Три солдата» (1958).

В 1960 году Реве пишет на английском языке замечательный рассказ «Тюремная песнь в прозе», в котором ясно узнаваем реви́стский юмор, но по-прежнему думает, что не нашел верного тона. Попытки писать на английском обернулись финансовой неудачей, и Реве возвращается к родному языку. В 1961 году выходят «Десять веселых историй»¹. Среди них – «Провинциальные чте-

1 Русский перевод опубликован в сборнике "Вертер Ниланд" (2009).

ния», по мнению некоторых рецензентов – лучший рассказ Реве.

В 1963 году в Англии у Вими начинается связь с неким М., «водопроводным зайчиком». Из писем Реве складывается впечатление, что его держат в напряженном ожидании. Он строит серьезные планы и в каждом письме просит окончательного ответа: «Вим, чего ты хочешь?» Реве надеется, что они смогут вместе отправиться в Испанию. Как быть с М., которого Вими очень любит, он не знает. Возможно, придется его терпеть.

Он отправляет Вими «дорожные письма» с просьбой о критических замечаниях. «Если они тебе не нравятся, я ничего поделывать не могу, ибо мне необходимо писать эти письма, они служат переходной формой к новым рассказам и роману, такое у меня предчувствие». Эти дорожные письма означают новый поворот в жизни Реве. Когда он опубликовал в «Тираде» «Письмо, найденное в бутылке» и письма из Эдинбурга, Амстердама, Камден-Тауна, Госфилда и Страны Писателей, издатель Герт ван Орсхот сказал: «Еще два рассказа, и я сделаю книгу». Название Реве нашел быстро: «По дороге к концу», отсылка к «Путешествию на край ночи» Селина.

В книге виден зрелый Реве, который нашел свой стиль окончательно. Дурачества, вера, сексуальность: стиль грубый и возвышенный, религиозный и низкий. Этот стиль озадачил критиков, называвших его «языком закомплексованного кальвиниста, упрямца и злого насмешника» и даже «ухмыляющимся бессилием речи».

«По дороге к концу» пародировала команда сатирической телевизионной программы «Ну вот

опять ненароком»: «Любезный молочник, стоило мне решить сегодня утром, каковое показалось мне весьма мрачным после долгой ночи в компании порнографического писателя Й. К. и соблазнительного актера Й. А., на кого я никогда не могу смотреть, в то время как горячая волна крови пронзает мое тело, не вспоминая о юном приказчике, который несколько лет назад вместе с Вами обслуживал округу, и который Господом в его всемогущей мудрости, невзирая на мои похотливые молитвы, в конце концов был предназначен этой несносной пиздопроушине-зеленщику – расплатиться за заказ банкнотой, как я констатировал, что довольно давно с беспечною отстраненностью от обязанности, возложенной на меня Духом, который есть Пламя и Благодать. В каковой констатации я был менее воодушевлен Внутренней Страстью, нежели тем соображением, что издатель «Тирады» повысил гонорар на 3½ гульдена за страницу, так что это делу мало поможет, а посему будет достаточно простого сообщения: 1 молоко, 1 простокваша».

Несмотря на оживленную переписку между Вими и Герардом, несколько взаимных визитов (Реве в декабре 1962 года побывал в Лондоне) и неоднократные разговоры о примирении, постепенно становится ясно, что оно не состоится и Реве придется жить одному.

Реве решает зарабатывать на хлеб исключительно «настоящим писательством» и делать это в покое и уединении. Напряженная социальная жизнь и известность в Нидерландах стоят ему поперек горла, и с этой суетой он хочет радикально покончить. После ухода Вими ему, похоже, это вполне удастся.

«Наконец на сороковом году жизни я осознаю, что в известности толку нет, и что я не хочу ничего иного, нежели писать и этим, как подобает пристойному ремесленнику, торгуя написанным, зарабатывать достаточно денег, дабы жить достойно, без раздражающей и стесняющей бедности. А более ничего». И: «Ведь я писатель, а не журналист, переводчик, плясун на сцене, пиздател статей или кто там еще». («Письмо из страны писателей», 1963).

9

От Ночного Голоса Реве получает несколько заданий: отправиться в поля Аликанте и обосноваться в окрестностях заброшенной церкви Санта Мария делла Виттория, в ожидании Дальнейших распоряжений», отказаться от крепких напитков и добиться того, чтобы Вими выучился играть на гитаре.

21 января 1963 Реве предлагает Вими отправиться в Испанию вместе. Выясняется, что Вими не имеет никакого желания ехать (он пишет, что в Испании тоже мороз), но в последующих письмах в феврале и марте Реве всё еще пытается убедить его. Будет ли связь Вими и Реве восстановлена, пока еще не очень понятно: Реве этого хочет, но с кучей условий, а Вими волынит, но дверь окончательно не захлопывает.

В конце концов становится ясно, что путешествовать придется без Вими. Реве покидает Роттердам 9 мая.

«Моя жизнь была бесконечной борьбой с хаосом, – пишет он в 1963 году, когда окончательно завершаются его отношения с Вими. – Только сейчас я смог осознать, что состою из двух противоположных характеров, которые скорее убивают,

нежели дополняют друг друга. Тем не менее, благодаря пониманию и заклинаниям, воле и терпению, при определенном расположении звезд они сообща могли бы соразмерно вдохновлять на художественный подвиг».

Теодор Холман

10

Вим Шумахер, 1956

ОТ АВТОРА

Год с небольшим тому назад, на книжном развале под открытым небом, я заметил картонную коробку из-под маргарина, полную неопрятных бумажек. Это была мешанина из машинописных страниц, старых газет и журналов. Я механически и без особого интереса рылся в коробке, и вдруг пара печатных строк показалась мне странным образом знакома. Теперь я присмотрелся внимательнее: более четверти века спустя у меня в руках очутилось мое собственное письмо к Вими, тогдашнему моему другу! «Это что за хлам?» – небрежным тоном спросил я. – «Да вроде статьи какие-то, – сообщил мне продавец. – И философия, и всякое такое».

11

Газеты и журналы в коробке ценности для меня не представляли, но содержание писем заинтересовало – и все ли они были адресованы В¹, и были ли они там полностью, я тогда установить не смог. За несколько гульденов я заполучил коробку и ее содержимое.

1 Виму Шумахеру (Wilhelm Johann (Wim) Schuhmacher (1933–1983), возлюбленному Реве, отношения с которым продолжались до 1963 года: он покинул Реве ради «водопроводного зайчика М.». Реве и Шумахер жили в районе красных фонарей в Амстердаме, на Оудзейдз Ахтербюрхвал. В первые годы Реве, его жена Ханни Михаэлис и Шумахер жили в одном доме: Михаэлис в передней его части, Реве и Шумахер – в задней. Вима Шумахера читатель встречает в ранних книгах Реве под именем «Вими», в том числе в «По дороге к концу» (1963). Шумахер сначала работал в сфере образования, а затем в журналистике. С 1973 года – в редакции журнала «Элсевир», где последние пять лет своей жизни возглавлял отдел культуры. (Здесь и далее прим. перев.).

Полагаю, что в этом чудесным образом вернувшимся ко мне комплекте писем – как отпечатанных на машинке, так и написанных от руки – всё на месте, ибо всякий раз, когда в тексте имеется ссылка на предыдущее или обещанное следующее письмо, оно оказывается в наличии. За исключением мелких повреждений из-за влаги, текст оказался довольно разборчивым, или же его можно было расшифровать без особых хлопот.

12

По настоянию некоторых образованных друзей я согласился на публикацию. Очевидные опiski исправлены; из деликатных соображений некоторые имена указаны лишь инициалами; в одном случае удален ненужный компрометирующий пассаж. В остальном никаких изменений в текст не внесено.

Осень 1980

Г. Р.

Амстердам, 28 апреля 1959

13

Милый Мальчуган,

В остальном всё прошло хорошо. Вернувшись в воскресенье домой, я тотчас же написал рецензию на представление *A Touch of the Poet* О'Нила и управился с этим в половине второго. Тут же в машинку, и это было отличное, взвешенное и остроумно построенное изложение. Теперь еще вещичка Нотебома¹, что будет посложнее. Днем я немного, но не слишком рьяно, покорпел над переводом и продрался через пару трудных пассажей.

С утра позвонил в «Элсевирс Векблад»². Да, там у них всё еще лежит в главной редакции и ничего не решено. Меня известят при первой же возможности. Сроки расплывчатые, но да, мне нужно держаться решительно, однако не проявлять себя чересчур keen³ и уж точно не показывать, что нуждаюсь в деньгах. Стало быть, ждать. Я, конечно,

1 Обе рецензии – на постановку пьесы Юджина О'Нила «Душа поэта» и Сейса Нотебома «Лебеди Темзы» появились под названием «Настоящий майор и поддельный полковник» в журнале «Тирада» в мае 1959 г.

2 Голландская газета с консервативно-либеральной окраской.

3 Заинтересованным (англ.).

могу на квартплату и т. д. занять у Ханни¹. Более чем на два дня с решением не затянется. И вчера днем, в понедельник, мне нужно было в четыре часа в театральную школу, присутствовать на «учебном представлении» учеников второго класса, посмотреть одноактники Сибрена Полета² и Элдерта Виллемса³, соответственно «Дом» и «Собака-поводырь». Вот бы Красавчик Хенк тоже сейчас во втором классе учился. То есть мое старое похотливое сердечко забилося при входе в комнатку. Но насколько же это было ужасно при свете дня! Сперва он сидел рядов через восемь позади, но меня не видел, думаю, что без умысла, поскольку он слеп, как крот, и то и дело на минутку надевает очки, чтобы потом из тщеславия снова их снять и быстренько припрятать. Роба у него страшная, уже одутловатая и насупленная, что у избалованного дитяти. Совершенно не мой тип, как ты мне и говорил, ни шалости, ни страсти, просто мухомор какой-то. Такой осадок у меня от него остался, что после перерыва я только и надеялся, хоть бы он меня не заметил, и так оно и вышло. Но да, и кто же еще появляется на сцене из его одноклассников? Мальчик, которого я уже видел прежде, может быть и в клубе, точно не знаю, но этакий Лапуся, этакий прекрасный шаловливый пес с короткими светлыми волосами, большими глазами и великолепным юношеским ртом, и такой худо-

1 Т. е. у Ханни Михаэлис. (Hanny Michaelis, 1922–2007).

2 Sybren Polet, настоящее имя Sybe Minnema (1924–2015) – поэт, прозаик, переводчик.

3 Eldert Johannes Willems (1923–2012) – поэт, скульптор, философ.

щавый и гибкий, в таких чудесных, вполне обтягивающих, но не слишком узких, чуть поношенных черных вельветовых брюках, облегающих его прекрасную попку и ноги, в таком прелестно небрежном жилете, что меня сразила печаль похоти и ностальгии и мыслей о собственном моем возрасте и том кратком времени, которое мне еще отпущено, и т. д. Голос жеманный, почти ужасный, но он не мог заглушить моего смятения и бурной влюбленности. Такой вот я сейчас – позор, конечно, но Господь свидетель, в первую очередь это страсть, и романтика, и восторг, и никакого холодного, грязного и расчетливого сластолюбия, как у многих распутников. Но ладно, может быть, я еще увижу его при вечернем освещении, и это будет такой же холодный душ, как произошло при солнечном свете с Красавчиком Хенком. А может быть, он пахнет совсем не так, как надо, но боюсь, что он совершенно замечательно пахнет: сеном, парусиной, водорослями, кожей и юношеским потом. Боже, помоги мне. Между тем я вполне успокоился. Представление же было совершенно ужасным и превзошло мои самые мрачные ожидания. О творение Сибрена Полета местами можно было мозги сломать, так что мысли мои несколько разбежались, а потом было, как всегда, мать-о-дитятке-заботься-лишь-бы-не-было-войны, плаксивые газетные цитаты, ужасающее засилье техники и так далее и тому подобное. Приехали. Элдерт Виллемс сперва прочел нечто вроде этического введения об усредненности среди людей, о работе писателя или о чем-то там еще, большой роли не играло. То, что он хочет донести до зрителя – это некая расплывчатая банальность, но

нужно сказать, что его постановка поистине утонченная, не без аутентичности, пусть и жиденкой, и что местами там был действительно театрик, и он вызывал нечто вроде драматического волнения. Через час (в течение которого я насмотрелся на Второклассного Лапочку до такой степени, что чуть не завыл от влюбленности, хотя при этом всё же сохранил достаточно концентрации, дабы продолжать пропускать через себя то, что предлагалось моему вниманию, и не одобрять), всё кончилось, и В. П. (до ужаса глуп этот молодчик) спросил, имеются ли еще у кого-нибудь вопросы. Нет, ни у кого. Может быть, кто-то хочет еще раз посмотреть второй одноактник, «Собаку-поводыря» (Виллемса), так это можно. Нет-нет, никто. Он надулся, и все пошли по домам.

Мы с Р. поели у меня и пошли в театр. Пьеса была несносной, какой-то набор плоских галантных сцен якобы про любовь и флирт, но таких пустых, так мало одухотворенных, что челюсти можно было вывихнуть. Ирма блаженствовала, но ее вкус тут ни при чем, просто она – женщина. Им только такое и подавай, любовь, объятия и галантные интриги, они этим живут, это я еще по Ханни помню. Декорации и костюмы были сделаны с тем простым великолепием, что выше всяких похвал, всё весьма изящное и хрупкое, то и дело падающий между сценами великолепный занавес, громадная репродукция гравюры того времени, панорама Вены. Также весьма изысканная, скромная музыка, связывавшая сцены. Рамзес, увы, изуродованный усиками, но всё же с хорошо различимыми талией и задиком, играл ошеломительно хорошо, это делало всё еще более удобо-

варимым. Для чего нужно было это вытаскивать, я не понимаю. Определенно потому, что должно было быть представлено нечто культурное.

Да, вот что еще должен тебе рассказать. Ханни обедала у Тилли, и та спросила сначала обо мне. Потом, после паузы, как дела у мальчиков. Отлично, говорит Ханни; но Вим уехал, он на армейской службе. О, и тебе, конечно, так лучше? Почему, спрашивает Ханни. Ну, я подумала, что теперь тебе будет спокойнее. Как тебе это нравится? Вот ведь кляузница! Вот ведь интриганка несчастная! Теперь уж точно ноги моей у нее не будет, а если звонить станет, скажу, почему. Всё бы ей подначивать и ожидать, что ей всяких ужасов пона-расскажут. Но уж она это услышит. Меня давно достала эта прогрессивная шайка, которая всегда смотрит на тебя, как на прокаженного. Помнишь ли еще тот случай, когда В. П., уходя вечером из кухни – та, большая, внизу, в которой мы ели, тогда она еще существовала, и я, думается мне, там еще жил, или уже на Вермерстрат – он всем подал руку, оборотился к тебе, заметил, что ты стоишь, отвернувшись, и просто взял и ушел, не заморачиваясь попрощаться с тобой? Ты этого не заметил, да и я не был тогда тем, кто я есть сейчас, так что, возможно, я весь этот инцидент от тебя скрыл. Ба, какая фигня!

После театра еще в «Американском кафе». Отчего ты спрашиваешь, не бегают ли Ирма за мной? Я всё же так не думаю, хотя педиков вечно обвиняют в том, что они воображают, будто в них все женщины влюблены. Однако есть что-то в ее поведении, что меня беспокоит, сам не знаю, что. Но в самом деле при прощании задерживает руку в

моей чуть дольше и говорит, когда я ей из ее кошелька гривенник выуживаю: «И ключ от дома сразу уж возьми»; как это понимать, не знаю.

18

Сегодня я часов с одиннадцати, после очередной армейской постирушки (сейчас уже почти всё сделано) до почти половины шестого пыхтел над переводом, добрых четырнадцать страниц, так что теперь первое действие готово. Текст выходит отличный, и я получаю большое удовольствие. Я хочу, чтобы ты в выходные прочел всё, что я перевел, читаться будет очень быстро, за часок без малого.

Теперь заканчиваю, много всяких любострастий писать не буду. Ужасно хочу взять тебя, почувствовать животом и коленями бархатистую смуглую кожу твоей попки. Черт возьми, в эти выходные никакие отговорки не принимаются. Хочу поиграть с тобой в «ножички», бросить свой кинжал в твою норку. До свидания, похотливый великолепный горячий сладкопотопахнувший зверь. Твою рубашку и белье я постирал, но сперва всласть упился ими и кончил в них. Сейчас иду отправлять письмо, ибо уже поздно, и Жерару нужно было сперва получить совет по электричеству, и было официальное заседание клуба: всяческая важная трепотня, типа меня избрали делегатом на какой-то конгресс, а я ничего об этом не знал, да им-то что.

Бессчетные покусывания и похлопывания по твоей сладенькой, узенькой, замшекожей юношеской попке, которую я буду одной рукой тискать, а другой крутить твой хуй, чтобы услышать, что ты мой и не смеешь глядеть на других мальчиков. Буду тебя душить, колоть, прижигать всеми буквами моего имени твою изящную спинку, твою

грудь, твое божественное мурло, которое начинает выглядеть нагло, точно на детской фотокарточке в пластиковой рамке. Миллион раз целует и кусает тебя твой супруг, повелитель, хозяин и палач

Герард.

* * *

19

Лондон, 26 июня 1960

Милый, Жестокий и Прекрасный Зверь,

Я люблю тебя. Мы добрались благополучно, и я заметно меньше боялся, чем в прошлый раз, хотя было еще довольно страшно при взлете и посадке. Это был весьма комфортабельный Vickers Viscount¹. Брайан был безмятежен и очень хорошо успокаивал меня. Я думаю, он ужасно милый – жаль только, что у него такая плохая фигура, а кожа поистине британская. (Он так обгорел в Зандфорте, что сразу же по прибытии заклацал зубами от лихорадки, но теперь ему лучше). Я вновь виделся с Пимом. Кес совершенно счастлив. Он живет с М. С. в Хайгейте или Белсайз-парке, в новехоньком бунгало, абсолютно безумном и чувственном, тебе стоит посмотреть.

Сегодня мы посетили Highgate Swimming Pond², но «голубков» видели очень мало. Завтра принимаюсь за какую-нибудь работу, ибо не хочу баклуши бить: это утомляет и деморализует. Нам пришлось платить за каждую бутылку можжеве-

1 Vickers Viscount – британский турбовинтовой авиалайнер.

2 Популярны у лондонских геев пруды.

ловки 12 шиллингов 6 пенсов, и нам еще и пошли навстречу. Но поллитра можно, так что прихвати поллитра, когда поедешь.

20 Милый, меня дико разбирает, когда я о тебе думаю. Что ты такое учудил с Эдди, мой великолепный красивый желанный котик? Я заставлю тебя всё рассказать. Я терпеливо жду дня, когда ты будешь здесь, чтобы допросить меня. Милый зверь. Сегодня вечером я собираюсь на предобеденную вечеринку к этому подхалиму С., которого по непонятным причинам ценит Перкин¹. Я сплю с Перкином, который, пока я лежу на животе и притворяюсь спящим, гладит меня, хватая за зад, тискает и награждает тысячью мелких шлепков, – было бы смешно, когда бы не было так трогательно – при этом он задыхается, ревет и вздыхает и как-то даже кончает, как именно, не знаю, но, похоже, тут всё в порядке. Мне такое обхождение вовсе не показалось неприятным, так что все счастливы. Он ужасно милый.

Напишешь мне сразу же, и не кратко и вымученно? Распутные штучки, пожалуйста. И еще, если можно и если будешь столь любезен, сказки.

Дорогой мой, дивнословенный наездник-непослушных-мальчиков, с этой твоей смазливой брутальной рожей, теперь мне пора на вечеринку, но пойду еще малость подрочу, вспоминая твой зад и острую, безумнорогую, здоровенную штуковину.

Милый, зверь, напиши скорей. Сукин ты сын.
Целую, кусаю и так далее, твой

Герард.

1 Перкин Уокер (Perkin Walker), «лондонский друг» Реве, у которого он регулярно гостил в Халстеде.

Лондон, воскресенье 3 июля 1960

Милый Мальчик,

Я уже начал очень переживать, что ты не пишешь, когда пришло твоё письмо вчера утром, хотя и несколько краткое и прохладное. Практические и личные вещи я буду писать вперемешку, как в голову взбредет. Мы заберем тебя из London Airport. Для Перкина возьми не больше ½ литра, иначе тебе придется платить duty. Относительно того, что привезти, особых пожеланий у меня, в сущности, нет, кроме разве что носовых платков, адресной книжки и пары упаковок спичек «Ласточка».

21

В четверг днем, 14-го, мы отправляемся к Энгусу¹ в его коттедж до конца выходных. В среду вечером я мимоходом видел его – во фраке, готовящимся к обеду с какой-то герцогиней. В тот же вечер 14-го мы у Энгуса сможем посмотреть Брайана в телеспектакле. Я начал переводить «Коммисара Феннеди»², но еще не слишком продвинулся. Брайан и Джон переехали только вчера, и лишь с тех пор у меня появилась собственная комната. Кровать и впрямь громадная. Их новая квартира (Джона и Брайана) поистине премилая.

Вчера мы были у Эрика Б. и ездили на пикник на Темзу. Попозже подошла еще какая-то стюардесса, которая меня, однако, весьма мало заинтересовала. Я ни с кем не ложился и очень похоже,

1 Сэр Энгус Уилсон (1913–1991) – британский писатель.

2 Единственная опубликованная пьеса Реве (1961); по-английски называлась *Captain Kennedy*.

что до твоего приезда этого не случится. Кес всех достал, но, к счастью, Майкл и Тони (порядочные, достойные люди) находят его весьма милым. Он опять живет обычной жизнью своих похотливых прихотей и разочарований. Надеюсь, что мы будем не слишком часто видеть его, ибо он действует мне на нервы, как всегда.

22

Я по той или иной причине совершенно не интересуюсь сексом и чувствую сильнейшее безразличие даже к чувственным и красивым мальчикам. Ты сможешь играть на скрипке Перкина? Если нет, то тебе придется прихватить свою.

Многих я сексуально возбуждаю, и многие льстят мне, но от этого приятного мало. Я очень много думаю о смерти и о постижении нетленных истин. Часто ловлю себя на том, что не слышу, что мне говорят, и постоянно забываю имена. П. Дж. С. слишком уж часто приводит очередного своего бойфренда (еще более склизкого и напыщенного, если это возможно), чьего языка я практически не понимаю. К моему большому удовлетворению, их квартиру обчистили вечером того самого дня, когда Перкин и я были на неопишимо тягомотной вечеринке с *vin rosé*. Кротость и снисходительность Перкина в суждениях и отсутствие жесткости порой преисполняют меня отвращением. Единственные симпатичные люди – это Брайан, чья душа содержит ряд ценных человеческих ингредиентов, и его коллега, Грэм А., *coming actor*¹, ужасно милый и порядочный и даже несколько «голубок» на обезоруживающий, этакий мышинный манер. Думаю, что тебе он тоже понравится. Джон С. по-прежнему кажется мне неприятным, неопрятным и плохо организованным.

1 Многообещающий актер (англ.).

Теперь практические указания перед твоим отъездом: проследи, чтобы на Монникенстрат окно наверху было закрыто и заперто на засов, а внизу – приоткрыто на щелочку. Вымой конфорки лодалином, просуши, капни на них чуточку машинного масла и разогрей. (Масло стоит около камина в мастерской). На твоём месте я бы всё застопорил, и бойлер, и свет, и плиту погасил бы, в любом случае выключил бы бойлер в кухне.

Заберешь с собой почту? Все письма вскрой и перешли, если есть что-то от Властей. Может быть, прихватишь театральный бинокль?

Новый клуб Перкина значительно менее печален, нежели тот, который мы посещали до сих пор, с большим патио. Некоторые посетители поистине «голубки». Не думаю, что хотел бы жить в Англии, да еще под постоянным стрессом.

Я пока ни разу не ходил ни на фильмы, ни на спектакли, но Перкин берет на себя подготовку к этому, так что мы будем выходить. Я очень тоскую по тебе и без тебя чувствую себя не особенно в своей тарелке. Тебе нужно будет здесь хорошо отдохнуть и долго спать, это тебя поставит на ноги. Все тебе кланяются, особенно Эрик.

Если перед приездом еще сможешь написать мне письмо, буду очень рад.

Я отлично знаю, что ты не ожидал, что, помимо работы в конторе, тебе придется заниматься еще и домашним хозяйством. Работы довольно много, как ты заметишь. Славно, что ты подкармливаешь Денизу¹.

Я пишу это письмо возле Highgate Swimming Pond, куда Перкин доставил меня час назад. Скоро

1 Кошку.

он ко мне присоединится – после своего тенниса. Он купил мне пару джинсов, таких же, как у него, только по случаю дешевле на 50 %. Погода портится, иду домой.

Всего доброго, милый, я очень тебя люблю.
Множество поцелуев от твоего

Герарда.

24

* * *

Лондон, 5 июля 1960

Милый Мальчуган,

Как славно, что ты позвонил, хотя я немного испугался. Как ты знаешь, мы в любом случае заберем тебя из London Airport. Мне ничего не нужно, кроме пары упаковок спичек «Ласточка», ½ можжевелевой (не больше) и носовых платков. О сигаретах тебе придется позаботиться самому. Если будет место – хотя это не столь существенно, – мои брюки хаки.

Я купил порошок для ног Mусул, он весьма действенный.

Последние три дня я чувствовал ужасную усталость и немножко температурил. Еще и хрен мой начал болеть изнутри, когда мочусь. Я думал, что это из-за водяного кресса. Но когда начались нечистые выделения, я решил обратиться за медицинским советом. Сейчас я вернулся с бесплатной и анонимной консультации в University College Hospital на Gower Street, где мне оказали быструю & эффективную помощь. Оказалось, что у меня гонорея, мне запретили пить и сделали укол пе-

нициллина в левую ягодицу. Это легкая степень, и инкубационный период составлял недели три, было мне сказано; как они к такому выводу пришли, не знаю. В любом случае славно, что я здесь всё еще не дебоширил и об этом умолчал, а то было бы неловко. По-человечески если предположить, это должно быть от Берти или, через тебя, от Эдди. Как бы то ни было, ты за своим франсиком присматривай. Если появятся спермообразные выделения, но зеленоватые, вроде соплей, когда будешь оттягивать, значит, это оно и есть.

Пока что всё. Больше писать не буду. Все с большим интересом ожидают твоего приезда. Сейчас идем на Orpheo Negro¹, Перкин и я. Чувствую сильную сонливость и усталость, возможно, из-за пенициллина.

Милый, я страшно жажду твоего совершенного тела. Может быть, нам в самом деле нужно прекратить эти сказки рассказывать, прежде чем у меня это перейдет в зависимость. Купил Brylcream².

Милый, береги себя, вовремя ложись и не простужайся.

Множество поцелуев от твоего мужа

Герарда.

1 Фильм Марсея Камю "Черный Орфей" (1959).

2 Средство для укладки волос.

Лондон, 6 июля 1960¹

Милый Зайчишка,

Я люблю тебя. Пишу тебе еще раз, потому что Перкин очень хотел бы, чтобы ты, если можно, привез свою скрипку – хотя ее можно взять взаймы и здесь.

26

Я потрясающе чувствую себя без алкоголя, отослал статью для «Тирады»² и подготовил первую порцию рукописей для «Бюллетеня Оверстегена»³. Завтра мне нужно опять в клинику. Все симптомы исчезли за ночь. Надеюсь, что у тебя нет проблем. От кого же это? Если ты в порядке, то это просто загадка, учитывая, что я здесь самое большое тискался и целовался, а передача подобным путем, мне кажется, это небывальщина. Кроме того, длительный инкубационный период, как они подозревают. Заразен ли ты уже в течение инкубации для остальных? Посмотри-ка про это в медицинской W. P.⁴ у Берти и Жерара, если у тебя будет

1 Через несколько дней, 13 июля 1960, Реве закончил написанный по-английски рассказ, посвященный Энгусу Уилсону – “A prison song in prose”. Он был напечатан в 1968 г. тиражом 3000 экз. (Русский перевод – в сборнике «Меланхолия», 2008).

2 Имеется в виду статья «Нет грома среди ясного неба. Анонс драмы».

3 Под «Бюллетенем Оверстегена» подразумевается *Writing in Holland and Flanders*, «Фонд продвижения перевода нидерландской литературы». В то время Й. Й. Оверстеген сделался директором этого фонда, и Реве подготовил рукопись к печати.

4 Медицинская энциклопедия Винклера Принса.

время и желание. Горячо надеюсь, что в пятницу уже опять буду полностью готов к употреблению.

Милый, хорошенько следи за собой. Здесь порой очень тихо и скучно – вечером снова Джон С., бойфренд Морриса и пианист Пита (этот еще по крайней мере сносен)! Единственное действительно приятное общество, которое не кривляется и не ломается, представляют собой Брайан и Грэм, но я вижу их нечасто и не хочу навязываться. Погода в последние дни скверная (иными словами, довольно тепло, но солнца мало, чтобы загорать).

27

Милый, меня разбирает похоть к тебе.

Зверь, король, мальчик-красавчик.

Поцелуй от

Герарда.

* * *

Лондон, 7 ноября 1960

Милый Мальчик,

Переправа прошла спокойно, однако было довольно тягостно, вчетвером в каюте (двое под пятьдесят и один зайчик), так что поспать мне удалось всего пару часов из-за тесноты, грохота и качки. Но это в любом случае лучше, чем дневной переход. Здесь я немедленно, без всяких алкогольных излишеств, приступил к работе и в полдень сделал половину того, что еще оставалось ($\frac{1}{2}$ из 14 = 7 страниц), так что остается еще 7, которые я сделаю утром. Это еще куда ни шло. Здесь очень холодно (ночью подмерзло), но погода дивная, солнечная.

У Перкина теперь домовитый швейцарец в роли charboy¹, не «голубок», молодой и стройный, но рожа странная, хотя задок премилый в узких оранжевых «техасах». Вечером к ужину придет Ральф. Я чертовски устал из-за работы челюстей и всего двух часов сна и нервов, но в остальном всё в порядке. Здесь очень легко получается ничего не делать, но засадить себя за работу стоит мне по нынешнему времени меньше труда, чем прежде.

28

Прощай, милый попкомальчик, вечером буду дрончить и думать о том, что когда-нибудь объезжу тебя так, чтобы ты визжал от любви и боли. Жажду тебя. Напиши мне поскорее. Множество похотливых пощупываний, рабов-негритосиков и всяких других восхитительных зверств, ибо я твой раб. Милый.

Герард.

* * *

Амстердам, 12 апреля 1961

Милый Лапочка,

Прилагаю незамысловатый отчет о положении дел. Я пытаюсь не дегенерировать и, например, вставать вовремя, что мне по сей день вполне удается. Дом в чистоте и порядке. Я отыскал и унес стирку и решил всё положить в корзину или выбросить, или постирать и разместить either на перекладине или в шкафу. Утром здесь были бойлерщики (рабочий люд – могучий люд) и обна-

1 Поденщика (англ.).

ружили ошибку, но на месте ее исправить было нельзя (протекающая труба, которая брызгала на магнитную катушку и окисляла ее). Так что они придут снова и будут этак часа 2½ стоять здесь лагерем и чесать языками. До чего же я от этого устал.

Вчера утром мне было очень одиноко без тебя, и день также принес всё, чего только можно было от него ожидать. Сперва сильный приступ паники Ханни, которая была полностью в плену рака. Будущее привиделось мне темным, ежедневный пасторский уход и т. д. Однако сегодня доктор Б. П. заверил, что всё полностью пришло в норму, и он при всём желании ничего найти не может. Должен тебе сказать: облегчение, конечно (которое было отпраздновано алкогольными излишествами), но вчера я этого еще не знал. Затем на сцене появился молодой м-р Мото (темноволосый японец с праздника в субботу вечером). Я, похоже, танцевал с ним и обменивался всяческими мнениями. Проблема было в том, что я забыл, как его зовут и кто он по профессии, хотя в тот вечер он мне, видимо, всё это обстоятельно излагал. Из-за моего совершенно побитого состояния я стал показывать ему наши гравюры. Он очень даже ничего, хотя возбуждающим его не назовешь. Тело у него недурное, хотя из всяких неожиданных мест растут волосы. Целуется совсем как ты, так что это меня несколько смутило, и еще у него, что весьма неожиданно, крепкая штукавина. Теперь он пишет мне странные, кокетливые письма. В остальном он парень неглупый, но ему хочется знать, был ли он для меня желанной добычей или нет и т. д. Утомительный, но, конечно, наивный и чуть-чуть трогательный, если ты понимаешь,

что я имею в виду. Удивительно, что в твое отсутствие у меня нет ни малейшей потребности выйти на улицу и подцепить какого-нибудь мальчишку. Однако дрочу как бешеный, думая при этом, что имею тебя, если простишь мне такое выражение. Я постоянно пытаюсь не сидеть, уставившись перед собой, а следовать определенной программе. Например, я надлежащим образом просмотрел все письма поклонников и ответил на них. Я большей частью управился с «окончательным» текстом лекции, но в эти выходные приедет один драматург из Гронингена о чем-то поговорить, в числе прочего и о переводе одной американской пьесы. О да, еще звонил Йохан с С**страт, можно ли ему вечером зайти. Он позвонил, «ведь мало ли, вдруг у меня посетитель». Я сказал да, но тут же подумал: с ума я сошел, и написал ему письмецо, что так дело не пойдет, ибо ничего хорошего из этого не выйдет, и что добро пожаловать на выходных, по крайней мере когда ты будешь здесь. Возможно, он обиделся, но я-то что могу поделать, плевать я хотел на такие блядские предприятия, я имею в виду – сближения с господами гомосексуалами, которые выныривают, потому что ты уехал. Если Йохану хочется секса, давай уж ты его это самое, и никаких гвоздей. Мне весь этот шум-гам ни к чему. Масса заинтересованных звонит, хотят, чтобы я их сексуализировал, но это дело не проходит. Меня тоска охватывает при мысли, что ты не ценишь, что я от всего этого отмахиваюсь, но сердисься из-за того японского цветного, которого зовут Р. (я его тайно называю д-р Лупарди¹), но уж что выросло, то выросло.

1 Профессор Лупарди – один из героев нидерландского комикса «Капитан Роб» (1945–1966).

Я хочу покоя, равновесия, гармонии, а не шума. Меня больше занимает смерть, чем жизнь. Кстати о смерти, сегодня звонил Як. ван Хаттум¹ и был опять необуздан, на свой манер. Луи очень опечален, мудила тупой, потому что работа в вагоне-ресторане его больше совершенно не устраивает. Ханни напишет Перкину письмо, что у нее не нашли рак и что она так благодарна за его нежную заботу, вопрос только в том, будет ли это письмо когда-нибудь отправлено. Роберт² у меня поел, и мы вместе вымыли посуду, он сварил кофе, который мы сейчас и пьем. Коту Ханни сделали укол и прописали мазь, чтобы втирать в пузо, будем надеяться, что поможет. Я очень тоскую по тебе. Всякий, кто осложняет жизнь, должен быть уничтожен. Вот еще забыл, хотел написать, что совершенно случайно обнаружил, что у моего старика-отца был вчера день рождения, слава Богу (я имею в виду, что внезапно вспомнил), так что я купил *The Foxglove Saga*³ и подарил ему. Мрачный вечер, смягченный алкоголем. Я бы хотел поговорить с тобой о серьезных жизненных предметах (я не имею в виду наш брак), вместо этой тихой перебранки, которая никому не нужна. Любострастный мальчик, ты очень красив в униформе, какой бы непривлекательной она ни была, но вот как получается, если кто-то хорошо сложен, то из-за оскорбления униформой в нем появляется некая непреодолимая чувственность. Униформа еще и пахнет мужественностью, силой, юношеской беспомощностью и т. д.

1 Jacob van Nattum (1900–1981) – писатель.

2 Robert Jasper Grootveld (1932–2009) – художник, известный прежде всего своими хэппенингами в Амстердаме.

3 Роман Оберона Во (1960).

Вчера мы собирались у Груневелда, с Яном Волкерсом и А. ван Б. Эта А. совершенно сумасшедшая, полностью выжила из ума. Она, конечно, еще время от времени раздражается чушью, но я радуюсь любой возможности развлечься. Думается мне, она хочет в мою семью, но мне она кажется определенно непривлекательной, и ничего не получится. (Та же беда, что с Ханни: слишком много думает по-мужски, хоть и набекрень). Ёбанный в рот! Надеюсь, что ты напишешь мне вечером. Хорошая погода стоит у вас, в остальном всё будет мрачно. Д-р Лупарди рассказывает направо и налево, что доказанная гомосексуальность определенно ведет к увольнению из армии. После твоих военных сборов мы должны хорошо поразмыслить. Не люблю я эту расплывчатость: в самый последний момент схватить униформу, нежелание об этом говорить и т. д. Если мы станем работать систематически, то выберешься, это точно. Отчего бы не попробовать – государственной службы ты никогда добиваться не будешь. Помогите мне не забыть, что я в эти дни должен написать завещание.

Надеюсь в пятницу получить от тебя письмо. Теперь иду отправлять это, чтобы ушло с ночным поездом. Русский космонавт, мне кажется, такой немножко Зайчик. Прощай, милый, прощай прекрасный похотливый зверь, я очень тоскую по тебе, и все мои фантазии, когда я дрочу, связаны с тобой. Прощай, мой дивный муж с прекрасным, сладострастным, желанным задом и обожаемой шеей. В субботу вечером давай уж, никакого художественного свиста, я сыт по горло всеми этими отмазками типа устал, не в настроении и тому

подобное. Я хочу тебя пару раз в день. Теперь отправляю его. Прощай, великолепный зверь, напиши мне скорее, если еще не написал, и попытайся послать больше, чем одну-две строчки, хотя пара любово-страстных строк уже само по себе прекрасно. (Как ты обожаешь мое тело и т. д.) Прощай, прекрасный зверь, я напишу всякие сладострастные вещи, которые ты терпеть не можешь и которые ты мне запрещаешь. Я жду дня, когда они будут позволены.

Несчетные кусаки, стоны и обожание, твой муж

Герард.

* * *

Амстердам, 19 апреля 1961

Милый Лапушка,

Я люблю тебя и страшно возбуждаюсь из-за тебя. Сейчас уже половина двенадцатого ночи, но я опять хочу писать тебе. Я очень тоскую по тебе, дивный муж. Я хочу, чтобы ты понял, как я схожу по тебе с ума, и что всё, что я делаю и позволяю делать, ведет обратно – к желанию тебя. Ради всего святого, я надеюсь, что ты приедешь в субботу. Я купил немного выпить и потребляю весьма экономно.

Чудо свершилось. Придут заменить навес над кухней и протекающий водосток в мастерской! (Надеюсь, что за этим ничего не кроется). Я спросил у Мейеса & Хювелера смету без обязательств

насчет мастерской: иными словами про обогреватель на солярке, который питается от бочки на площадке. Это также будет означать теплую ванную и сухие, обогреваемые спальни. Когда ты будешь дома, мне придется работать отдельно, а электричество слишком дорогое.

34

Золотко, зверь, нет на свете мужчины, который любил бы другого мужчину так, как я люблю тебя, если бы только осознал это и не принимал бы за granted.¹ Я имею в виду, зачем тиранить меня, держать на коротком поводке и мучить больше, чем это необходимо и чем мне нравится?

И я считаю, что тебе со мной здорово повезло. Напиши мне что-нибудь чувственное, от чистого сердца, без расчетов или умолчаний. Если ты хочешь унижать меня, топтать меня, я это приму, по крайней мере если это доставит тебе наслаждение. Я не живу ни для какого иного живого существа, кроме тебя. Дурной ты ублюдок, пойми уже это. Ты можешь избивать меня из ревности и объезжать меня без пощады, если только потому, что любишь меня.

Я схожу с ума и покончу с собой, если ты меня не любишь. Божественно сложенный, желанный зверь. Хоть бы ты сам понял, как ты красив и сладострастен. Ты напишешь мне? Мне часто бывает страшно, что с тобой что-то случится.

Я точно знаю, что могу еще раз поговорить с тобой о всяческих предметах, которые нынче табу. Днем проходил мимо гостиницы и зашел. Оценка подрядчика оказалась неверной, и только теперь комната готова. Дикий, неопикуемый кавардак, прямо какие-то туристы. Даже Ян подавлен этим.

1 Как само собой разумеющееся (англ.).

Они передают тебе сердечные приветы. Теперь мне нужно отправить письмо и в постель, поскольку завтра явится рабочий люд – могучий люд.

Поцелуй и т. д. от твоего мужа и покорного, но всё же порой мятежного раба

Герарда.

* * *

35

Амстердам, 26 апреля 1961

Милый Лапушка,

Самый, насколько это можно, тщательный отчет о событиях прошедших дней. Во-первых, рабочий люд могучий люд полностью управился: вчера к вечеру они закончили водосток в мастерской. Разгром (грязь, щебень, порошок, куски цемента и пыль) в доме неопишуемый, но думаю, что прибираться начну только завтра, на всякий случай, мало ли, явятся еще сегодня за какой-нибудь забытой деталью. Вот что тебя точно заинтересует – мне, из-за того, что Эдди Хорник не смог прийти, в последний момент предложили поучаствовать в театральном форуме, в ближайшую пятницу. Я предложение принял, поскольку мне за это заплатят 100 гульденов. Можешь сделать себе кожаную куртку. Я ни с кем не блядовал, усиленно работаю над лекцией для NVSH¹. Встретил толстого нытика с **страт. (Блондина, не Б., думается мне). Они сняли квартиру на Кампертстрат. Еще я днем ходил поздравлять Яна Т., подарил ему бутылку

1 Нидерландское Объединение Сексуальных Реформ.

и «Силки»¹. Там всё еще неопиcуемый бедлам. Я ходил с малышом Р.², который зашел днем в зеленых штанах из рубчатого вельвета & кителе с пуговками (лилово-зеленая клетчатая материя, из которой шьют саронги). Рабочий люд и публика на улице дивились – из-за этого мне вспомнился Роберт, который выкрасил волосы в медный цвет. (Роберта я больше не видал, и о немецком похотливце ничего не слыхал). Однако звонил Б. (уродливый, но довольно чувственный парень, которого однажды приводил Вернер, ты, кажется, его не встречал) и хотел условиться о встрече. Я ему сказал, что он может зайти на выходных, но сперва должен позвонить. У него хорошая работа и, возможно, машина, но я не удивлюсь, если он жаден так же, как Вернер. Разумеется, была Ирма. Больше, по сути дела, вспомнить нечего, разве что то, что я вчера очень славно пообедал у Ханни. Дрочу как бешеный. Вчера днем был у гомосексуального трагика Бр., для нашей радиопрограммы. Он лежал в постели с разорванной ножной мышцей, но подозреваю, что он не покладая рук играет под одеялом со своим франсиком. Великолепная квартира (25000 гульденов) – но до чего жалкий, лишенный шарма человек! Радиопрограмма получается хорошая, и похоже, что я даже что-то за нее получу.

Еще я написал Хансу Босвинкелу, подробно разузнать новости. «Комиссара Феннеди» пора уже, наконец, поставить в театре, я не могу постоянно оставаться сценаристом без постановок.

1 Роман фламандского писателя Виллема Элсхота.

2 *Здесь и дальше:* Р. – Роналд Лукарди – голландец индонезийского происхождения, в 60-х гг. любовник Реве наряду с Вими.

Яну Волкерсу я подарил большого Пасхального Зайца, для Еруна, ты уж точно одобришь. А теперь, зверь, я очень тоскую по тебе. Хорошая погода, похоже, скоро изменится, хотя она всё еще приятная. Конечно, что-нибудь да забыл еще написать. Что-то я должен был купить или сделать для тебя, но Бог свидетель, не помню, что именно. Котята очень милы. Я опять их тщательно причесал. В субботу днем я основательно и глубоко овладею тобой. Прощай, золотко, иду на вокзал отправлять письмо. Чувствую себя очень довольным жизнью. Может быть, вечером часок-другой буду прибирать дом. Множество сладострастных поцелуев от твоего мужа

Герарда.

* * *

Амстердам, 30 июля 1961¹

Милый Пёс,

Пишу тебе это письмо в двух экземплярах – одно в Nurford Place и одно в Regent Park Terrace.

Рейс был неописуем в смысле давки: у нас был хороший поезд, но вагон Q просто-напросто отсутствовал. Поэтому мы пересели в вагон P, где сидели среди travelling party натуралов с рюкза-

1 Между этой датой и датой предыдущего письма Реве вновь долгое время находился в Лондоне. В этот период он также писал письма, из которых три (от 28 июня, 4 июля и 16 июля, под названием «Письмо из Лондона»), были опубликованы в «Тираде» в июне/августе 1961. (См. приложение).

ками, все лет 30-45, невероятно страшные, но непостижимо бодрые. Время от времени нам позволяли присесть на чье-нибудь место. Корабль был набит до такой степени, что перед рестораном и баром стояли очереди метров в сорок и больше, до самой палубы; хорошо, что я это предвидел и запасся ланчем. Корабль был новый, «Королева Вильгельмина», весьма комфортабельный даже во 2-м классе, и мы вовремя умудрились захватить столик на двоих, где стали играть в канасту (Лу постоянно выигрывал). Но советую тебе резервировать вовремя. Дом я нашел чистейшим: Р. отлично прибрался и везде пропылесосил. Такой милый пушистик. У Лу воспалилась десна, посему попытаюсь договориться с Леувенбургом о срочном приеме.

Вечером обедал в гостях у Л. (курица под острым соусом), причем его старуха-мать была мила, как обычно, но старик-отец – молчалив и раздражителен из-за мопеда, который якобы не по праву забрал Р. «Может, он думает, тут речь шла о кривой овце» и т. д. Милый, будь осторожен и не пускайся в шалости с Сейсом или в одиночку в опасных местах. Я этого не люблю.

От мисс Маккензи из British Drama League я получил премилый ответ.

Футболка для Р. должна быть в твоём багаже. Я попрошу тебя купить еще пару вещей, а именно:

Еще бутылочку одеколона;

2 баночки Мусул'а в другом «Бутсе»¹ (2/6 за штуку)

и еще книжку о мистицизме Ивлина Андерхилла, о которой я тебя уже просил, но снова напоминаю, мало ли, бумажка затерялась.

1 Сеть нидерландских аптек.

Я страшно скучаю по тебе, но не имею ничего против того, чтобы ты развлекался в своем логове. Надеюсь, что тебе повезло с погодой. Тут, похоже, она улучшится. Дай мне вовремя знать, когда и как ты приедешь, чтобы я встретил тебя и приготовил поесть то, что ты любишь. Днем мы (Р. и я) пили кофе у Хидде и Герарда, это бойфренд Хидде, стюард в KLM. Душевно было, но средне, поскольку они не наливают, только чай и иногда мускат, который, конечно, не столь ужасен, как самосский, но и не самый лучший. Мне еще нужно время, чтобы опять войти в колею, и постель у меня такая чертовски жесткая, куда жестче, чем я ожидал. Ханни была в очень хорошем настроении и пела хвалу Крису, Тиму и прежде всего Р. («такой милый мальчик» и т. д.). Она из-за своего воображаемого рака дала Б. П. пощупать свою эту самую, но он, разумеется, ничего там не обнаружил. Она сказала, что в этот же вечер ей необходимо будет, чтобы ее кто-нибудь объездил.

В остальном мне особо упомянуть не о чем, но всё равно придется взять второй лист. Звонила Элизабет А., и мне придется срочно придумывать, почему я не навестил ее в Лондоне: думаю что самое лучшее будет сказать ей, что я потерял записку с ее адресом.

Прощай, милый, прощай, красивый похотливый мальчик, ты напишешь мне в скором времени? У котов всё потрясающе: Ханни их обработала присыпкой, и они выглядели превосходно – она очень хорошо ухаживала за ними. Коус по-прежнему удивительно мил и охотно позволяет себя гладить и брать на колени. Ночью он спит в коробке для ланча, в которой отлично помещается. Тим оставил громадную бутылку виски White Horse,

но боюсь, что ты по возвращении мало чего в ней найдешь, еще и потому, что он хочет, чтобы мы и Ханни что-нибудь наливали, и я, конечно, что твоя губка, но, когда дело касается выпивки, Ханни тоже колодец неисчерпаемый. Она, кстати, очень хорошо выглядит. Разумеется, шлет тебе самые горячие приветы, также как Р. и Лу. Р. подарил мне весьма изящный галстук.

40

Прощай, зверь, прощай, славное притягательное существо с дивной попкой. Твой

Герард.

* * *

Амстердам, 4 августа 1961

Милый мальчик,

Был очень рад твоему письму, доставленному вчера днем. Тут всё хорошо, вот только я не могу еще толком заняться ничем полезным, кроме телевизионной работы с Тимпом. Запись теперь сжата до 30 минут, с музыкой на заднем плане и трюками, и выглядит очень трогательно. Пара журналюг это видела и осатанела, и мне пришлось сфотографироваться на Ватерлооплейн для «Алгемен Дагблад». Теперь работаем над фотографиями в начале и перед самым концом, с моим текстом. Гораздо больше работы, чем мы прежде договаривались с Николаи, но я, конечно, всё напишу за большой гонорар. Представь себе: я в программе живьем, потому что я ее открываю, улыбаясь трем миллионам зрителей. Как бы то ни было, мне это

не показалось скучным или отвратительным занятием, а напротив, сложилось впечатление, что я чему-то из этого научился в драматическом аспекте.

О моей новой пьесе (предположительно она будет называться «Евангелист¹») я думал прежде всего. Тема-то у меня есть, но еще не слишком много того, что могло бы принять форму интриги. Но так всегда. Леувенбург теперь лечит десну Лу, каждый раз он ее полностью вскрывает своими иголками и крючками и чистит йодом и H_2O_2 . Примерно в это же время он вырывает передний зуб из нижней челюсти Лу, чтобы дать место другим, которые растут как попало. Бедняга. Он очень доволен Леувенбургом, который, правда, совсем по-английски не говорит. Он (Лу) хочет уезжать уже в эти выходные, поскольку его багаж еще в Германии, и он собирается погостить два-три дня у друзей. Возможно, в понедельник ему нужно будет опять к Леувенбургу, но тогда во вторник он точно уедет. Он весь день кашеварил и приготовил мексиканское мясное блюдо, очень острое.

Я почти никого не вижу и большой потребности выходить не испытываю. Только однажды вечером мы были в СОС², и всё. Потом еще денек с Хидде и его нынешним бойфрендом Герардом, они оба были здесь позавчера вечером. Вчераш-

1 «Евангелист», а также пьесы «Морландский дом» и «Путешествие к полюсу», опубликованы никогда не были. «Морландский дом», написанный Реве в соавторстве с Ханом Бентцем ван ден Бергом, в 1960 г. был награжден премией Ван дер Виса, присуждаемой раз в три года автору лучшей пьесы.

2 Голландская ЛГБТ-организация.

ний вечер очень мило прошел у Яна Волкерса, чья пьеса уже наполовину готова – по моему мнению она будет хороша, что доставляет мне огромное удовольствие.

42

Однажды мы (Лу и я) поехали на машине в Зандфорт, но к двум часам погода опять сделалась отвратная, и пришлось вернуться. С тех пор она колеблется, время от времени немножко солнца, но очень ветрено и очень дождливо. Сегодня штормит, хотя солнце светит, но слишком холодно, чтобы лежать где-нибудь снаружи. Р. передает самые сердечные приветы, обещал прислать свое письмо вместе с моим. Ханни находит его столь милым, что он бесстрашно моется под душем, и она не начинает визжать, и ни словечка брани от нее не слышно. Вечером ужинаем у нее, а потом вчетвером идем на The Robbers Symphony в Де Эйткейк¹. Ирма, свят, свят, нагрязнула неожиданно позавчера вечером, но убралась восвояси, слава тебе Господи, когда прибыли гости. Машина сломалась в Экс-ан-Провансе, где ей пришлось стоять неделю в ожидании запчастей, так что они смогли пробыть на море всего неделю. Это, однако, была наименьшая из катастроф, которые можно ожидать. Желания клохтать у меня, что удивительно, нет – когда я об этом думаю, наваливаются скука и усталость. Время от времени бывают у меня припадки легкой меланхолии, особенно в такую солнечную штормовую погоду – погода для народа, как ты знаешь.

Без опровержения ожидаю тебя во вторник дневным пароходом и встречу на Центральном вокзале, на перроне. Можешь одеться как можно

1 De Uitkijk – кинотеатр в Амстердаме.

более чувственно, в черные вельветовые или бархатные брюки и тот старый-престарый бархатистый черный свитерок, который в чемодане? Вот это я хочу у тебя попросить: для тебя пустяки, для меня – много. Кроме того, мне очень интересно, что у тебя там происходит. Сладострастный зверь, письмо твое было ужасно милое и длинное к тому же, наимилейшее письмо из тех, что я эти годы получал от тебя. Лу только что вернулся. Леувенбург выдернул ему зуб без проблем и безболезненно и укоротил несколько других, обточив их. Теперь лечение закончено. И десна у него опять в порядке.

Сейчас иду отправлять письмо, а потом приступлю к тексту для телевидения, он должен быть готов к понедельнику. Лу и Ханни передают приветы. Передай от меня привет Сейсу. Он трогательный и милый. Прощай, распутный мальчик с дивными ягодицами. Жду тебя, весь горя от желанья.

Твой похотливый и обожающий раб

Герард.

* * *

Амстердам, 19 февраля 1962

Дорогой Вим,

Печатаю это письмо на машинке, ибо слишком устал, чтобы писать от руки. Рейс мой был весьма удачным. Разумеется, горячий буфет на Liverpool Street Station был закрыт, но мне удалось получить великолепные булочки и хороший крепкий

кофе. Хотя пророчили шторм, на судне почти не было никакого волнения, и это был один из самых спокойных переходов, которые я когда-либо совершал. В салоне педрила лет примерно 30-ти всё придвигался и придвигался поближе ко мне и предложил мне виски. Пару раз угостив друг друга, мы завязали беседу, которую я помню лишь наполовину, но суть сводилась к тому, что он был пилот или же весьма успешный коммерсант. Всяческие жалобы на экономическую структуру. Утверждал, что женат и есть kiddies¹. Он был гомо так явно, как я не знаю что, но даже с осторожностью не коснулся предмета. Около полуночи я пожелал ему спокойной ночи и порадовался, что отделался от него, но он уже стоял в lavatory², когда я зашел отлить перед тем, как отойти ко сну. После этого я решил, что отвязался от него, и что ты думаешь? Он поселился в той же каюте, что и я, постель над моей. (В третьей койке спал толстяк, а под ним, то есть напротив меня, весьма привлекательный мальчик из RAF³, лет двадцати). Но наш пилот или же молодой коммерсант – он направлялся в Любек, наверно, чтобы там кривую овцу продать – залег в койку как любой другой, но сразу же после этого принялся испускать весьма диковинные звуки и люто кататься по кровати. Один за другим в темноте с его койки на пол стали шлепаться ботинки, одежда, содержимое сумки, газеты и разнообразные принадлежности туалета, всякий раз с чудовищным грохотом. Все были

1 Детишки (англ.).

2 В уборной (англ.).

3 Royal Air Force (англ.) – королевские военно-воздушные силы.

слишком измучены, чтобы вмешиваться. Я спал довольно хорошо. Утром наш чудик лежал на животе, совершенно голый, а постельное белье, скрученное в жгуты, как это обычно случается ночью, валялось на полу. Я его больше не видел, посему то, что с ним такое не то, навсегда останется для меня загадкой.

Я вовремя успел на более быструю пересадку и вернулся домой довольный. (Страха совсем не испытывал, только на Liverpool Station). Тут мне нужно было поторапливаться: какать, бриться, мыться, чистить ботинки, оторвать от себя Денизу, которая была сама не своя от радости, и перекусить. Без четверти одиннадцать я явился к Гре, которая выглядела шикарно в трауре. Дом был набит под завязку. Гре была весьма распорядительна и степенна. В половине двенадцатого мы отправились в Театр, где Бен¹ возлежал в цветочном ботаническом саду, среди почетного караула, который нес в т. ч. Ян Волкерс, боровшийся с приступом астмы, но, разумеется, не смевший сойти с места. Я оставил куртку в машине, поскольку повсюду всё снимали на камеру. Это, конечно, была жертва холоду, но мне так шел костюм. Я был последним прихвостнем (в смысле, шел рядом с машиной). Повсюду полиция и полицейские мотоциклы, чтобы руководить процессией машин (тридцать). Жужжали фотоаппараты, но вечером никаких фотографий в «Пароле» или во «Врейе Волк» не было. До Зоргвлида² в итоге добралось человек аж 500, которые еле-еле вместились в актовый зал. Вы-

1 Gijbertus Pieter Marinus (Ben) Groeneveld (1898–1962) – театральный актер и режиссер.

2 Zorgvlied, кладбище в Амстердаме.

ступавшие наврали сорок бочек арестантов, прежде всего гг. актеры, которые просто давали открытый урок по искусству презентации. Дорогой дубовый гроб, в который двое бы влезли, и очень глубокая могила. Только в три часа всё было кончено, после чего опять человек 40 отправились домой к Гре на кофе с сэндвичами. Лишь в четверть пятого я оттуда ушел. Я был очень доволен. В актовом зале слепой пастор Вит еще читал вечернюю молитву, которую я счел совершенно прекрасной и хотел бы поискать ее где-нибудь, нечто вроде «Господи, оставайся с нами, ибо свечерело и наступает ночь». Короче, я поехал домой, укрепившись духом. Кстати, я заметил, что этот человек значил для меня больше, чем я думал, и был для меня этакой отцовской фигурой.

Бен после операции еще на полчаса пришел в себя. Он сказал в точности те слова, какие, по большей части ошибочно, приписывают умирающим: «Всё хорошо... передавайте всем от меня привет... прощай, моя любимая...» После этого он заснул. Мое письмо еще застало его утром, и Гре прочла его вслух. Текст доставил ему много радости.

Оказалось, что никакой язвы желудка вовсе не было, но вскрытие показало, что у него была серьезно разросшаяся и довольно редкая в Европе аномалия, которая по большей части сожрала печень, и кровь вместо желчного пузыря стала поступать в кишечник. То есть в любом случае его бы уже ничего не спасло, даже если бы его прооперировали раньше и в лучших условиях. Да почитет он под крылами Господними.

В остальном тут всё в порядке. Я звонил в дейсселхофскую клинику, и мне сказали, что у Р. дела

отлично, но днем у меня еще не было возможности съездить к нему. Вечером лучше не поеду, чтобы не поставить Р. в неловкое положение, если там его родители. Еще тебе пришел вызов на медосмотр, но это только 28-го. Там была гора почты, но большую часть я разобрал. Всё тут было прибрано. Вот только Дениза обнаружила, что может открыть бельевой шкаф и премило устроиться там в уголке, нечто вроде естественной коробки с сеном.

Золотко, сейчас я поистине полумертвый от усталости, и мне нужно в постель. Надеюсь, что вечеринка у Спенсера была приятной.

В воскресенье, то есть вчера, умер мой дед, проболев пять дней. В четверг похороны; день будет утомительный, если учесть, что вечером у меня лекция, но ладно, я это сделаю – я имею в виду, пойду на похороны.

Прощай, милый, передай привет Перкину и скажи, что я ему тоже вскорости напишу.

Поцелуй и кусаки от твоего

Герарда.

* * *

Амстердам, 21 февраля 1962

Милый Лапушка,

Почти со всей почтой и делами я разобрался. Надеюсь, что завтра утром придет твое письмо, поскольку в воскресенье ты сказал, что, возможно, в понедельник уже его напишешь.

Днем заходила Ирма, и оказалось, что завтра вечером она пойдет на мои чтения с Жаном, который ее [лекцию] еще не слышал – Бог знает, для чего это нужно, я бы предпочел, чтобы ее не было. Вчера вечером ходил к Роналду, которого сегодня выписали из больницы. Ходит он пока с трудом, и боли еще не совсем прошли. Днем он заходил. Ему, кроме живота, вскрыли еще и мошонку, поскольку яичко было наполовину разорвано. Однако он уже может дрочить безболезненно, при условии, что делает это осторожно. Дела по-большому всё еще сопровождаются некоторыми страданиями.

Адье тоже заходил, собирается 1 марта на какой-то киносеанс, организуемый «Ханделсбладом» в «Критерионе»¹, и хочет, чтобы мы пошли с ним, он нас угощает; но мне кажется, это вздор. Он приведет с собой девицу, лесбиянку, и я знаю, что тебя это повеселит. При ближайшем рассмотрении я, однако, решил не ходить на дедовы похороны, ибо к вечеру буду стоять перед аудиторией полумертвый. Я не то чтобы сильно простужен, но из-за похорон, переезда, поездов и т. д. всё же подцепил какую-то хворь, которая завтра, возможно, полностью пройдет, поскольку эта простуда не столь неприятная, как в прошлый раз. Пожираю огромное количество южных фруктов. Кроме того, каждый день ем рыбу, пока еще возможно: вчера – тушеную треску, сегодня – два кило мидий. Весь дом от этого запотел. Завтра, думаю, замочу 2 унции китайских сушеных креветок и потом пожарю в каком-нибудь соусе.

Завтра днем иду к Гре Г. Как так получается, не знаю, но дни дробятся, хотя сегодня утром я поднялся уже без четверти восемь. Неприятность

1 Кинотеатр.

в том, что корреспонденция отнимает столько времени – по крайней мере у меня. Вот и теперь опять газета Молодых Реформаторов, которые по поводу некоторых интервью интересуются моим взглядом на отношения Бога и человека. Люди не назойливые, но ведь ответ превращается в небольшое эссе, а это стоит времени. Мне самому кажется, что на такие вещи нужно отвечать – в сущности, не могу сказать, почему, но я так считаю. Звонил Роберт, но я его больше не пускаю. Теперь он состоит в некоторого рода kongsi¹ с Николасом Крузе, который распространяет листовки во имя спасения мира, хотя сам почти банкрот и находится под опекой. Его (Роберта) в прошлую субботу освободили², но здесь мне его не надо, мне это будет больше головной боли, чем я смогу вынести. Милый, я тебе уже говорил об одном прекрасном пыточном стуле, и там мальчик сидит на громадном искусственном члене, который медленно поднимается вверх и всё глубже проникает в его жопку? Мне кажется, это весьма сладострастный инструмент.

Я очень доволен удавшейся поездкой Гленна.

Стоит великолепная солнечная погода, но по ночам подмораживает до минус пяти. Днем, однако, температура опять поднимается градусов до шести.

Я живу и работаю в Студио, потому что она без помощи электричества целый день чудесно обогревается; к полудню, когда светит солнце, становится даже слишком жарко.

1 Компания (*kit.*).

2 В декабре 1961 г. Роберта Гротвелда заключили в тюрьму за его антитабачную кампанию.

Да, я мрачен и насторожен, но тех странных приступов паники у меня пока не было – я даже подозреваю, что с ними покончено, в точности как у rashes¹ был определенный период проявления.

50 Правка «Комиссара Феннеди» окончена, и он уже в печати. Все сокращения, которые я внес, совпадают с моими расчетами, я имею в виду, что все они оказались выполнимыми. Только что звонил Ламберт С., придет вечером на ужин. Я ему сказал, что ты еще в Лондоне, так что еду он получит не такую хорошую, как обычно.

Надеюсь завтра получить от тебя весточку. В понедельник собирался засесть за упорядоченную работу над переводом, с утра до вечера. Если ты избавишь меня от всех хлопот, будешь заворачивать людей назад или развлекать их, то я смогу недели за четыре прорваться, учитывая, что *The Winter* и *Gossamer* уже полностью переведены².

Курьезно, однако я не могу подыскать чувственных и милых формул, а ведь я просто с ума по тебе схожу. Может быть, это оттого, что я так устал. Надеюсь, что ты на славу развлекаешься. В целом, в Лондоне мне было неплохо, даже если из нашего плана мало что вышло. Хотя я вернулся усталый и простуженный, давление и напряже-

1 Высыпания, сыпь (англ.).

2 «Зима» и «Осенняя паутина» – два рассказа из книги, написанной Реве по-английски (“The acrobat and other stories”). В авторизованном Реве переводе Ханни Михаэлис рассказы вышли под названием «Четыре зимние истории» (русский перевод см. в сборнике «Меланхолия», 2008).

ние, с которыми мы здесь работали или пытались работать, в какой-то степени преодолены. Я думаю о следующем порядке приоритетов:

А. Перевод Акробата

Б. Завершение Евангелиста

В. Написать пьесу для Студио

Г. Предлагаемые театральные переводы

Д. Лекции

Е. Бескорыстные хлопоты (религиозные дискуссии и т. д.)

51

Будем надеяться, окончательная программа будет не такой перегруженной, но это, конечно, останется иллюзией.

Прощай, ангел, прощай, милый малыш с прекрасной попкой, береги себя и ложись не слишком поздно.

Твой любящий муж

Герард.

* * *

Берлин, вторник 24 апреля 1962

Haus der Zukunft, Goetestraße 37

Berlin Zehlendorf, Bundesrepublik Deutschland¹

Милый Зверек,

Утром встал без четверти семь, чтобы написать тебе до завтрака, и еще чтобы заполучить ванную комнату в свое распоряжение и принять глубокую, горячую ванну. Теперь без четверти восемь, я спустился с машинкой в большой сад позади

¹ Реве был участником немецко-голландской контактной конференции в Берлине, 22-28 апреля 1962.

дома, к морю, где и сижу, печатая тебе это письмо, в беседке у воды, за сосновым столом, а в метре от меня сидит на яйцах большая утка, время от времени недоверчиво поглядывает на меня, но потом вновь задремывает и закрывает глаза.

Покоя и тишины тут у меня не много, и всё же я не жалею, что поехал, ибо никогда не смог бы увидеть столько всего, если бы отправился в незнакомый город на свой страх и риск.

52

Вчера весь день ездили по Западному Берлину в автобусе, с очень хорошим и неустойчивым гидом. Берлин, возможно, такой же большой, как и Лондон, но выстроен просторнее, очень много лесов и озер, и нигде воздух не загрязнен транспортом. Вовсе неплохая идея как-нибудь поехать туда на мопеде.

Молодежь порой раздражает невежливостью ко всем и каждому и тупостью, но меня это не волнует, и у меня есть масса возможностей поразмышлять обо всём на свете. Ханс Пломп считает меня своим духовником и рассказывает мне всё о своей половой жизни, которую можно назвать весьма гетеросексуальной. Я ему, правда, поведал, что исповедую греческие принципы и не возражал бы, если бы он стал для меня отменным голландским Рембо, но он как-то не проникся.

Вчера я послал тебе открытку, которая, возможно, придет одновременно с этим письмом.

При пересечении границы между зонами и посещении Восточного сектора Берлина ко мне вернулись все ощущения подавленности и страха времен войны. Было бы полезно предложить fellow travellers¹, «зеленым» и пацифистам съездить в Берлин.

1 «Попутчикам», сочувствующим (англ.).

Сегодня Пломп и я опять едем в Восточный Берлин, чтобы там встретиться с начальством Берлинского ансамбля в Theater am Schiffbauerdamm, добыть места и, возможно, побеседовать с Хеленой Вайгель¹. Я попытаюсь не говорить о политике, ибо какой смысл. Тут невероятно много происходит собраний, и с моим опытом журналиста я помогаю редакции этой газеты² как могу, но для чего мне, вообще говоря, нужно было ехать, до сих пор не понимаю. Русские называют это ‘signat boetielkoe’ – загнать в бутылку.

Как я тебе писал, ночлег и питание здесь великолепны, вот только нет одноместных номеров, но – что достаточно удивительно – это меня не слишком беспокоит, тем более что все тут ложатся до полуночи и не шумят. Красивых мальчиков я, надо сказать, видел очень мало: впрочем, у меня такое впечатление, что в этом городе из-за постоянного переселения на Запад население стареет. Один из участников, из Гамбурга, такой зайчик, прямо так вот бы и разорвал его на кусочки от похоти, но он курит трубку и слушает Баха, а это подозрительно. Я, как выяснилось, прекрасно обхожусь без секса и порой по нескольку часов не думаю о нем.

Я заучил наизусть имена почти всех участников, так что могу создать впечатление, что интересуюсь ими и их проблемами. Но пока еще не знаю, кто кого терпеть не может, хотя подозрения

1 Helene Weigel (1900–1971) – немецкая актриса и театральный администратор, вторая жена Бертольта Брехта.

2 Немецко-голландская газета «Берлин», в которой был опубликован очерк Реве «Первый раз в Восточном Берлине».

имеются, и того, как можно устраивать собачьи свадьбы вокруг определенной девицы, я, разумеется, тоже не понимаю.

54

Пью я весьма умеренно, хотя алкоголь здесь, благодаря особенно благоприятному налогообложению, весьма дешев. (Бутылка в $\frac{3}{4}$ литра 40% Корна стоит всего лишь 4 марки, то есть, иными словами, полтора литра за меньшую цену по сравнению с тем, что мы платим дома). Погода здесь неописуемо хороша – светит солнце и летнее тепло с утра до вечера, словно в июне. Хотелось бы, чтобы у нас было больше времени поплавать и позагорать. Я еще очень много вожусь с Ван Бемеленом, тем парнишкой с манерным голоском, он уже малость лысеет. Он составляет спокойную и приятную компанию. Вот только у него страсть к локомотивам, трамваям и старым автомобилям, которые он постоянно фотографирует, к великому изумлению служащих поездов и трамваев. Думаю, Берлин тебе бы понравился. По-моему, он приятнее Парижа и не такой суетный, как Лондон. Надеюсь, что у тебя там хорошая погода, и у фирмы Ч. дела в порядке.

В субботу ночью мы уезжаем и прибываем в воскресенье утром, часов в одиннадцать. Было бы очень мило, если бы ты меня встретил.

Постоянно спрашиваю себя, оставил ли я дома свою авторучку или потерял ее по дороге на станцию. Это было бы весьма неприятно.

Сейчас мне пора на завтрак, и письмо это сразу отправлю. Прощай, милый, похотливый зверь. Утром, думая о тебе, дробил в ванне. Прощай, дивный зверь, множество поцелуев от твоего

Герарда.

Берлин, четверг 26 апреля 1962

Милый Мальчик,

Это мое последнее письмо отсюда. Всё хорошо – вчера здесь был тропический день, 30°. Разумеется, все тут же разнылись. Позавчера – очень хорошее выступление председателя западноберлинских журналистов, вчера – премилое вступительное слово представителя Федерального министерства, где нас принимали. Нам показали несколько восточнонемецких фильмов о попечении юношества, и они реально нагнали на меня страху.

В любом случае я доволен, ибо никогда за столь малую сумму мне не показывали и не рассказывали столько, как сейчас. Но я всё же буду рад снова очутиться дома, ибо программа весьма насыщенная и утомительная. Сегодня нас принимало местное управление Западного Берлина. Я купил для тебя миленький подарочек. Надеюсь, что еще в субботу или до того, придет от тебя письмо. Мне было бы приятно, чтобы к тому времени, как я приеду домой, там не было посторонних, Ханни тоже.

Теперь иду отправлять. До утра воскресенья. Справься еще разок о времени прибытия, ибо воскресное расписание другое.

Прощай, солнышко, множество поцелуйчиков от

Герарда.

Лондон, 14 июня 1962

Милый Вим,

Со вчерашнего дня в Англии дивная, солнечная погода.

56 Днем мы с Перкином приехали в Лондон на автомобиле, побыть тут пару дней. Показал Р. пару вещей в Вест-Энде и побывал с ним в Британском Музее, но бóльшая часть Египетской галереи сейчас в ремонте или покраске. Движение и бензиновая вонь опять усилились. Думаю, что побуду здесь недели три. У Перкина в коттедже очень мило, но полагаю, что через три недели тишины и покоя я буду сыт по горло. Конечно, это восхитительно, когда голова ничем не занята, когда не звонят и т. д. Я опять могу спокойно думать, без этой судорожной тревожности. Ты как, бережешь себя? Моя окончательная идея относительно пьесы постепенно проясняется, но я решил начать работать над нею вместо того, чтобы о ней рассуждать. Надеюсь, что вскоре вновь получу от тебя письмо. В коттедже, по правде сказать, мало времени для писем, потому что тут столько всякой плотницкой работы, и в саду тоже. Напиши мне всяческие детали, и еще о том, что я, возможно, должен буду привезти для тебя. Тут опять разыгрывается некая драма с Джоном С., но что именно, без понятия. Сам знаешь, как тут всегда. Р., Перкин и Ричард посылают самые нежные поцелуйчики.

Герард.

Эссекс, 16 июня 1962
The Gunner's Hut, Gosfield

Прекраснейший зверь,

Очень обрадовало меня твое письмо, которое я нашел сегодня утром, когда мы вернулись сюда из Лондона. Рассказывать особо нечего, кроме того, что я тут начинаю уже очень сильно тосковать по тебе, и что, похоже, к нам грядет Л. (об этом потом подробнее). Спасибо за фото, действительно чрезвычайно чувственное. Если там не скомканный носовой платок или связка ключей, этот мальчонка и впрямь обладает большим потенциалом. От Творчества и в самом деле толк небольшой. Перед тем, как мы приехали сюда, у меня утром случилась парочка легких приступов паники, я имею в виду нечто вроде эффекта нереальности и ощущения того, что я всё испортил и ты, возможно, больше совсем не любишь меня etcetera. (Сам себя с ума свожу). Но после твоего письма я опять совершенно просветлился. Тебе не нужно переживать из-за мопеда, я ведь езжу только днем, только трезвый, и к тому же не лезу в пробки во время воскресной толчеи. Здесь кататься одно удовольствие, потому что на дороге все очень сознательные и вежливые. Вечером идем на ужин к одной даме по соседству, где Р. собирается готовить наси-горенг. (Бесконечная кутерьма из-за того, какие ингредиенты нужны, действует на нервы, поскольку он точно не знает). Он, конечно, очень мил, но тиран, избалованный и чересчур любопытный типчик. На свой туалет тратит всего лишь час и 25 раз на дню подходит к зеркалу лелеять свои волосики или ли-

чико. Я стараюсь дразнить его как можно меньше, что мне дается с трудом. Милый, у меня хрен стал как камень из-за твоего письма. А больше, что касается меня, с сексуального фронта сообщить нечего. Жаль, что здесь нет таких черных чернил, которыми обычно пользуется Перкин. Насчет Лу. В Лондоне Перкина ждало письмо от Лу, из коего явствовало, что он в ближайший вторник прибывает в Харидж, на машине, из датского Эсбьерга. Перкин комментировать не стал, но не думаю, что он особо обрадовался. Надеюсь, правда, что эта сделка предполагает, что он не зависнет у нас в Амстердаме. Я сделаю всё возможное, чтобы этого избежать. Работа здесь довольно приятная, но я слишком много ем и постоянно толстею. Завтра идем на ланч к Энгусу и Тони, а в четверг и пятницу у них ночуем. Писательский конгресс в Эдинбурге – примерно в августе, дорогу и всё остальное оплачивают. Так что я думаю, что надо мне принять приглашение, прежде всего и с точки зрения общественного резонанса. Передай самые теплые приветы этому кроткому сокровищу, Аду, и отнесись к нему сердечно в эти трудные для него времена. Я намеревался написать ему письмо, но тут так ужасно трудно пойти сесть где-нибудь и на чем-то сконцентрироваться, возможно, потому что едва ли имеешь представление о времени. Сам знаешь, как это, и тут мало что можно сделать. Со среды тут стоит дивная погода, и я надеюсь, что в предстоящие выходные в Голландии тоже будет хорошо и ты снова сможешь в Зандфорт. А книгу эту я бы охотно прочел (Ибсен-Стриндберг). Будь любезен, позвони Вермейлену и скажи, что я в отпуске, но что в принципе хочу это обдумать. Будет

неприлично совершенно ничего им не сказать. И будь терпелив с Ханни.

Знаешь, что тут производит глубокое впечатление – когда вечером стихает ветер, и слышишь самые слабые звуки, совсем издали, это очень печально, но и весьма успокаивает. Надеюсь еще на глубокомысленные беседы с Перкином и Энгусом, но мы так редко остаемся одни. Этому человеку необходима ажитация общества. Джон С. снова расположился в Лондоне у Перкина, более чем когда-либо сбитый с толку, невнятный и нервный. Обе комнаты Ричарда сейчас занимают Тони и Энгус, а Ричард на этой неделе переезжает в Ислингтон.

59

Я очень люблю тебя, похотливый зверь, и необычайно сильно люблю твою спину и задницу. Я по большей части дрочу, представляя, что объезжаю тебя, вылизывая твою щелочку, и еще что обладаю тобой. Золотко, когда вернусь, буду бесчисленное количество раз подряд объезжать тебя, пока не сделаюсь полумертвый от усталости, голова не закружится и яйца не заболят. (Кстати, твоим хуем тоже нельзя пренебрегать, но я хочу прежде всего его видеть и дрочить тебе при самом что ни на есть ярком свете). Не думаю, что пока что буду прелюбодействовать, если только, конечно, мне силком в койку какого-нибудь зайчика не запихнут. Наши идеалы сладострастия, как мне кажется, несколько различаются, но всё же перекрывают друг друга достаточно для весьма чувственного существования, если мы будем стараться не обижать друг друга.

Ладно, попробую написать тебе через пару дней. Питайся хорошо и основательно, и поосторожнее с чрезмерной выпивкой, если будешь выходить. Р. передает горячие приветы. Он весьма

мило заведует гардеробом и багажом, но у него постоянно ранки на лице и руках («потому что у него такая нежная кожа»).

Прощай, великолепный мальчик-мучитель с роскошным кинжалом. Дрочи без устали, думая обо мне.

Поцелуй и кусаки от твоего мужа

Герарда.

60

* * *

Госфилд, 23 июня 1962

Милый зверь,

Вчера вечером я нашел твое письмо, когда мы с Р. возвратились от Энгуса и Тони, где гостили два дня. Думаю, что оно было здесь уже в четверг. Я так рад был обнаружить его. Р. днем садится на пароход, так что тороплюсь написать это письмо, чтобы отдать ему, а то оно будет слишком долго ползти. На погоду всё еще нельзя пожаловаться – за всё это время минут десять шел дождь, к большой досаде Перкина, который полдня опрыскивал сад. Лу инертен, как всегда, в эти выходные проспал в sitting room и, похоже, заблокирует ее еще на несколько часов. Конечно, у него сенная лихорадка, и он пока не выезжал на машине, разве что к врачу, за пилюлями. Я надеялся побыть пару дней наедине с Перкином, на будущей неделе – для высокодуховных бесед, но не выйдет. Думаю, что в ближайшую пятницу переправлюсь дневным пароходом, но ты получишь от меня еще одно письмо. Я страшно рад, что ты предпринял

шаги in re¹ холодильника и водопровода, ведь ты знаешь, я никогда не мог поверить, что другой человек может организовать то или иное дело, и из-за этого снова возбуждаюсь и до изнурения буду об этом беспокоиться. Я понимаю твоё возмущение относительно Ч., но ты сам отлично знаешь, что делать. Эта тираническая неаккуратность, похоже, является главным свойством практически каждого коммерсанта, у которого свое дело. У Энгуса и Тони было совершенно прекрасно, и я несколько часов проговорил с ним [Энгусом] о литературе, политике и религии. Он, конечно, очень необычный и остроумный человек, и весьма чувствительный по сравнению с Перкином, который при всей своей кротости ставит тупой барьер перед многими человеческими эмоциями и страстями. Еще я написал два стихотворения и тут же отослал их в «Тираду»². С удовольствием прилагаю здесь копии. Работать не работал, но разрабатывал всяческие идеи до окончательной формы. Милый, я очень тоскую по тебе.

Накорми Р., если у него дома нечего есть. У меня невероятно блудливые желания насчет тебя. Надеюсь, что ты не забываешь нормально есть и достаточно спать.

Это мое пребывание здесь принесло психологические плоды. Я бежал от чего-то существенного, но теперь знаю точно, что убежать не мог и бежать не должен. Ладно, всё это высокорелигиозный пиздеж, который ты имеешь полное право счесть чушью. Между тем духовно я чувствую себя

1 В отношении (лат.).

2 «Новая Пасхальная песнь» и «Мечта» были впоследствии включены в книгу «Ближе к Тебе» (см. русский перевод в книге «По дороге к концу», 2006).

как никогда здоровым, хотя по большей части произвожу впечатление чрезмерно напряженное и истеричное. Вся моя жизнь пойдет по-другому, теперь я это точно знаю. По-моему, мы с тобой сможем жить плодотворной и благополучной жизнью. Ладно, я еще буду говорить об этом, хотя мне мешает глупая, робкая застенчивость. Мое обращение в Христианскую веру – не тюрьма, и не побег, и не отсутствие умения совладать с жизненными проблемами, но осознание, которое должно случиться в жизни человека рано или поздно. Но да, всё это малость чересчур для одного письма. Думаю, что я всегда бежал Бога и хотел оторваться от него. Большинству людей это удастся, прежде всего потому, что в нашем обществе считаются только с материальным и полезным, а религия по большей части скукоживается до благотворительного трепя и ребяческой рассудочности.

Твое письмо в Гаагскую Комедию очень хорошее и деловое. Поцелуй от меня Денизу. Мистер Морган с весны начал болтать и кататься по полу, и это очень мило. Р. всерьез подумывает завести здесь кошку. Пока тут появляются только два одичавших кота, очень стеснительных, который остаются на безопасном расстоянии от людей.

Милый, думаю, что забыл написать всякие разные вещи, но времени не так много. Нам с Р. нужно сейчас разбирать багаж. Заклеиваю письмо. Увидимся через пару дней. Обнимаю, целую много раз,

твой преданный супруг

Герард.

Госфилд, 24 июня 1962

Милый Зверь,

Начинаю писать тебе уже сегодня, но письмо отправлю лишь завтра: подожду, может быть, завтра, в понедельник, придет письмо от тебя. Тогда узнаю вдобавок, а вдруг это только энгусовы бредни – а именно его сообщение о том, что секретарша Эдинбургского фестиваля подтвердила ему устно, что выслала мне приглашение на Писательский Конгресс в августе. Вчера мы попытались отвезти Р. в Харидж, но застряли в пробке и еще и радовались, что смогли выбраться из нее и повернуть назад. Ну, Р. тебе сам всё расскажет. Мы провели исключительно приятные дни у Энгуса и Тони, как я тебе уже писал, и погода по-прежнему непостижимо прекрасная. Энгус пригласил меня с собой и Тони на Эдинбургский фестиваль на машине. Назад мне придется одному, потому что по окончании конгресса они с племянником Энгуса полезут на Шотландское высокогорье. Мопед всё еще гоняет великолепно. Завтра, как закончу письмо, напишу в точности, в какой день вернусь. Надо полагать, в ближайшие четверг или пятницу. Сад здешний порядочно процветает, я вот только думаю, что морока следить за всеми этими разнокалиберными паршивыми цветочками. Я бы остался при лужайке и розах. Но почва здесь положительно весьма плодородная, так что неудачи Перкин может не опасаться.

Я очень сильно поправился, и надо бы подумать о разумной диете, при которой смогу время от времени употреблять алкоголь, не прибавляя в

весе. Бросить курить получилось только отчасти. Хотя я выкуриваю теперь меньше 10 сигарет в день, так что бросить совсем, вероятно, будет не так уж сложно. Это необходимо. На сегодня заканчиваю, завтра продолжу.

Понедельник, утро

64

Только что пришла почта, но принесли лишь перевод Ханни и отпечатанный отчет Католической Акции. Погода настолько великолепна, что у меня нет охоты ни к тому, ни к другому. Теперь дописываю это письмо, ибо собираюсь в Халстед за покупками, иначе опять полдня потеряю. Учти, что я в ближайший четверг сажусь на дневной паром. Часа три ходу, так что буду в девять-десять вечера. Прощай, дорогой мой, люблю крепко тебя и твой огромный конец и страстно тоскую о тебе. До четверга и множество объятий от твоего

Герарда.

* * *

Амстердам, пятница 20 июля 1962

Милый Вими,

Копия этого письма отправляется в деревню. Я был очень рад твоему звонку. Через три четверти часа мне нужно в Дрихёйс-Вестервелд¹, на

1 Крематорий в деревне Дрихёйс.

кремацию Ромейна¹, и я не знаю, смогу ли закончить это письмо вовремя. Водопровод теперь в исправности, вот только две спайки еще протекают, на что я должен буду сегодня указать опасному огненному королю, когда он придет заделывать гипсом дыру в стене. Плотник Букеринг не появился, и телефон его не отвечает. Вот так вот мы продвигаемся. Между тем мне бы хотелось покончить с облицовкой, и д-р Симонис вчера на своей машине заехал к кому-то на Царь-Петерстрат, а человек этот, оказывается, переехал в Димен, но дома его не было – предположительно, в отпуске. Ладно, возможно, еще удастся мне подцепить кого-нибудь в короткий срок. Вчера вечером я всё прибрал и пропылесосил, так что квартира опять выглядит сравнительно по-божески. Я ложусь в десять часов и встаю примерно без четверти семь. Из-за времени отпусков, или еще отчего-то, мне никто не звонит, что, конечно, можно назвать благодатью, и не приходит никто, кроме человека из больничной кассы, который говорит, что меня вычеркнут, коли вовремя не приведешь в порядок то и сё. То, что никто не заходит, вызвано, я подозреваю, слухами, согласно которым я сделался опасным сумасшедшим. По современным нормам я такой и есть, если принять во внимание, что меня теперь уже совершенно не интересует то, что большей частью безмерно возбуждает людей. Да, тишина, это отрадно. Я решил ни к кому не ходить обедать или в гости, но тихонько придерживаться собственного ритма – питаться просто, рано в постель, днем кофе и усиленно работать, и снова рано в постель. Ханни опять устроила дикий вой по поводу действий, коими сопровождается по-

1 Историк Ян Ромейн (1893–1962).

чинка ее водопровода; я сначала впал в уныние, потом чуть ли не в бешенство от ярости, но сумел полностью овладеть собой.

Опоздал на премьеру мюзикла, но всегда могу сходить на следующее представление. Звонил домой твоим родителям, чтобы рассказать об этом Магде, и мне сказали, что она лежит в постели, «ужасно простужена», как выразилась твоя старуха-мать. Я думаю, это нечто вроде депрессии, ибо кто же лежит в постели с ужасной простудой уже в половине шестого?

66

Д-ра Люнбурга не видел. И открывать ему не буду, потому что тогда от него не отделаешься. То же самое, кстати, касательно Роберта Яспера Гротвелда. Всех к чертям собачьим. Надеюсь, что вернусь с кремации в хорошем настроении; обычно так и бывает, но может, разумеется, внезапно обернуться иначе. Наверняка будет много тех, чьи глупость и скорбь пробудят у меня воспоминания юности. Ладно, кто будет задавать назойливые или слишком въедливые вопросы, я на того тоже пасть разину.

Вернулся с кремации. Было человек 200, среди которых много старых, в моей памяти ставших почти мифами людей. Всё очень грустно. Его самого я всегда считал чудовищным нюней, и пошел только ради тети Анни, которая, кажется, мое появление оценила. И тут подходит ко мне пожилая женщина, которую я – что со мной случается нечасто – немедленно узнал, хотя не видел ее 30 лет. (В ее доме разыгрывается начало «Конца семьи Бословиц», «рождественский праздник у знакомых»). Но я так устал, прежде всего от пустой болтовни на перроне и в обратном поезде, среди ученых коллег моего Ученого Брата, который, кажется, где-то во

Франции и, следовательно, не объявлялся. Кстати, я всегда думаю, насколько уже тело разложилось, или, может быть, это просто пустая коробка, поскольку они урожай всего дня обрабатывают за один раз, например, между половиной одиннадцатого и половиной двенадцатого, как выглядит труп и т. д. Это меня захватывает, и, сдается мне, этим занимаются все – по крайней мере я не могу себе представить, как человек во время этой бодяги (в общей сложности пять человек говорили 40 минут) может думать о чем-то еще, кроме гниющего трупа и собственной смертности. По пути назад видел красивых мальчиков, что да, то да.

Кошечка Жюстина ужасна, иными словами совершенно здорова, глазик получше, ест в непостижимых количествах, но жажда разрушения скоро поставит нас на уши. С Денизой больше не ссорится – они порой спят на одном стуле – но и к ситуации не адаптируется. Жюстина карабкается на тебя по одежде, и запрещать, кричать или шлепать не помогает. На ночь выставляю кошек из гостиной, иначе утром все стекло будет перебито.

Надеюсь, что ты столкнулся с не слишком сложной ситуацией. Если ты живешь с Крисом в доме Перкина, я бы хорошенько прочистил сток.

Отчего же я так печален, безразличен и устал от жизни? Не знаю. В Вестервелде ко мне подошел юноша, с которым я танцевал в Гронингене, но я об этом не помню. Он был ассистентом Ромейна. Я смутно узнал его, но не вспомнил, откуда, не вспомнил также имени и снова уже его забыл. Еще какой-то человек, который претендовал на то, что знал меня, когда я жил на Принсенграхт (осень 1947), недурен, короткие волосы, зовут Стуббе,

Куббе, Кудде, Господи, растолкуй всё это и записи оставь. Журналистка Макака тоже была.

Напиши мне поскорей. Не говори с Перкином о моей вере. Смысла нет. Я решил, если только возможно, больше никогда ни с кем об этом не говорить – что с того, ничего, кроме непонимания и горестей.

68

Тот жуткий парень снова был тут со всяческими тары-барами – мне стоит огромных трудов быть по крайней мере любезным. Вечером с удовольствием сходил бы в какое-нибудь освещенное святилище, но его не существует. Возможно, когда я сильно разбогатею, построю часовенку, которая будет открыта днем и ночью, во имя Марии Прибежище в Отчаянии. Адье возликует, думается мне. От него еще ничего не слышно. Думаю, что Франк занимает всё время.

Протечки заделаны, но одна еще осталась без внимания. Он работает хорошо, но в его спайках всегда чего-то недостает. Бог знает, отчего это так. Я, будучи сантехником, не потерпел бы, чтобы когда-нибудь пайка не была бы сразу точной и прочной. Ладно. Интересно знать, во что всё это обойдется. Материал на этот раз практически в счет не включен, только три дня работы. Напишешь мне побыстрей? Твой малость удрученный друг

Герард.

Приветы Крису, Перкину и так далее.

Напиши мне бодрящие, чувственные вещи.

Амстердам, 26 июля 1962

Милый Зверь,

Я очень счастлив, что получил твое письмо, ибо начал уже немного грустить и волноваться из-за его отсутствия. У меня всегда смутные страхи, когда тебя нет, что ты, возможно, сделался безразличен ко мне, я имею в виду, что я вдруг стал не так много значить для тебя и т. д. Да, я написал мрачноватое письмо и преувеличил вещи, как я это часто делаю. Тут всё тихо и в порядке. Я перечислю всё, что мне вспоминается, не слишком подробно и не слишком длинно, потому что хочу доставить письмо на Главпочтамт до полудня, и тогда возможно, что ты получишь его в Лондоне еще в субботу, если ты там. (Копия, думаю, будет в коттедже только в понедельник). Ты ничего не пишешь о Лу – надеюсь, что могу сделать из этого вывод, что опасность миновала. Великолепный пес, моя похотливая мечта сейчас – долго-долго лизать твою щелку и бесчисленное количество раз кончать на твою шейку. (Мне сейчас нужно сделать перевязку моей штуковины).

Я считаю, это замечательно, что ты так прекрасно и расслабленно можешь проводить время. Хотелось бы мне так побольше. При всех этих моих тревогах и ранних вставаниях и ощущении, что я должен что-то делать, я больше никаких результатов не достигаю. Но сперва пару фактов.

Кошечка Жюстина в полном порядке, но чудовищно назойлива и обуреваема жаждой разрушения. Ест как монстр-пожиратель. Они с Денизой теперь друг друга переносят, но подружками по

играм не стали. Это жаль. Я ласкаю, расчесываю и разминаю Денизу регулярно, чтобы поддерживать ее психическую форму. Не похоже, чтобы она чахла от ревности. Глазик Жюстины совершенно зажил. И она по-прежнему чистоплотна. Вот только этот мяв, ей-богу, чересчур, так же, как и карабканье. Ночью я выдворяю обеих кошек из гостиной, потому что Жюстина выкинет все бокалы из буфета, один за другим, что она уже – к счастью, без стеклобоя – однажды сделала, или по меньшей мере начала делать.

Симонис закончил прокладку водопровода, и на чердаке тоже, а также и электричества. Всё вместе 98,75, что не такое уж и безумие. Плотник займется облицовкой. Это надежный и добросовестный человек, и я точно знаю, что получится хорошо. Единственная проблема: как только мы всё подготовили, магазины стройтоваров закрылись на 14 дней (до конца следующей недели) в связи с отпуском в строительном секторе. Но дома он трудится над большим шкафом и на следующей неделе придет его устанавливать. Мало кто заходит, кроме Р., и практически никто не звонит. Это, разумеется, потому что многие в отпуске. С одобрения Герта ван Орсхота¹ мое «Письмо из Берлина» появится в «Элсевире». Я нагло запросил четыреста гульденов и получил согласие. Принято, я бы сказал. Прилагаю копию письма. Не забудь отослать ее обратно или хотя бы сохранить.

Работу над пьесой я перемежаю с правкой рассказов из «Акробата», так работать удобнее. Идея моей пьесы столь странная и безумная, что со вре-

1 Gerardus Adriaan (Geert) van Oorschot (1909–1987) – издатель и писатель. Писал прозу под псевдонимом R.J. Peskens.

менем должно получиться хорошо. Через пару недель расскажу об этом больше.

Вчера вечером сидели у Яна Волкерса, и было очень мило. Выпили не слишком, легкий салатик, потом прогулялись вдоль Амстела, погода была теплая, бурная, причем Ян меня всегда поражает знанием растительного и животного мира. («Гляди, колпица!», «Это годовалый голубь!» и т. д.) Порой я могу очень хорошо с ним беседовать, возможно, потому что он такой же страстный и истеричный, как я.

В воскресенье ездил с Р. на мопеде в Зандворст. Было солнечно при ревящем шторме. На шезлонгах в Зезихте¹, однако, было терпимо, по крайней мере что касается температуры. Но со временем мне стало казаться, что я задыхаюсь от всех этих бесконечных ля-ля-тополя в пидерском тоне. Потом мы проехали кусок по дюнам и залегли, укрывшись от ветра. Довольно-таки обгорели. Р., конечно, очень милый и показательный (*well-behaved*²) компаньон на полдня или день, но, если дольше, он становится совершенным тираном. Адье был позавчера, ужасно огорченный, потому что дела у него с Франком оставляют желать лучшего. Он был почти в слезах. Правда, у него есть комната (свободная половина этажа, на Сарфатипарк, за 15 гульд. в неделю, у милой пожилой дамочки, которую всё устраивает), но родители запрещают Франку в Англию, а у Франка не хватает духу сопротивляться такому решению. Возможно, раз-решение всё-таки воспоследует, так что спроси-ка у Перкина, как он посмотрит на то, если они оба

1 Апартаменты в непосредственной близости от пляжа.

2 Благовоспитанный (*англ.*).

погостят у него где-то между началом августа и началом сентября, и помолчи насчет трудностей. Он (Ад), кажется, просто без ума от тебя. В большинстве случаев друзья дома питают отчетливое предпочтение к одному из нас, но не в его случае. О предпочтениях: д-ра Люнбурга так и не видел. Хотя несколько раз он звонил – а меня правда не было – и один раз вечером явился с двойным шиллингом¹, да я ему не открыл. Развлекаться тоже не хожу. Хотел с Магдой на мюзикл, но она позвонит, когда ее летний гриппешник пройдет. Глаз у твоей матери лучше, я так понял.

Насчет моего душевного состояния тебе беспокоиться не стоит. В сущности, всё очень хорошо. Вопрос не в том, что я слишком безумен или слишком истеричен, а как раз в том, что истеричен я недостаточно. Я бы должен был часами бесноваться и говорить, как бы необычны и диковинны ни были мои представления. Но по большей части я очень уж торможу, и моя экзальтация обращается внутрь и вызывает депрессию и мрачное неверие в собственные дарования. И всё же все мои испытания, и видения, и борьба – это хороший знак, мне кажется. Но мне необходимы формы, чтобы усваивать их и высказывать, а моя работа предоставляет мне только частичную для этого возможность, если ты понимаешь, что я имею в виду. (Боммел взял воспитание Ургье в свои руки, но губы у него уже дрожат, потому что «Ургье хочет кушать. Ургье хочет кашку». Аппарат проф. Прлвытскофского уже тоже начал жужжать).

1 Старинная серебряная монета.

Очень мерзкая, почти жалкая статейка Сибрена Полета в «Подиуме», против меня¹. Причем еще и намеки на мою религиозность. Много кому она покоя не дает. О да, от Петера Воса² я получил в подарок «Якоба» и купил «Сражающихся ангелов» и «Снятие с креста» по 50 гульденов за каждую, отчего он, словно мошенник, чувствовал себя ужасно виноватым. Теперь он будет работать над двумя гравюрами по моему заказу, в технике «Снятия с креста», а именно «Захария в Храме» и «Благовещение Марии». Их я хочу расположить по сторонам от «Сражающихся ангелов», на плитке из ДСП и под стеклом. У ангелов на обоих изображениях одинаковая демоническая птичья наружность. Папки у меня опять больше нет, и я благоразумно никогда не отдавал ее Ханни на просмотр. Но теперь, поскольку я не смог сдержаться гордости и счастья из-за обладания гравюрами, я показал ей все три. Кислая рожа: «обезьянничество, китч чистой воды!» Убить мало. Даже если тебе не нравится, можешь ведь сказать, например, что ты не слишком любишь такой жанр. Но ведь даже ребенок может разглядеть неслыханно большой талант. Что он традиционалист, взявший за пример Рембрандта, Гойю, Домье, это его личный выбор, а не бессилие. Ладно. Всякий раз говорю себе: болван, зачем ты об этом заговариваешь.

Ну вот, а больше ничего особо не вспоминается, хотя вскорости точно что-нибудь на ум придет. Сегодня вечером Р. будет здесь готовить наси-го-

1 Статья по поводу «Комиссара Феннеди».

2 Petrus Antonius Carolus Augustinus (Peter) Vos (1935–2010) – художник, график, иллюстратор.

ренг для меня и еще двоих андрофилов, один из них – неинтересный англичанин. В ожидании работ в кухне я поддерживал дом в порядке, но не в чистоте, так что он малость зарос грязью. Но я, однако, надеюсь, что шкаф уже будет висеть к твоему возвращению, тогда я к этому времени приведу дом в порядок поосновательнее обычного. Напишешь мне по крайней мере еще разок? Я забыл, во сколько ты прибываешь в Схипхол, сообщи снова. Я рано встаю, так что смогу встретить тебя в лучшем виде.

Ну, великолепный, нахальный, нежный, притягательный, дивносложенный и похотливый зверь. Мне страшно тебя недостает, и нет у меня секса, который стоил бы упоминания или воспоминания. Удивительный принц и восхитительный король с громадной, слишком редко используемой штуковиной и слишком мало объезжаемой задницей. Я твою щелку начисто слижу.

Всем передавай приветы, прежде всего Перкину, Энгусу и Тони. Письмо в «Элсевир» я сюда не вкладываю, а то письмо получится слишком толстым и весить будет больше 20 г.

Прощай, восхитительный, притягательный зверь.

Твой

Герард.

Суббота, 18 августа 1962

Милый Зверь,

Совершенно нет времени написать тебе что-либо, но сижу на крыльце где-то в рудном бассейне. Всё идет совершенно прекрасно, и я только надеюсь, что у тебя в доме не слишком много затруднений. Я в любом случае возвращаюсь через Лондон, так что в конце будущей недели ты сможешь до меня добраться. (Думаю, что отправлюсь в субботу или воскресенье). Мельком видел Перкина, передал овечий бубенчик и сигареты, получил лондонский ключ. Теперь отправляюсь дальше, хотел бы я, чтобы было поспокойнее, но все в очень хорошей форме. Золотко, люблю тебя, и мысли у меня о тебе самые сладострастные. Целую,

75

Герард.

Оттерберн, Нортамберленд, 18 августа 1962

Милый Мальчуган,

Часа два назад я написал тебе примитивное письмо на конверте и en passant¹ отправил его. Всё хорошо, и по сию пору я очень приятно провожу время. Наконец-то мы к пяти часам добрались практически до границы Шотландии и находим-

1 Мимоходом, по пути (*фр.*).

ся в весьма мрачном would-be¹ благопристойном семейном пансионе, где из каждого угла на тебя веет асексуальной шотландской скукой. Поистине буропанельная гостиница для самоубийц. На журнальном столике уже лежит газета, уведомляющая о том, что Writers Conference будет насчитывать всего лишь минимальное количество участников, поскольку такой-то, сякой-то, тот и этот от нее открестились. Ладно, посмотрим. Я попадаю в гостиницу, а не к частному лицу, что, вообще говоря, мне очень по душе. От Энгуса получил большую книжку со всякого рода данными, в коей мое имя напечатано как Г. К. Зан Хет Реве (Голландия).

Эдинбург, воскресный полдень. Только что прибыли. Гостиница безупречна. Совершенно ужасная (всё зеленое и кремовое), но очень комфортабельная, стальная столешница, стекло и пр. в номере. Я поистине без сил, так что много не напишу перед тем, как отправить это письмо. Вот адрес, в любом случае до вечера пятницы: Room 3, The Doric Hotel, 22 Old Church Street, Edinburgh. На всякий случай вкладываю в конверт карточку. Напиши мне как можно скорее о следующих вещах:

Состояние твое и дома. (Подумай о пиве для д-ра Де Бёйкера.)

Shipping² Адье

Сексуально чувственные и преданные фразы

Купи синий ошейничек для Ургье. (Есть, например – кажется – лавка на Ван Ваустрат, неподалеку от начала Алберт Кёйпстрат).

1 Якобы (англ.).

2 Отправка, погрузка (англ.).

Я в очень хорошем настроении. Мы ужасно смеялись Бог знает над чем и о чём, но часто настолько сильно, что у меня часами болел живот (д-р Сова и т. д.) от непрерывного хохота. Пью я умеренно и остаюсь при джин-тонике, это разумно, ибо тогда желудок усваивает самый минимум. Ем почти исключительно рыбу – пища легкая и чудесная – креветки, лосось, угорь, палтус, копченая или жареная форель, морской язык и т. д. Я по-прежнему не курю, но очень скучаю по успокоению, которое дает сигарета.

Утром ходил к мессе в крошечную р.-к. церковь в Оттерберне.

Сейчас уже падаю, надо поспать полчаса. Милый хищник, сладострастный зверь, можешь заездить меня до смерти. Смотри, чтобы у тебя было что рассказать к моему приезду. Отправил М. открытку в Садбери. Насколько я слышал, ничего с ним такого особенного. Сегодня вечером в 6 часов первая party. Великолепный сильный зверь, покоряй же бесчисленных мальчиков и дай им почувствовать твой громадный конец и силу твоих великолепных ног. Пойду подрочу. Кусаки (ушка) от твоего мужа и повелителя, который в дикой похоти от тебя,

Герарда.

* * *

Эдинбург, 21 августа 1962

Милый Зверь,

78 Еду ночным поездом с пятницы на субботу, и в субботу ранним утром я в доме Перкина в Лондоне. Надеюсь на новости об Адье. Конференция сдвинулась с мертвой точки. Сегодня мне, наконец, дали слово, чтобы заткнуть рот парочке пустобрехов типа «да там ни одного нормального человека нет». У меня был большой успех.

По-прежнему очень суетно, покоя мало. В четверг буду держать вступительное слово, конечно же, о *sensorship* и *pornography*. Так что работа тяжелая, ибо я не хочу ничего оставлять на волю случая и всё надлежащим образом занесу на бумагу.

Сейчас мне нужно на очередную *party*. Прощай, драгоценный зверь. Я страстно тоскую по тебе и надеюсь, что будет еще письмо перед моим отъездом в Лондон. Множество поцелуев от твоего

Герарда.

* * *

Лондон, 25 августа 1962

Великолепный Жестокий Господин,

Сейчас, правда, немного подавлен после телефонного разговора. В среду вечером возвращаюсь домой*, дневным, стало быть, парходом. Так что

придется тебе поскучать без меня пару дней. В противном случае я был бы дома самое раннее в воскресенье, так что большой разницы нет. Мне много есть чего рассказать, странные разговоры, масса какого-то никакого веселья (и совершенно никакого секса). В целом мне очень понравилось. Я заметил, что должен реагировать гораздо спонтаннее, и тогда в самом деле счастливо отделаешься. Я опять здорово изменился, такое у меня ощущение. Хотя по сути дела ничего не происходит, моя собственная жизнь кажется мне теперь бурной, но это – из-за сильного внутреннего изменения, которое по большей части от посторонних ускользает. Кстати, знаешь ли ты, что я до сих пор не курю? Полагаю, что есть все шансы на то, что на этот раз получится. Это было бы великолепно, ибо ты не представляешь себе, насколько здоровее себя чувствуешь.

Мне доставило большое удовольствие услышать, что ты умеешь заниматься сексом с помощью воображения. Ты в постели со сказками – это самое чувственное, что только существует в мире. Твое срочное письмо я получил, и оно мне очень понравилось. Страшно любопытно, как выглядит нынче кухня.

Здесь совершенно никого до завтрашнего вечера. Тишина, конечно, но очень хорошо после всей этой суматохи.

Интересно мне знать, отчего тебе так хочется, чтобы я поскорее вернулся: озабоченность, ревность или истинная чувственная страсть ко мне. Ухо мое лучше, но тот кусочек отвалился. Вид странный. Как ты мог такое сотворить? Ну ладно.

Отправляю письмо, тогда оно уйдет сразу и ты его получишь, может быть, в понедельник утром.

Мне бы очень понравилось, если бы ты овладел мною немедленно, примерно через час после моего приезда домой. Можешь и отсосать мне. Жаль, что нельзя и того и другого одновременно. Мой хрен напрочь сточен жестким краем гульфика и обмазан сейчас «Нивеей». Милый зверь, до среды. Адье даст мне знать, что еще нужно купить.

Любовь моя,

80

Герард.

*Сегодня начинаю дорожные письма¹. Дома ли я это сделаю или здесь, они должны быть написаны, и здесь больше возможности сконцентрироваться и меньше помех.

* * *

Амстердам, 28 октября 1962

Милый Мальчик,

Пока не забыл: с чемоданом полный порядок, забрали его, и завтра, в понедельник, я еду в Ван Генд & Лос². Завтра нужно еще купить новую ленту для машинки. Пишу это письмо примерно за полтора часа до путешествия в Утрехт, чтобы присутствовать на коротком собрании у отца Асселберга – назад поеду последней электричкой, и там, кроме местного вина, ничего не нальют. Моя

1 «Письмо из Эдинбурга», опубликованное в «Тираде» в 1962 г. и позднее вошедшее в сборник писем «По дороге к концу».

2 Нидерландская налоговая администрация.

статья для «Рёймте», наконец, закончена¹ и стала очень хороша – она мне тоже стоила немало усилий.

Но теперь хронологический отчет. Когда отошел твой поезд, я что-то разнюнился, так что начальник станции посмотрел на меня странно. Потом я приободрился и пошел пешком домой, по пути мимо Николаскерк. И она была попросту открыта! Так что можно было спокойно пройти внутрь. Там не было ни единой живой души, но перед маленькой, закоптелой и похожей на «Селдку и Мальчика» картиной нашей Вечной Матери горело множество свечей. Я купил и зажег одну, и насадил ее на штифт, восхищаясь этим таинственным личиком и бормоча нечто вроде «Матерь Божия, Ты, Которая всё видит и понимает» и т. д. – преклонять колени и молиться я до сих пор нахожу довольно смешным. Снова слеза-другая, но на этот раз в них было нечто освободительное, и я, при всей моей скорби, был счастлив. Потом вернулся домой и снова взвыл, но всё же прибрался в доме, и от этого мне сильно полегчало. Вечером пришел на ужин Ад, после чего мы отправились на Roots². Удивительно прекрасное представление, глубоко растрогавшее всех. Потом нас с доктором Тримбосом представили друг другу. (Он произносил вступительное слово о пьесе). Мудрый человек, он согласился с моим описанием католичества с учетом одной-двух поправок – естественный характер этой религии, благодаря чему она, равно как и природа, в большой степени

1 Но в этом журнале она не появилась.

2 Пьеса Арнольда Вескера (Arnold Wesker, британский драматург (1932–2016), переведенная Реве на нидерландский («Растения без корней»).

аморальна и порождает меньше социальной ответственности, чем, скажем, протестантство. У Яна Волкерса был день рождения, он звонил мне в полдень, но после приема в Студио еще на день-рожденную вечеринку – мне показалось многовато, так что я где-то к часу ночи опять был дома. Р. остался ночевать, чтобы утешить меня. Малыш был в совершенном ужасе из-за нашего расставания. На следующий день мы – Р. и я – ездили на мопеде в Гои¹ (погода была восхитительно безветренная и солнечная), выпили по чашке кофе в «Де Лаге Фюрше», к Фритци не ходили, но около пяти были дома. Потом поели, и вечером, вчера, стало быть, в Центр, на представление *Les Bonnes* (Служанки) Жана Жене. Меня до этого только два раза в жизни так взволновали спектакли: «Смерть коммивояжера»² и *Long Day's Journey Into Night*³. Я сидел как прибитый к стулу, с распахнутыми глазами, все два часа подряд, порой пускал слезу. Это работа гения, не сравнить с *Les Nègres*⁴. Ну что ж, может быть, дней пять еще будет тут идти. Игра, какой я, вообще говоря, никогда еще не видывал, по крайней мере, не припоминаю. По окончании еще малость посидели в «Де Вейнkelдер» на Херенграхт, темно, тепло и душно, но народ-то его держит за романтическое и уютное местечко. Днем должен был зайти Валтер Каус насчет какого-то перевода, но не появился. Это всё. Продолжу, когда придет твое письмо. Теперь иду на станцию.

1 Лесистая местность в Северной Голландии.

2 Пьеса Артура Миллера.

3 «Долгий день уходит в ночь» (пьеса Юджина О'Нила).

4 Пьеса Жана Жене «Негры», 1958.

Амстердам, 30 октября 1962

Пока не забыл: что делать с твоим велосипедом? Где он?

Милый Мальчик,

Очень рад был твоему письму, которое пришло утром. Вчера я бы тебя просто убить мог: поздним утром позвонил, натурально, Х. Х, а попозже – Т. Помявшись, я, натурально, вынужден был выболтать правду, стоял как обосранный врун и комедикант и т. д. Только днем, часов в пять, они получили твое письмо. По крайней мере от этого ты меня не избавил. В бешенстве я не пошел в Ван Генд & Лос, завтра пойду. Утром, когда пришло твое письмо, я, разумеется, опять разлился слезами. Между тем я всё еще не знаю, лучше мне или хуже теперь, когда ты ушел. Мое житье-бытье совершенно не изменилось, я имею в виду образ жизни. У меня совершенно нет потребности бегать за мальчиками, денег я трачу не меньше и не больше, встаю и ложусь в одно и то же время и т. д. Днем звонила твоя сестра, опечаленная новостями. На днях зайдет на чашку чаю. Ханни теперь тоже в курсе, но совершенно не ноет. Сегодня и завтра вечером иду на «Служанок» с Католической Акцией (две группы). Нам сделали скидку.

Р. здесь обосновался, ходит за покупками и т. д. Он милый, конечно, но я не знаю. Я много думаю о проблеме: Один или всё-таки с Новым Другом. Я думал, например, если бы здесь не было Ф., то сошел бы и Адье, хотя у него уже не все зубы целы и он некрасив, но с ним не сложно, и он покор-

ный. Может быть, чересчур покорный, равно как Р. чересчур назойлив и подходит к телефону, причем выступает вроде тебя, как доверенное лицо. Не знаю. Мой возможный Новый Друг в любом случае должен быть крепко порочен и упиваться исключительно сексуальными идеями и представлениями, должен уметь наслаждаться неверностью и жестокостью, должен пытаться усиливать наслаждение партнера самыми извращенными способами и т. д. И вот такого в этой мужиковской стране так скоро и не сыщешь; собственно, с такими типами нигде не густо. В нем должно быть что-то от художника, мистика, сверхчувствительного эстета и сексуального убийцы, и всё это должно быть перегнано через юмор. У тебя и Перкина имеется порядочное количество таких качеств, но этого недостаточно. Ладно. Забыл сообщить: согласился на The Collection Пинтера¹ за 600 гульд. – заметил, что мог бы и 750 попросить, чёрт, но да, Выбросить Ее из Головы, сам понимаешь. Возможно, я смогу прихватить велосипед с собой, когда приеду в Лондон, наверняка это куда дешевле, чем почтой. Р. сейчас тушит что-то из печени и риса с эндивием, для нас с Адье, потому что Адье, который, разумеется, снова простужен, скоро пойдет. Вчера я дома, за чтением и болтовней, усидел ½ литра женевера, спокойно лег в постель, сегодня легкое похмелье. Поскольку сие пристрастие я счел слишком накладным, сегодня закупил сразу 20 бутылок вина и ничего кроме этого, одно только вино. Вино лучше всего – можно пить его помалу, не в неограниченных количествах, как

1 Harold Pinter (1930–2008) – британский драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе 2005 года.

крепкое или пиво, и всё тебе впрок, только вот изо рта дурно пахнет, зубы чернеют и иногда какаешь фонтаном. Кошки в полном порядке. Думаю, что сделаю им прививки от бешенства, так что они не заразятся, если я их укушу. Напиши мне поскорей. Меня интересуют твои чувства и мысли. Множество поцелуев от твоего

Герарда.

85

* * *

Амстердам, среда 14 ноября 1962

Милый Мальчик,

Сегодняшний день я отвел на то, чтобы написать тебе пространное письмо. То есть это очень удачно, что я получил твое письмо вчера вечером, и очень счастлив, ибо ты настолько полнее и свободнее, чем обычно, высказываешься о многих вещах. Я бы с удовольствием написал тебе раньше, но сегодня у меня, наконец, есть время – я имею в виду, столько времени, сколько хочу, в крайнем случае, целый день. До вчерашнего дня мне пришлось сильно поторапливаться, во-первых, с переводом пинтеровской *The Collection* (дивная пьеса), которая должна быть готова вчера вечером, в то время как я вчера вечером должен был читать свою первую лекцию. Моя аудитория была довольна больше, чем я, ну да много ли им надо. По-моему, я должен эту лекцию расширить.

Между тем сообщаю обычные факты, например о твоем велосипеде, который обнаружил только вчера и, твоим ключиком отомкнув замок,

занес его наверх – кабы я раньше знал, а то он просто стоял без нужды две недели в непогоду. Ладно. Я по-прежнему живу замкнутой и Непорочной жизнью, если не считать того, что время от времени охаживаю ремнем Х. де П., а потом беру его, что нахожу всего лишь возбуждающим, но не поистине удовлетворяющим, потому что от него пахнет и у него такая телячья физия и, кроме всего прочего, он несет такую банальную чушь. Кроме того, один раз отымел Г. (ты знаешь, тот, с бойцовского вечера), превосходная атлетическая фигурка, густые, непослушные волосы – как у греческой статуи, мордашку же, однако, переварить труднее. Штуковина практически отсутствует, и это мешает, тут я склонен с тобой согласиться. Это не имеет ничего общего с Чрезмерной Честностью или тому подобным, мне просто приятно писать тебе это, немного чувственное и возбуждающее, короче говоря, целая гамма Власти, Унижения, Неверности, Верности, возбуждения Неверностью Партнера, Поклонения Виму (прежде всего его Заднице, она Совершенна, как и его Ноги), и т. д. В будущем я предпочел бы творить из этого миф, мистическое богослужение и литургию, нежели повод для недомолвок и ссор – что между нами часто происходило и, по-моему, совершенно без причины. Если мы в свое время снова сойдемся – что, на мой взгляд, неизбежно – я бы хотел немного меньше капризной этики с твоей стороны, так, чтобы мы устраивали меньше ссор по мало-важным причинам, ибо это изнурительно, и такие ссоры труднее всего разрешить, потому что никто уже не помнит, из-за чего они случились. Кстати, этот развод будет нашей связью только на пользу, так я думал – мы немножко придем в себя. Моя

жизнь теперь куда проще, удобнее и спокойней, если уж начистоту. Жизнь с тобой определенно не есть неисчерпаемый источник наслаждения, но просто-напросто наложенная Божьим Промыслом Необходимость, с кучей невзгод и только с парой взлетов: вместе наряжать елку, вместе выпивать, дробить на кухне, созерцая твою Задницу и тиская твой Зад, в полдень при дневном свете обладать тобой, утром приходиться к тебе в постель и чувствовать, как твой Конец бьется в моей ладони, смотреть, как ты поработаешь мальчика своей палкой. Но это всего лишь несколько моментов в году – остальное же всяческие заботы, раздражение, сомнения и тому подобное.

87

Странно то, что других мужчин я не могу принимать всерьез, я имею в виду, что ни от одного мальчика я не получаю такого чувства полной отдачи, религиозного экстаза, восхищения партнером как потаенным Богом, чей зад нужно вылизывать часами и чью шею нужно орошать семенем. Ведь ты – колдовская загадка и настолько несравним с каким-либо иным существом. Подумать хотя бы только о первых двух годах, когда ты, например, целыми днями молчал. Для меня ты прекрасен: даже эта злая, грубая твоя физиономия кажется мне столь прекрасной, что от нее перехватывает дыхание. Единственное, что твоя замкнутость и сдержанность заходят слишком далеко, тебе нужно испытывать меньше стыда и порой придавать абсолютную значимость собственным восторгам, если ты понимаешь, о чем я. Тебе хочется одновременно столько противоречивых вещей. Ты хочешь, чтобы тебя нежили и утешали, как маленького одинокого мальчика, но в тот же момент ты отказываешься быть таким мальчи-

ком. Ты не в полную силу переживаешь чувства, владеющие тобой, потому что боишься потерять определенные опоры. Ну да что там.

88

Резко похолодало, я думаю, что ночью будут заморозки. Наконец-то водосточную трубу основательно прочистили и в четырех местах подлатали. Она старая и тонкая, что твоя пленка, сказал сантехник, но есть хороший шанс, что во всяком случае этой зимой она протекать не будет. Сегодня я, наверно, опять буду клеить потолочные плиты. Между тем приходил Людо¹ дней семь назад. Вывел меня поесть в испанский ресторан, где я заказал столик на имя С. (Разве не чудесно всё это?). Потом мы тут еще выпили и сидели нежничали, но как дело обстоит, мне еще не ясно. На следующий день я получил длинное, высокопарное письмо, что он такой весь вне себя от радости ехал домой, что он хочет со мной как-нибудь в Англию, и что мы должны более детально обдумать «этику нашей связи». С технической точки зрения мне кажется это проблематичным, ибо я его нахожу премилым, но ни эмоционально, ни физически он во мне ничего не вызывает – надо полагать, у него неподходящий зодиак. Чувствуешь некоторое напряжение из-за артистических амбиций, которые этот тип лелеет и не может реализовать, может быть вовсе не из-за отсутствия таланта, но из-за отсутствия страсти и энтузиазма. Юмор у него весьма условный и не особо сильно развитый.

Малыш, как же я Беспokoюсь о тебе! Твое сравнение М. со мной совершенно иллюзорно. Хотя он молод и красив, но ты, вообще говоря, не за-

1 Людо Питерс (Ludovicus Joannes Pieters, 1921–2008) – роттердамский предприниматель, меценат, друг и покровитель Реве.

падаешь ни на молодых, ни на красивых, но скорее на дюжих и неотесанных, которые опять-таки должны обладать свойством покоряться. (Нечто теплое из чего-то холодного). Должен сказать, что не могу себе представить, чтобы кто-то, кроме меня, мог бы терпеть тебя и к тому же рассматривать тебя как дар судьбы.

Хорошо ли ты питаешься? Я постоянно ем всяческие сорта рыбы, сердце, мидии, курочку и т. д. Это уменьшает целую гору хлопот, черт побери, я жил словно с пациентом, страдающим от почек, диабета, сердца и аллергии. Если ты вернешься сюда, тебе придется-таки есть массу всяких вещей и не ломаться, хотя я с удовольствием стал бы срезать мясо с курицы и устраивать так, чтобы тебе самому не пришлось управляться с костями, но всё же ты, как и любой другой, должен будешь есть определенные вещи. И ты станешь есть мороженую треску, тушеную с миндалем; индюшачью ногу с оливками. Господи Иисусе, я уже четыре раза подрочил и всякий раз распалюсь еще больше, думая о тебе, как я задам тебе березовой каши, спустив с тебя штаны – предпочтительно те старые бархатные черные, которые всё еще где-то тут, и как я, приводя себя в порядок, чтобы объезжать тебя, кончаю уже при виде твоей спины, ног и щелки, что опять-таки не есть минус, ибо благодаря этому я дольше могу пребывать в твоей дивной щелке до того, как свершится чудо. У котиков всё в порядке, и к Денизе я отношусь с особым вниманием. Предписания по прививке от бешенства ужесточились. Все собаки сейчас в намордниках в Амстердаме и Амстелвене, и во всей стране собак должно водить на поводке. Кошкам нельзя более выходить на улицу, только если их несут под

мышкой или на поводке. Они не могут валять дурака, как им хочется, так что Дениза по-прежнему ходит туда и обратно, в точности, кстати говоря, как и все окрестные кошки: вчера на Моленстег я видел штук 5 – котов зеленщика, молочника, хозяйина порнографической лавки, незнакомого кота в красном ошейнике и кота мясника, все прогуливались безмятежно. Правда, Дениза теперь тоже носит ошейник, и обе зверюшки (на случай, если Ургье тоже пойдет на улицу) имеют при себе имя и адрес. Адье очень тебе сочувствует. Он от тебя просто без ума, как ты знаешь, и совершенно уверен в том, что ты вернешься через пару месяцев. У него грипп, но он продолжает работать. Посему я попросил его временно пожить тут, чтобы он по крайней мере вечером надлежащим образом питался, лежал ухоженный и утром получал солидный завтрак у теплой печки. Существование у него, конечно, тревожное. Хотелось бы мне, чтобы наши друзья не всегда были такими несчастными беспокойниками. Р. по-прежнему мечтает стать королевой в моем королевстве, то тираничен, то мил, короче, и юмора кот наплакал, сам знаешь. Ссоримся мы меньше, хотя по той или иной причине я никогда не могу удержаться, чтобы не поехидничать на его счет. У Бертье трепак в заднице, но его лечат. Слава тебе господи, что я в него своего франсика не совал. (Я считаю, что в нем есть нечто пидорское, испорченное, и всё же нахожу его очень аппетитным – тут наши вкусы довольно сильно расходятся). Мои Дорожные Письма из Эдинбурга были встречены с огромным энтузиазмом – аплодисменты от «Врейе Недерланд», «Де Тейд» (Фенс) и изъявления благодарности от мно-

гих курсистов. Даже очень милое письмо от Йозин Мейер из Гааги. В сущности, всё же очень славное письмо, хотя своим надменным тоном может основательно вывести из себя того, кто очень близок ко мне и лучше знает мой характер.

Подумываю в начале декабря на недельку съездить в Англию. До конца этого месяца я связан лекциями и тому подобным. Смогу ли это скомбинировать с Людо – не знаю пока; очень мне импонирует идея остановиться вместе с ним в какой-нибудь очень дорогой, очень Мрачной Гостинице и позволять ему поклоняться мне.

Ровно через неделю у тебя день рождения. Я впал в совершенное уныние. Напиши мне поскорее, я имею в виду – не как тогда, через пару недель. С этого я сделал копии, так что, думаю, одну отошлю на адрес Перкина, а другую – на твой, на тот случай, если адрес неверный или неполный или неправильно записан с телефона, никогда не знаешь, и я никогда об этом не услышу, ибо такое письмо будет валяться в коридоре и никто не переломится отправить его назад.

Я очень тоскую по тебе и ужасно озабочен, всё ли у тебя хорошо и не случилось ли с тобой чего дурного. Бедный М., очень ему сочувствую. Такого мужика, как я, еще поискать, мальчик, такую идеальную смесь властолюбия, толерантности, влюбленности, похотливости и извращенности – нет, черт побери, кто владеет мною, тот решительно неплохо устроился, хотя думает-то он иначе, если он такая же балованная дрянь, как ты.

Передай М. от меня восемь шлепков по его мальчишеской попке. А теперь не начинай сразу же бухтеть: если я ничего не говорю о М., это хорошо, если я дурно о нем говорю, это тоже не-

хорошо, а если я возбуждаюсь, представляя тебя с ним в постели, это вообще ужасно нехорошо, и я сексуальный урод. Вполне возможно, но тогда ты вообще сексуально не пропечен и никогда в печке не бывал, так и заруби себе на носу. И никаких гвоздей. Знаешь, о чем я думаю? Лечь на тебя в мертво-тихий воскресный полдень и в виде прелюдии перед тем, как пойти в постель, лицом на твой зад, пока ты еще в штанах и тепло твоего тела постепенно проникает сквозь ткань. О Зверь, Похотливый Хищник, Обожаемый Конценосец, Могучий Строчитель, я мечтаю о тебе в то время, как ты подвергаешься пыткам, и плачешь, и бьешься от Боли. Хочу лежать с тобой в огромной постели, гладить твои волосы и бесконечно говорить с тобой, словно в зыбком пении некой таинственной мессы.

Что касается твоего замечания о моем алкоголизме, ты сам тоже пьешь при возможности весьма охотно и весьма много. Мое бессилие по большей части просто показуха и в большей степени психическое, нежели настоящее пьянство. Последние две недели, когда я уже не мог сладить с напряжением, я по большей части употреблял для того, чтобы расслабиться и немного отупеть, что, впрочем, судя по дракам, мне не удалось. Нынче я пью вино и даже не каждый день. Можжевельная – для вечеринок, ибо она не очень мне впрок. Кстати, Х. Х. звонил пару дней назад, не найду ли я на рюмашку с 6 до 7 к А. М. Ах да, я зашел, Х. Х. был всё еще зол на тебя, но Т. и Г-н Мерапи или Левита или в любом случае какой-то директор, эти двое – вовсе нет, только опечалены. Г-н Левита сказал, что всё это очень даже понимает, но что ты сделал замечательную работу и если

ты пожелаешь вернуться, то он только за. Насчет А. М. оказалось, что он по мне слюнями исходит (так же сильно, как я гнушаюсь его физически, да простит меня Господь), видел меня по телевидению и воспылал и т. д. С похмелья опять запил, А. М. я имею в виду, начал болтать и острить (порой он действительно бывает забавным, но подобный сорт шуток быстро меня утомляет), тогда как я сообразил, что пить надо весьма умеренно. Х. Х. привел с собой нового Дружка, на которого я сразу же запал (танцор с южным акцентом, немисливо красивый, по крайней мере на мой взгляд, и немедленно дико воздрочившийся на меня, что, естественно, Х. Х. никак не обрадовало). Начнем Новую Жизнь и всякое такое прочее, но с тех пор от него ни слуху ни духу. К счастью, около 12-ти я ушел с Х. Х. и Другом, которые подвезли меня на машине домой, потом тихо-мирно в постель – никакой ночной жизни, поперек горла уже стоит. Х. Х. хотел, чтобы я отымел А. М., но это невозможно, они что – думают, я какой-нибудь бык, которого можно загнать в любую пещеру с течкой? Я скотина, это да, но у меня, по крайней мере, своя эстетика.

Сегодня я в хорошем настроении. Купил специальные конверты, чтобы послать тебе письмо. Прощай, любострастный зверь, отправлю его до вечерней выемки писем. Твой

Герард.

Амстердам, 19 ноября 1962¹

«Боже, покарай Англию»
(Боже, покарай вероломный Альбион)

Милый Малыш,

94

Получил сегодня днем твое довольно короткое письмо, между тем уже написал половину письма тебе. Текст был на нидерландском, я его отложил и теперь пишу тебе это письмо по-английски, о чем и просил тебя договориться со мной ревнивый М. Надеюсь, что вся эта дополнительная работа приведет к тому, что он его всё-таки прочтет. Я приступил к письму сегодня во второй половине дня, потому что послезавтра – твой день рождения. Прими мои поцелуи и наилучшие пожелания. Это письмо не будет идти так долго, как предыдущее – в него или в его копию была вложена моя фотография, получение коей ты не констатировал – потому что я хочу отправить его сегодня вечером, чтобы оно пришло к тебе в день рождения. Я купил тебе два подарка, один – всего лишь лакомство, другая вещь – вполне себе Подарок. Тебе понравится.

Смотри: дело в том, что я беспокоюсь о тебе и всё еще ничего не могу с этим поделать, и меня переполняет страх, что ты можешь влипнуть в серьезные неприятности, заболеть, что ты бедствуешь или некое Неизвестное Зло может приключиться с тобой, а я не буду знать об этом или не буду иметь возможности что-то сделать. Че-

1 Письмо написано по-английски.

рез две недели будет десять лет, как мы впервые встретились, и около шести лет, как начали жить вместе. Ноябрь – месяц воспоминаний. Ничего удивительного, что это месяц Мертвых, и дата для Дня Поминовения кажется мне выбранной не ошибочно. Я подумываю приехать в Англию дней на десять или на пару недель, желательно в The Gunner's Hut, ибо я вовсе не люблю Лондона. Однако я не вполне уверен, будет ли какой-либо толк, если мы встретимся вновь – то, что нам трудно жить вместе, но разъехаться – довольно абсурдно, – эта истина будет тяготеть над нами, всё это я предвижу. Хотелось бы мне знать, что ты обо всём этом думаешь. Было бы славно, если бы это письмо было таким же развернутым, как предшествовавшее тому, что я получил сегодня, которое так порадовало меня.

Сейчас тут всё очень спокойно и незамысловато. Малыш А. слёг, приболев (считается, что это просто грипп), но он так расхворался, прибыв сюда, что я послал за доктором Гротхёйзе¹ (температура у А. к тому моменту подскочила до 40.4 °С). Вот уж поистине мазохист, который не предпринимает ничего, чтобы отделаться от коллекции своих недугов: 1. Хронический синусит; 2. Хронический тонзиллит (мучает тебя один месяц в году, мучает его одиннадцать месяцев в году); 3. Хронические головные боли. Но в этом случае основной причиной было рваное гузно (возможно, не по моей вине, или же я ослабил пару швов месяц назад, которые сейчас, благодаря вмешательству Ф., совершенно разошлись, если ты ухватил мою

1 Лечащий врач Реве. См. книгу «Письма моему врачу» (русский перевод – 2015).

мысль). Д-р Гротхёйзе действовал весьма умело и вновь привел его в относительный порядок при помощи пенициллина (8 уколов за 3 дня). Рана и абсцесс, последовавший за ней, были вызваны, по словам д-ра Гротхёйзе, чрезвычайно твердым стулом или (едва заметная улыбка) «чем-то другим». Он довольно милый, этот А., но вот эти его бесконечные страдания начинают действовать на нервы.

96

Вчера я опять видел Дж. А. и разговаривал с ним, и мы помирились. Но до соития пока что не дошло. Между тем я влюбился в 20-летнего высокого, стройного, широкоплечего, Белокурого студента Безупречного Сложения: внешне он сильный и мужеподобный, а характер у него милый, сердечный, почти девический. Носит он непритязательное имя Ян Смит (Джон Смит) и до сих пор не знает меня, но я выразил свои чувства, написав ему и послав ему копию «Тирады» и, по мнению посвященных, у меня действительно имеется порядочный шанс, поскольку он (а) алчет иметь гораздо более старшего друга; (b) он хочет друга, с которым мог бы вести «глубокие» разговоры; (c) он предпочел бы избавиться от своего 32-летнего старого, уродливого, тиранического, колготного друга, который ему изменяет и в то же самое время болезненно ревнует его. Учитывая всё и всё суммируя, я в самом романтическом настроении, напеваю, я покладист и преисполнен Стойкости, Весьма религиозен, так что завтра, дабы приобрести больше необходимых Сил, которые понадобятся мне в ближайшие дни, я пойду и куплю Свечу и зажгу ее в Церкви Св. Николая, для Матери Божией.

Я подумаю насчет того, чтобы подлатать твой велосипед, но не ранее, чем узнаю о каком-либо специфическом твоём визите сюда, иначе камеры опять испортятся и т. д.

Но ведь ты понимаешь, что я в самом деле страдаю. Временами я очень озлобляюсь и все-речь подумываю о том, чтобы отослать тебе письма нераспечатанными и т. д. Но в другие минуты я думаю и говорю о тебе со слезами на глазах и бесконечно дрочу, думая о тебе и твоём теле, о тебе с М., о физической привлекательности М. и т. д. Мне наплевать, если кому-то не нравятся мои сексуальные пристрастия – пусть идут на хер. Может быть, мы уже слишком отделились друг от друга, чтобы когда-нибудь вновь сблизиться, не знаю. Единственное, чего я боюсь, это того, что ты внезапно можешь решить вернуться, не будучи при этом уверенным в моих мотивах, или захочешь начать всю эту каторгу сначала. Я слишком устал от этого. Я бы предпочел быть один.

(Я бы на твоём месте держался подальше от Сейса. Он способен только на то, чтобы затянуть тебя глубже в болото, просто чтобы чувствовать себя комфортно).

Не знаю почему, но внезапно ощутил небывалую печаль и сделался ко всем нетерпим и раздражителен. Сильно сомневаюсь, стоит ли мне ехать в Англию. Этот холодный, печальный дом Перкина, вонь и шум Лондона, пересуды гомосексуалов, которые каждый день славят Господа за то, что по сей день подвергаются преследованиям и не считаются за взрослых, как на континенте, это может быть слишком для меня, особенно когда эта капитулянтская банда интеллектуалов у Перкина начинает петь хвалу коммунизму (который, кста-

ти, заморил бы их голодом или забил насмерть в концентрационных лагерях). И потом эта слабая позиция по отношению к религии – мне, жалкому невротичу, посещающему мессу, это чванство, пусть и благонамеренное, слишком отвратительно, и я не в состоянии ладить с этим слишком долго. И потом – представляю, как ты произносишь 20 слов без смысла, типа «Ну, как дела», два-три вопроса насчет кошек и цветочков, и это всё. Нет, я бы так не хотел. Если я хочу беседовать, я хочу беседу, а не британскую болтовню и не комариный зуд лондонской коктейльной вечеринки. Я слишком стар, чтобы жить понарошку. Я вижу смерть, я живу со смертью, и я хочу воспевать смерть в каждом слове и жесте. Никто не обязан любить это или одобрять, но это то, что я есть. Я не могу взаимодействовать с людьми, которые существуют только наполовину и гордятся этим, и довольствуются вечеринками, одеждой, изящно убранными комнатами и три раза в году пьесой, которую они называют дерзкой, ибо в ней четыре раза звучит слово «гомосексуальный». Я хочу жить с мужчиной и подтверждать это, если меня спросят, и бить по морде всякого, кто скажет что-то оскорбительное по этому поводу.

Ну, не начинай волноваться. Я не дрался с тех пор, как ты уехал, и употребил не более 1 литра можжевельники за всё это время. И только сейчас, в этот самый вечер, когда закончилось огромное количество местного вина, за обедом опустошается последняя бутылка. Я худею, не знаю отчего, может быть, Рак, но это маловероятно, ибо тогда я чувствовал бы себя очень усталым.

Два издателя Propria Cures были в суде за порнографию. (Прокурор потребовал штраф в 40 гульденов). Адвокат обвиняемого предоставил два образчика текстов, которые в определенном свете можно было бы назвать порнографическими, но по закону их не преследуют: «История венской проститутки» (автор?)¹ и моя «Новая Пасхальная Песнь» в «Тираде». (У Перкина есть экземпляр, если ты захочешь разъяснить текст М.).

Я в отчаянии. Твое письмо разочаровало меня – это обыкновенное письмо, в котором ты пишешь слова, но всячески избегаешь сказать что-либо.

Что ж, мне всего лишь надоела жизнь – неопределенная и по-прежнему неустроенная, которая основана на двойном или тройном наборе нравственных норм. В великих символах Христианского Откровения, в мессе, Рождественской всеобщей и Пасхальной Вигилии мы смогли бы обрести друг друга, и ты смог бы обнаружить, что отрицающие Рождение Господа, его страдания, Смерть и Воскресение из мертвых, отрицают Любовь и последние требования, предъявляемые ею к человеку. Ну что ж, это звучит довольно надуманно и нереально, но я хочу сказать, что твой отказ сопровождать меня к мессе в «Господь на Чердаке»² симптоматичен, а именно что ты отказался встре-

1 Автор этой работы, ставшей эротическим бестселлером – Жозефина Мутценбахер (1852–1904); оригинальное название – “Josefine Mutzenbacher oder Die Geschichte einer Wienerischen Dirne von ihr selbst erzählt“ (1906) (нем.) – «Жозефина Мутценбахер – История жизни венской проститутки, рассказанная ею самой».

2 Церковь Возлюбленного Господа нашего на чердаке – знаменитая тайная католическая церковь на чердаке жилого дома, в 1661 г. устроенная амстердамским купцом Яном Хартманом.

чатся или общаться со мной на иррациональном уровне.

А. передает привет. Надеюсь, что Дух, который есть пламя и любовь, будет утешать и вести тебя. Милый, береги себя и не ввязывайся во всякие авантюры.

С любовью,

Герард.

100

* * *

Роттердам, 25 ноября 1962

Милый Мальчик,

Вчера вечером я ходил на «Швейка»¹ – величайшая роль Боба де Ланге² и мощный спектакль – вместе с Людо, и ночью здесь. Скоро еду в Гаагу, на обед к Дж. и Л. Был ужасно рад твоему письму и в скором времени развернуто тебе напишу. Безумно тебя люблю и очень о тебе беспокоюсь. Прощай, любовь моя, ты уж береги себя, как бы с тобой чего не случилось.

Целую,

Герард.

(Может быть, я всё-таки поеду в Лондон, незадолго до дня рождения).

1 Реве перевел пьесу Бертольда Брехта «Швейк во Второй мировой войне».

2 Jacob Bernard (Bob) de Lange (1916–1978) – актер и режиссер.

Амстердам, 29 ноября 1962

Милый Зверь,

Меня очень порадовало твое пред-предыдущее письмо, такое оно было мрачное, я хочу сказать – то, что в нем написано, было, конечно, печально, но всё же я был ужасно рад получить весточку от тебя, хотя тут же начал о тебе сильно беспокоиться, прежде всего о твоем горле. Следующее письмо от тебя, об излеченном горле, о разрешении на еще два месяца и о возможной работе вновь немного успокоило меня, но надеюсь, что ты не возьмешь назад свое объяснение в любви в предыдущем письме. Еще спасибо за вырезку о Гори¹, подозреваю, она была тяжеловата, но обошлось без доплаты.

101

Сегодня у меня впервые появилось достаточно времени, чтобы написать тебе, ибо прошлые дни были довольно суматошные: в пятницу поздним утром в Хилверсюм на радио отвечать на вопросы о «Служанках», «Яблоке»² и о драме Long Day's Journey into Night, вечером будут транслировать в рубрике «В Мире Искусства». Вечером с католиками во второй раз (а я в седьмой) на «Служанок», потом еще посидели, но не слишком долго. На следующий день, в субботу, в Гаагу, на премьеру

1 Edward Gorey (1925–2000) — американский писатель и художник, известный своими книжными иллюстрациями.

2 Пьеса американского драматурга Джека Гелбера (Jack Gelber, 1932–2003), переведенная Реве на нидерландский язык.

«Швейка». Невероятно понравилось, изобретательная режиссура и восхитительная игра Боба де Ланге – никогда бы не подумал, что будет так хорошо. Кувшин можжевельной на спектакле, потом посидели и т. д. Спросил Людо, можно ли у него переночевать, и поехал с ним в Роттердам. Очень мило; уютная, туманная погода. Меня страшно разобрало от его 15-летней дочери Д., она дерзкая, чуть косит и белокурая; джинсы с клёпками, сексапильно обтягивающая белая блузка и т. д. В полдень вернулся в Гаагу, перекусил у сестричек М¹. и потом взял их в тот же самый театр, в котором был накануне, на Long Day's Journey. Какая пьеса! Дамы были в ужасе от такого количества несчастий, и всё это еще до 11.50. Сверхчеловеческие достижения всех актеров и душераздирающая креация Иды Вассерман в роли госпожи Тайрон. Короче, вновь увидеть эту пьесу спустя столько лет, да еще в такой интерпретации, которая, по сути дела, не уступает лондонской, – это согрело мне душу, и я плакал во время второго, третьего и пятого действий. Потом ночевал у дам, на следующий день немного прогулялся по Гааге, посетил Гевангенпорт² с Пыточными инструментами, вдоль и поперек исходил универсамы и т. д. Вечером в Делфт, читать лекцию о порнографии для студенческих объединений. Весьма живенько, потом на ночлег у сердечных юношей, хотя и не исповедующих греческие принципы, конечно, малость выпил, прилично, можно сказать, но не в зюсю, это тоже гораздо лучше – я пью определенно меньше, чем месяц назад, и порой у меня даже появляется отвращение [к спиртному] – уютный завтрак, по-

1 Сестры Йозин и Ленни Мейер, приятельницы Реве.

2 Средневековая тюрьма в Гааге.

том поездом домой и привести себя в порядок перед отъездом в Геннеп, Северный Лимбург. Поезд без десяти шесть, в Неймегене встречен ветеринаром и его женой, лекция в гостинице (спектакль), к моему удивлению, весьма понравилась, много потом болтали, дорогой номер в гостинице за счет ассоциации, утром ни свет ни заря (6.30) подъем, через $\frac{3}{4}$ часа заехали ветеринар с женой, отвезли в Неймеген, чтобы там в 8.19 сесть в поезд в Арнем, там пересадка в Утрехте, в Утрехте пересадка на Амерсфорт. В каждом из трех поездов усаживался в (официально) открытом буфете, но нигде никого, кто наливал бы кофе. Приехал в Амерсфорт в 10.04, прибыл большой автомобиль, дабы доставить автора в лоно католической учебной группы. Оживленные дебаты, горячий ланч в «Де Хорстинг», потом снова домой, это вчера днем. Тут масса уборки, разумеется. Утром получил от того ветеринара двух подстреленных им вальдшнепов. (Мелкие Животные). Но их нужно еще ощипать. Я собирался пойти куда-нибудь на улицу и ощипать их на лавочке, потому что стояла такая хорошая погода, ибо в противном случае полдома будет в перьях, и притом еще ликующие вопли кошек (у которых, кстати, всё хорошо: Жюстина всё растет, а глазик у нее опять нормальный. Иными словами, он порой целыми днями совсем не слезоточит). Вчера ел вальдшнепов с Р. Никогда не подозревал, что это настолько прекрасно, в точности как цыплята или маленькая курица, но у тех по сравнению с ними куда больше мяса. С ножки даже горсточки не соберешь. Я их [ветеринара и его жену] поблагодарю и поставлю в известность Людо о моем одобрении вальдшнепов – он в собственных охотничьих угодах в ***бурге охотится

на куропаatok, вальдшнепов, уток и зайцев и обещал мне регулярную поставку дичи. (Он, кстати, отдает дичь какому-то Платному Ощипывателю, чтобы тот делал из нее полуфабрикат, перед тем как отсылать мне). Я вчера был уже готов выкинуть обеих птиц, провозившись с ними какое-то время, ибо сидел облепленный тучей Всяческих Мелких Перышек, бок одной птицы был разнесен выстрелом, вследствие чего Какашка вылезла наружу, головки с мертвыми глазками и т. д. Рад, что довел дело до конца. Да, я сохраняю копию. Черт меня попутал в тот раз писать по-английски, учитывая то, что ты его не станешь показывать М., раз там написаны такие чувственные вещи.

Послушай: я согласен с тобой, что в Лондоне будет совершенно некомфортно и неудобно, и всё же подумываю съездить туда на недельку или дней десять, прежде всего чтобы встретиться с тобой – всё так странно и непонятно меж нами и, возможно, станет чуть яснее, если мы вновь поговорим, – во вторых, чтобы не быть дома в день рождения. И, наконец, мне пойдет на пользу уехать отсюда на несколько дней. Р. позаботится о кошках и будет ночевать здесь. Нико ближе к Рождеству приедет из Монса¹ и поживет здесь пару дней. Числа 19-го или 20-го я хотел поехать с Перкином в Амстердам, наряжать елку и т. п.

Любимый, я так мало понимаю тебя, и мне очень грустно. Я спрашиваю себя, отчего столько вещей должны оставаться меж нами непроясненными. Я тоже хочу со временем уехать отсюда и жить где-нибудь в другом месте, чтобы закончилась эта неестественная ситуация, но хотеть-то ты хотел и тем не менее дождал перестройку кухни за

1 Французское название г. Бергена (Валлония, Бельгия).

аж 1200 гульденов. Вот такого рода непоследовательности я не понимаю. Я бы предпочел жить в поместье, а квартиру держать для периодических наездов в Амстердам. Большой трудностью была твоя позиция, ибо ты не публичная фигура и, кроме того, ты собственным делом не занимался или вращался в определенном рабочем кругу, который тебя удовлетворял и, в противоположность мне, давал тебе некую самостоятельность, в смысле личного, я имею в виду. У тебя в этом отношении определенно имеется дефицит, во-первых, потому, что я большой эгоцентрик и материалист, придиричиво, но не от чистого сердца, забочусь о других, и, во-вторых, потому, что ты не шел навстречу, когда контакт еще был возможен.

Напиши, порадует ли тебя мой приезд в Лондон. Это письмо отправлю завтра, до одиннадцати утра, с Главпочтамта, тогда оно гарантированно придет уже в субботу. О твоём отсутствии я рассказываю как можно меньшему количеству народа, а то будет столько соболезнующего бубнежа. Напиши прежде всего твоим родителям и М.

Эта работа в Charing X Hospital, вероятно, в самом деле для тебя, поскольку ты очень хорошо это переносишь, и она и впрямь разнообразная. Я бы не смог больше ее выносить, я бы повесился, думается мне. (Нет, разумеется, на практике я бы послушно трудился). Прощай, прекрасный зверь, прежде всего – скорее напиши мне; короткое письмецо – тоже неплохо, мне бы только весточку получить. Я ужасно сильно тебя люблю, да ты это и сам знаешь. Поцелуй и кусаки от твоего мужа

Герарда.

Амстердам, 3 декабря 1962

Милый Мальчик,

106

Уже несколько часов назад пришло твое письмо, а я всё это время пребываю в возбуждении – ношусь туда-сюда, места себе не нахожу, не знаю, за что взяться и т. д. Совершенно в сентиментальном экстазе я сейчас и, разумеется, из твоего письма вывел заключение – преждевременное – что ты в обозримом будущем опять вернешься. Ну да, много чего другого я при всем желании вычитать не мог. Но что ты имеешь в виду, когда пишешь, «и возможное мое возвращение в Голландию, боюсь, принесет много сложностей». Ладно, теперь сперва о моем переезде. С нынешнего дня по 21-е у меня нет никаких обязательств, так что могу приехать в любое время, но дом так запущен, что потребуется пара дней, чтобы привести его в порядок, и еще куча корреспонденции, которую нужно обработать. Если ты в самом деле не в силах больше ждать, отбей мне телеграмму, тогда я в течение 24 часов приеду в Лондон. Но вообще я хотел приехать только где-то в следующие выходные, прежде всего потому, что Перкин до 8-го будет еще очень занят, а я хотел бы пробыть там не более десяти дней и всё же вернуться в Амстердам вместе с ним. Вот о чем я думаю: в субботу днем съездить в Делфт, посмотреть (белое) погребение принцессы Вильгельмины¹ и потом сесть на

1 Wilhelmina Helena Pauline Marie (1880–1962) – королева Нидерландов, царствовавшая в 1890–1948, после отрече-

ночной паром. (У меня есть соответствующая договоренность со студентами из Делфта, но ее я, естественно, тоже могу аннулировать). Перкин пишет: “On December 8th I shall go to a party (gay), and then to Oxford for two days”¹. До этого времени он, как я уже писал, довольно сильно занят. Если я приеду в субботу ночью, в какое-то время в воскресенье я точно смогу встретиться с тобой, и тогда мы сможем побыть вдвоем в доме Перкина. Это письмо я сегодня же вечером отправлю с вокзала, и ты тогда получишь его в среду утром. Если отправишь ответ в среду, я его гарантированно получу в пятницу. Между тем буду готовиться к отъезду в субботу ночью. Поезд приходит в воскресенье утром, в 9.00, по крайней мере согласно расписанию. Если захочешь встретить меня, то это, конечно, потрясающе, но если для тебя это невозможно рано, то тоже дай знать. Привезу 200 Saballero² для тебя и ½ литра можжевеловой для Перкина, ибо ты больше алкоголем не интересуешься. Боже праведный, как же мне не терпится снова увидеть тебя. До чего всё это удивительно и ужасно – мне кажется, я жил в каком-то оцепе-

ния в пользу дочери Юлианы носившая титул принцессы Нидерландов.

Первым «белые похороны» предложил принц Хендрик, отчим Вильгельмины. Белый цвет ассоциировался с солнечным светом, который вновь воссиял во время похорон, и рассматривался как призыв к новой жизни. Вильгельмина также выбрала белый цвет одеяний, гроба и т. д. для своих собственных похорон.

- 1 8-го декабря иду на гей-вечеринку, а потом в Оксфорд на пару дней (англ.).
- 2 Голландская марка сигарет, производимая табачным фабрикантом British American Tobacco.

нении. Без тебя жизнь, что касается обычных конкретных вещей, гораздо проще, и теперь я, пока тебя нет, куда спонтаннее и несдержаннее, порой произношу – в присутствии других – 20 минут без перерыва странные, шутливые и убедительные тексты. (В том, что я до сих пор нечасто высказывался спонтанно, больше моей вины, нежели твоей). Но всё же я предпочитаю жить с тобой, невзирая на всю эту неясную натянутость и ссоры, и никакие другие кандидатуры не рассматриваются. Однако, ради Бога, в Лондоне не перекладывай все разговоры на меня; не хочу, чтобы ты отделился парой расплывчатых фраз, не высказывая при этом ничего существенного.

В остальном тут мало чего произошло. В субботу ездил на мопеде к Офи¹, на день рождения Г. Подарил ему «Бедокуров» Схёйла². Посреди ночи ужасно захотел спать и потерял всякий интерес ко всем этим возлияниям и болтологии. Я был не пьян, но дико устал и потому позволил отвести меня в постель. Праздник кончился в шестом часу. Дивно выспался, встал по будильнику в 7.45, оделся и на мопеде (при 14° мороза, а солнце, словно югендштильный торшер, поднималось за моей спиной), поехал домой, окоченевший, несмотря на всю мою упаковку. (Часть моей одежды была

1 Frederike Martine (Fritzi) ten Harmsen van der Beek (1927–2009) писательница, поэтесса и художница. Под именем «госпожа Офи» (Oofi) выведена в книгах Реве «По дороге к концу» и «Ближе к Тебе». Ее особняк в Бларикуме служил местом встреч амстердамской художественной богемы; среди гостей был и Герард Реве.

2 Jouke Broer Schuil (1875–1960) – детский писатель. Упомянутая книга («De katjangs») повествует о приключениях двух мальчиков индонезийского происхождения.

нецелесообразна и пропускала порывы ветра – в принципе, я заметил, что можно отлично ездить на мопеде в сильный мороз). Только-только проехав Ларен, отрезок пути до большой дороги, я заметил, что на обочине что-то лежит. Остановился, вернулся и нашел гигантского зайца, мертвого, голова вдавлена, лапы уже замерзли, но брюхо еще теплое. Привязал сзади и взвесил в Зедейке, в воскресной лавке, зашел типа купить леденцов. Весил без пятидесяти грамм $7\frac{1}{2}$ фунтов! Самолично ободрал его, довольно мерзкая работенка, и вычистил. После этого он весил (я частями взвешивал требуху на почтовых весах) всё еще $5\frac{3}{4}$ фунта. На денек подвесил его в коридоре, потом разрезал на куски согласно поваренной книге, а на ночь залил вином + специями, чтобы назавтра приготовить рагу. Уж полакомлюсь. Когда в воскресенье утром приехал домой, у меня еще было время разжечь печку, умыться и успеть к мессе в Церкви Господа нашего на Чердаке. По некой причине это был весьма особенный повод. Я имею в виду не дату, но во всём было некое вдохновение, и всё было исполнено восторга. Пели и играли как никогда досель. Между освящением и причащением Ламберт С.¹ произнес поистине мистическую речь, которая меня глубоко растрогала, и за коей последовала, думается мне, соната для виолончели Генделя, сопровождаемая великолепным нежным органом, который подпитывался Насосным Мальчиком. Ламберт С. по случайности чуть не грохнул чашу с Кровью Спасителя. Через окна можно было очень далеко видеть город, по ясной морозной погоде.

1 Духовник Герарда Реве, отец Ламберт Симонс (Lambert Simons).

(Мороз без ветра и снег стимулируют мои религиозные и сексуальные чувства). Я чувствовал, что поистине воспарил над многими вещами и исполнен ожиданий касаясь грядущего рождения Господа. (Адвент). Хотя да, об этих вещах мало чего вразумительного можно сказать. Критический против этого настрой кажется мне вполне здоровым, но критика должна быть честной, осознающей, что речь идет о реальностях сердечных, а не об осязаемых или доказуемых фактах.

Любовь моя, Милый Зверь, теперь иду отнести письмо в почтовый ящик на Центральный вокзал. Я страшно тоскую по тебе и несколько раз хорошенько сдрочу вечером, думая о твоей штучковине и норке.

Поцелуи, кусаки, всё, а также Нежные Поглаживания твоей Шейки. Твой Муж

Герард.

* * *

Амстердам, 5 декабря 1962

Милый Мальчик,

Мне всё-таки захотелось не ночным пароходом, а дневным субботним, и забить на похороны (которые в полном объеме будут показаны по телевидению).

Это один из наигрустнейших вечеров на Св. Николая, которые когда-либо у меня были. Я очень подавлен и измучен. Не знаю, какие такие

«сложности» может принести твое возвращение, но знаю только, что я ничего особо изменить не смогу – ни себя, ни обстоятельства – и что я очень устал, слишком устал для того, чтобы тратить энергию на попытки решить проблемы, которых, вероятно, и не существует, или существует только половина. Если в Лондоне будет борьба за престиж или правоту, короче, если обсуждения станут разыгрываться на таком уровне, для коего я уже сделался стар, то я первым же рейсом уезжаю назад, ибо никакого желания на это у меня нет. И потом с этих пор я буду жить один, всех выставляя за дверь и поддерживать только рабочие контакты. Если я ни с кем не могу хоть как-то общаться, то и видимость беседы и всё прочее мне тоже не нужны.

Не принимай слишком уж всерьез всё вышенаписанное – я простужен и чуть ли не до бешенства раздражен морозом и вонючим, промозглым туманом. (Все три дня подряд никак не могу согреть ноги).

Мне бы хотелось мира, тепла, покоя. Довольно странно, что в последние дни у меня не встает, когда вижу красивого мальчика, а чувствую только усталость и скуку.

Если суббота тебе подходит, я приеду вечером в 20.25 на Liverpool street. Целую, твой муж

Герард.

Амстердам, 27 декабря 1962

Милый и Очень Похотливый Мальчик,

112 Думаю, что просто Skrijf soos ek spreek¹, я имею в виду, не слишком сложно буду формулировать. То и дело собирался приступить к письму, но здесь было так суетно, и, кроме того, я утвердился в соображении, что почта страшно запаздывает и ничего не придет до, скажем, 2 или 3 января, неважно, когда она будет отправлена. Р. тут за всем безукоризненно присматривал и очень хорошо ухаживал за Кошками. (Жюстина прекрасна и необычайно сильна). Р. весьма растроган твоими подарками и говорит, что скоро тебе напишет. В субботу я купил красивую ёлку, и в это воскресенье мы с Р. ее нарядили. Внезапно, когда всё уже было готово, мне сделалось так грустно! Ладно, ты отлично понимаешь, отчего. Кстати, время от времени на меня нападает такая хандра, чувство, что я больше не смогу справиться со слишком большим количеством абсурдных вещей. Порой мне кажется, что я живу рядом с собой и слышу, как я разговариваю, словно на расстоянии, ты знаешь, конечно, что я имею в виду. К алкоголю это не имеет никакого отношения, ибо, что само по себе курьезно, я пью умереннее, нежели чем когда ты был здесь; иными словами, я могу пить, сколько хочу, или лучше сказать, не ограничиваю себя и тогда определенно пью меньше. У меня были горы озарений, и потом я подумал, я должен написать о них Вими, но большинство из них уже улетело.

1 Пишу как говорю (афр.).

Я страстно тоскую по тебе и по-прежнему дрочу, задыхась при мысли о тебе, как ты возвращаешься и хмельным субботним днем хватаешь мальчика и так далее. Ссор насчет религии у нас больше нет, ибо я более не нуждаюсь в постороннем сочувствии или поддержке. Здесь, примерно в день приезда Перкина, на нас напал жесточайший мороз, который неожиданно сковал всю заднюю половину дома. Слава Богу, я вовремя успел кое-что оттаять и починить разорванную пайку. Температура была решительно варварская – под четырьмя одеялами, с грелкой и двумя пивными бутылками с горячей водой я не мог согреться, ибо бушевал шторм при минус 14°C. Он, слава тебе господи, прошел, и теперь у нас только нечто вроде снежной хвори, около нуля днем и где-то минус два ночью.

С Перкином очень уютно. Он в великолепном настроении, несмотря на парализованную ногу, поскольку болей у него нет. Кроме того, его новую книгу взял Kegan Paul¹, который рассматривает возможность издания в Америке, а также карманный формат. Нико вовсе не появлялся и только весьма загадочно звонил из Билтховена, где был с девушкой-лесбиянкой, такой лапушка, в чем прелесть этого, я постичь не в состоянии. Должен сказать, что Перкин устроил мне очень приятное Рождество, без него я бы здесь, предполагаю, повесился. То, что я непрерывно пишу о себе и собственных переживаниях, не означает, что я не думаю о тебе, я имею в виду, о твоём Рождестве в Лондоне, в том госпитале – я просто искусственно привожу себя в некоторое отупение, чтобы не

1 Английский издательский дом.

было нужды думать. Вечером здесь ежедневно поедается всяческая дичь, например, куропатки, которых мне прислал Людо, фаршированные и обернутые, Мелкие Зверюшки, конечно, но очень хорошие и есть их приятно. Лу и Вейн гостят в Аргосе, слава Богу; заходили как-то вечером поесть, причем Вейн оставил свою половину куропатки на тарелке почти нетронутой и наблевал в сортире и страшно насвинячил, никого не известив об этом и не извинившись. Они оба ужасно мне наскучили – я имею в виду этот бесконечный пиздеж ни о чем ином, кроме секса и пищи. Рехнуться можно. Обычный разговор, я имею в виду на другой предмет, не относящийся к еде, одежде, ценам в зарубежных ресторанах или ебле в северо-западной Германии – вот такой разговор совершенно невозможен. Джордж и Томас, в сущности, я считаю, очень приятные, ибо они такие *well behaved*, и я отлично могу вести глубокомысленную беседу, прежде всего с Джорджем. В Christmas Eve ходил к ночной мессе с Адом и Фредди в Церковь Аарона и Моисея, в половине второго, в жесточайший холод, но в церкви было прилично натоплено. Исполняли Мессу ре Моцарта, восхитительный оркестр и бесподобные певцы, певицы и хор. Жаль, что я чувствую себя слишком старым для католической веры, хотя и христианин. Христианское откровение трогает и переполняет меня, но не так, как прежде: я имею в виду, мне более не нужно занудствовать об этом с другими.

Когда ты думаешь возвращаться? Мне бы хотелось знать приблизительно. Разумеется, ты можешь прихватить М. Мне кажется, что он вполне себе Похотливый Зверь. Прежде всего эта искренняя застенчивость душераздирающе мила. Я ни с

кем не вожусь, ибо настоящего удовольствия от мальчика больше не получаю, только если в воображении привлекаю тебя. Р. встал тут лагерем, и у меня с ним нечто вроде секса-по-привычке, что не есть неприятно, но Романтической ценности не имеет, я хочу сказать, что мне нужно почитать объект как божество, а с Р. этого не получается, я хочу сказать, что трудно представить его тайным Богом с Восхитительной Норкой и Редкостной Штуковиной, вроде тебя. Но да, привычка вещь опасная, и существует весьма реальная угроза, что я от любви к удобству всё больше буду связываться с Р., чем не окажу услуги ни ему, ни себе. (Время от времени я готов запинать его до смерти, с этими его цветочками и солнечными очками-в-разгар-зимы и т. д.). Надеюсь, что с танцевальными планами М. всё в порядке. Передавай ему мои самые теплые приветы и скажи, что я считаю его очень и очень желанным и хочу всегда быть очень близким ему. К чему всё теперь идет? Тебе надо бы прислать мне ясный обзор Чувств и планов. Ибо я начинаю впадать в уныние, и сомнения одолевают меня. Напряжение и неуверенность меня парализуют. В постели я дрочу себе и Р., говоря о тебе (не думаю, что ему это очень по душе, но ему приходится с этим мириться), как я помогаю тебе раздеваться, когда ты собираешься овладеть каким-нибудь Зайчиком, как я поглаживаю кончиками пальцев твою Мошонку, вылизываю Норку и так далее, делаю всё в угоду твоему возрастающему Желанию. Напиши мне в ответ чувственное письмо. Я верю, что наша новая жизнь после твоего возвращения пойдет лучше, ибо я всё больше преклоняюсь перед тобой, раболепствую и безумно благоговею перед твоим Чувственным телом,

и в то же время я стал менее неуверен в себе, и мое видение жизни и мои мечты я не подгоняю под твоё одобрение, от которого они не зависят. Ладно, теперь всё вышеизложенное превращается в мутный пиздеж, но я в самом деле просто жажду письма от тебя.

116

Вчера днем заходила М., которая не слишком счастлива, ибо опять у нее было объяснение с ее красавчиком, и их связь сделалась весьма проблематичной. Мне она кажется ужасно милой. Теперь отправляю письмо, ибо меня клонит в сон от недосыпа и бесконечного *va et vient*¹ людей, тяжелой пищи, выпивки и т. д., к чему у меня нет привычки. Тот Фунт* я не истратил, так что высылаю тебе его между листками копирки. Будь любезен, сообщи в письме, получил ли его. Прощай, зверь, прощай, Божественная бестия, я всякий раз дрочу, когда думаю о нашем с тобой последнем сексе. Хочу бить тебя, хлестать и ебать. Прежде всего, скорее напиши мне. Хочу читать похотливые Объяснения. Поцелуи, Кусаки и Поглаживания твоей Мошонки, покуда ты дрочишь, задыхаясь, – от твоего мужа

Герарда.

*Купи на него пару бифштексов.

1 Туда-сюда (фр.).

Амстердам, 5 января 1963

Милый Похотливый Лапуся,

27-го декабря я написал тебе письмо, но до Нового года оно не успеет. В него был вложен Фунт, так что, если он пропал, сие есть прискорбный убыток, который возместить не удастся ввиду того, что пересылать деньги или ценные бумаги обычным письмом запрещено. Начинаю простым перечислением событий. То, что Перкин был здесь, явилось огромным утешением, без него я сошел бы с ума, сколько бы Похотливых Мальчишек тут вокруг не скакало. Но о том, что Перкин сделал мое Рождество сносным, я тебе уже писал, теперь вспоминаю. Еще раз огромное спасибо за Pale Fire¹, $\frac{3}{4}$ которого я прочел на корабле, а сегодня залпом дочитал. Оглушительная книга, сильнее чем почти все, что я знаю. Снова произошли всякие события, определенно забавные, но я забыл, какие. Перкин в среду отчалил, после того, как его полуденный рейс был отложен до позднего вечера, но тогда аппарат всё-таки поднялся в воздух в указанное время. Я отложил объяснение с Р. на потом, чтобы не устраивать скандала, пока Перкин был еще здесь. Короче говоря, я ему объяснил, что хотел бы быть один и что его постоянное присутствие для меня уж слишком. Он был страшно рассержен, думается мне, но отбыл, и теперь ему придется еще забрать кучу багажа – ибо постепенно половина его гардероба перебралась на вешалки или осела в ящиках. Ревность этого парня приводит кое-кого в бешенство: на

117

1 Роман В. Набокова «Бледный огонь».

прошлой неделе тут вечером, на музыкальной встрече, Я. ван В. – а его рекомендации сомнительны – представил нам Д. В., но это оказался славный мальчик, 35, по мнению моему и Перкина, – миловидный, мальчишеское лицо, очень худой, светловолосый, чуть-чуть голубоватый, прежде всего что касается (индийского) голоса. Паразитолог, профессор в Амстердаме. Счел меня чувственным, я его тоже, так что липли друг к другу, покуда все гости не разошлись. При виде этого Р. нервно заскакал вокруг, ринулся в прихожую за курткой ***манса, хотя тот не выказывал никаких намерений уходить. Я, право, съехидничал, сказав, что этот господин совершенно никуда не собирается. Уютно переспал с ним в миниатюрной кровати, секс не ахти, но вполне душевный. Р. в другой постели, постоянно злобно поглядывая из-под своей попоны, хотя я то и дело тактично пытался ее закрыть, как коробочку какой-нибудь листовертки или древесного паука. Утром мы едва успели подняться в жгучем морозе – у Д. В. была назначена какая-то встреча – как Р. уже был внизу, с моим гостем вел себя очень грубо, и тогда я решил положить конец его, Р., пребыванию здесь, ибо на что мне это, не иметь свободы принимать в собственном доме кого хочешь и заниматься с ним сексом. К твоей ревности и шуму я привык, это во-первых, а во-вторых, я люблю тебя и готов терпеть. Ты, разумеется, знаешь, что тут у нас был невообразимый холод с 22-го по позавчера, с метелями, которые, как в Англии, отрезали половину провинций (на севере Северной Голландии в некоторых деревнях целые дома были под снегом), бесконечное сражение за то, чтобы удержать воду от замерзания, что удавалось до ночи на четверг,

когда, невзирая на сливание, утром всё замерзло, включая водопровод Ханни. Мы постепенно стали сходить с ума от холода, но вчера, слава богу, грянула оттепель, и все несчастья уже наполовину забыты. Это было невероятно, хуже чем, думаю мне, в 1955 или 56. Что удивительно, совершенно никакой течи, направление метели определенно было благоприятнее, чем в другие годы. В канун Нового года заходил Нико, наговорил сорок бочек арестантов и сказал, что, возможно, следующей ночью (!) придет и «позвонит нам из нашей кровати (?)», только для того, чтобы сразу же «нырнуть в койку с Перкином», от чего Перкин, натурально, дико расквохтался и погладил Нико по волосам. В итоге мы больше его не видели, Нико, кроме того, что он вечером после отъезда Перкина, вполне вероятно, приходил ночью, без четверти три, многократно и длительно звонил в дверь, но я подумал к черту (я спал внизу с Р.), тут тебе не дармовая таверна. Сей инцидент, разумеется, укрепил меня в моем решении положить конец этому детскому саду, как я его называю. Мой так называемый успех у мальчиков кроется прежде всего в моем имени и комфорте и непринужденной атмосфере, которую предоставляет гостям наш дом. Я не являюсь непривлекательным мужчиной, но больше и не весенний цветочек. Как беспокойный, анонимный (и онанимный) обитатель комнаты я больше не залучал в постель мальчиков. (Муж честный, помни, что ты смертен / И жизнь твоя лишь только дым / туман, и ничего за ним и т. д.) Я вижу, что слишком стал стар, чтобы к кому-то еще прилепиться столь же безоговорочно, как к тебе.

Позавчера я навестил Д. В. в его квартирке на Принсенграхт и провел с ним ночь. Опять неудача в сексуальном смысле (внезапно меня охватила психическая импотенция, когда я уже готов был выебать его, а это он позволяет только неграм, у которых, по его словам, конец не больше, чем у меня), но всё было спокойно, расслабленно; я хочу сказать, личность он не чрезмерно сложная, не невротик, однако и не поверхностный, с ним можно серьезно говорить. У него почти такая же худощавая фигура, как у Харри Л., красавчик, конечно, но попки почти нет, что означает, что я никогда не влюблюсь в него, точно так же, как мальчонка, у которого нет половых органов, никогда не сможет образовать семью с какой-нибудь девушкой и воспитывать и любить их малышей.

Ну вот, примерно и всё. Очень редко меня охватывают сомнения и отчаяние, а именно вопрос, является ли твое возвращение чем-то вроде эсхатологического мессианства, касающегося возвращения Того, кто сделает все вещи новыми, или это исторически ожидаемый факт.

Теперь немного о вещах, которые я забыл упомянуть. Однажды Перкин утром, часов в пять, чуть не тронулся из-за кошек, устроивших грандиозную бучу в студии; подстрекал их Родерик, который в конце концов вошел и, по словам Перкина, покрыл Жюстину. Просто представить себе этого не могу, но это не есть невозможно, потому что время от времени у нее случались течки, и ей восемь месяцев, точное время для половой зрелости.

Опять объяснение с Ханни. По двум вопросам: отдельные телефоны и отдельный туалет. На первое она охотно согласилась, так что это дело решенное. (Ну ты ведь тоже согласен: этот

совместный телефон означает больше неудобств, нежели удобств). Для уборной она не пожелала пожертвовать угольным чуланом (это единственное место, принимаемое в расчет, потому что гидрант в нашей постирочной обойдется нам в кругленькую сумму, будет представлять собой сомнительное вложение и не будет защищен, сам сортир я имею в виду, от мороза), и я так разозлился, что закатил скандал и тут же настрочил в жилконтору насчет нового жилья. Через пару часов, естественно, явилась Ханни поведать о том, что согласна, но письмо уже ушло. Не помешает, ибо вообрази, а что если мне предоставят жилье? Я в это не верю, но никогда не знаешь, может, это будет зимний домик в каком-нибудь переулке, где мы, во всяком случае, когда подморозит, сможем с комфортом жить? Чему быть, того не миновать, но в любом случае у нас будет собственная уборная, и в будущем нам не придется делить телефон, так что после этого мы практически не будем иметь дела с Ханни. К сортиру будет прилагаться также умывальная раковина и Биде, это славно, чтобы подмывать задницу и Эти Дела. Скорее напиши мне. Множество поцелуев М., этому великолепному зверю, который вскорости предастся Глубокой Печали.

На Новый Год мы с Перкином ездили в Харлем на пинтерову премьеру *The Collection* и *A Slight Ache*¹. Очень красивое представление, после – винный фуршет, затем нас в специальном автобусе подвезли в Амстердам, почти прямо к дому. Дикая холодрыга. Надеюсь, что Перкин тут не-

1 Пьесы Гарольда Пинтера: «Коллекция» (1962) (переведенная Герардом Реве) и «Лёгкая боль» (1959).

много поразвлекся – многого мы себе позволить не могли из-за суровой погоды, к которой он совершенно не привык. Он вполне выносит недостаточное отопление, но не может разгуливать под завывающим морозным ветром, а у меня это как раз наоборот. Я не смог ничего передать для тебя, имею в виду сигареты, потому что он свою долю уже вбухал в Голуаз. Позвони ему, он тебе всё сам расскажет. Я тоже говорил о тебе в мельчайших подробностях, и Перкин говорит, что я, возможно, должен уделять тебе чуть больше обычного внимания вместо Чувственного и Мистического Почитания, которое само по себе похвально, однако вышло за рамки. Нико отзывается о тебе непочтительно, возможно, это и послужило перевесом в моем решении не открывать ему. Он, имея в виду тебя, сказал: «Так что же, она сейчас в сиделки подалась?» Ну ты понимаешь, мне такое не очень-то по душе. Адье тебя просто обожает, но вначале нет, он теперь признался. Ты послал г-же В. поздравительную открытку? Сделай это. Я послал ей открытку, а потом и душистое поздравление.

Заканчиваю. Устал смертельно. Разумеется, позабыл всякое. Мальчик мой, я так устал, заканчиваю. Люблю тебя. Твой муж

Герард.

* * *

14 января 1963

Милый,

Отчего же ты совсем не пишешь? Отчего не даешь знать о себе 3½ недели? Отчего отказываешь человеку в утешении (с малейшим усилием приводимое в исполнение), которое у него еще осталось? (Это почти всё, что держит его в этой жизни). Я не понимаю. Твой

123

Герард.

* * *

Амстердам, 15 января 1963

Милый Зверь,

Получил оба твои письма. Вчера днем я, спустя неделю постепенно нарастающей тревоги, почти отчаялся и написал короткий текст выше. Но я его попридержал, а вечером пришло твое первое короткое письмо с обещанием более длинного. Я ужасно счастлив. Но описания твоего существования кажутся мне еще сильнее, чем то, что мы тогда пережили в Лондоне. Я ужасно тоскую по тебе, но если ты считаешь, что нужно завершить некий определенный период, я хочу сказать, если полагаешь, что твое возвращение совершенно добровольное (и это мне тоже кажется важным), тогда мне представляется разумным действовать согласно твоим соображениям.

Твои слова о старении меня не удивляют, но не часто случается, что ты так ясно высказываешься. Проблема эта не проста и не однозначна, и об этом, разумеется, много сказок рассказывают. Но кто за жизнь цепляется, тот с нею расстанется, с внешней стороны это довольно банальное высказывание сам-знаешь-кого и неизбежная правда. Жить означает всплыть из непознаваемого целого, образовать фокус осознания Абсолютного в ограниченном, а потом вновь погрузиться в непознаваемое. Всё в Одним, и превосходство юности над старостью или смерти над жизнью – это выдумки и иллюзия. Эта иллюзия, разумеется, условие для нашей ежедневной занятости, но Бог есть единственная реальность, и мы существуем только до тех пор, пока мы в нем и он в нас. Ладно.

Что делать с М., я тоже не знаю. Будем надеяться, что он сможет вовремя выкрутиться. Мне немножко боязно, что он разобьет твое сердце. Пожалуйста, не делай этого; я имею в виду, делай это с пониманием и постепенно. Передай ему мои сердечные приветы.

Теперь я становлюсь немного нетерпеливым, ибо нашел твое длинное письмо утром, по моему возвращению из Бинненгастхёйза¹, где мне оперативно удалили опухоль во рту, всё в натуральную величину: хирург в шапочке и маске, две операционные сестры и т. д. Только укол был болезненный, потом я ничего не чувствовал из всего этого кромсания, остановки неожиданно сильного кровотечения и штопки кетгутom. Выглядит нелепо, как зашитая геморройная жопа, но я отлично вижу, что врач старался. Он был очень мил и

1 Клиника в Амстердаме.

расторопен. (Эта штука выросла примерно вдвое с того момента, когда ты ее видел, а на прошлой неделе ее диагностировали как ретенционную кисту, довольно-таки воспаленную). Но теперь, примерно полтора часа спустя, сильно разболелось, и я, хотя и не неженка, не особо привык к болезням и телесному страданию. Ты извинишь меня, я теперь закругляюсь, потому что боль всё усиливается, так что чертыхаюсь и бегаю кругами, и лучше завтра-послезавтра напишу тебе другое письмо вместо того, чтобы оставить это до тех пор, когда смогу его закончить.

Йозин Мейер запросила также и час твоего рождения и поинтересовалась, не будешь ли ты возражать, если она составит твой гороскоп. Я сказал, мой гороскоп заставит тебя безумно ревновать, если не будет твоего, так что она и твой посмотрела, хотя и не столь глубоко, как мой. Твой гороскоп показывает определенную связь с моим. Твой Восходящий знак – рыбы, и спокойная, гармоничная жизнь тебе не уготована, это она уже смогла определить.

Холод стоит невообразимый. В день, когда уехал Перкин, начало таять, но 24 часа спустя снова грянул мороз. Я по-прежнему не даю воде замерзнуть, но претерпеваю ужасные испытания. У меня на подошвах некоторое время назад отмерзли куски кожи, а я этого не заметил, но теперь уже опять лучше. Две новости: с 6-ого я больше не дрочу, из-за чего меня разбирает дикая похоть, но чувствую себя лучше и менее меланхолично. Еще я покупаю можжевельнику, это да, но ставлю ее в холодильник для гостей, а сам не употребляю. Остаюсь при вине, что мне вполне по вкусу. Я и не знал, что отвыкнуть от чего-то может быть так

легко. Милый зверь, я уже пляшу от боли. Это не страшно, ибо ткани полости рта заживают так быстро, что через два-три часа мне станет легче. Приму две таблетки кодеина. Скверно, что вечером у меня в Утрехте лекция, но на моей речи это не отражается, и не больно, когда я двигаю пострадавшей челюстью.

126

Милый, ты всё-таки береги себя. Моя забота и страх за тебя столь велики, что я никогда не осмеливаюсь целиком сознаться себе в них. Ад передает привет. Он тебе еще напишет, но сейчас не слишком расторопен. Р. я уже несколько дней не видел. Наверно, будет лучше, если он отвыкнет.

Боль достигла высшей точки, мне кажется, и не становится сильнее. Вполне терпимо, по крайней мере если у тебя нет срочных дел и пока никто тебе мозги не полощет. Не сердись, что это такое короткое и поверхностное письмо. Я схожу с ума от страсти к тебе, короче говоря, я нередко тычу хуем в арабскую сейсову вазу, пока он там не застревает, и воображаю, что засел в твоей юношеской норе. Сейчас иду отправлять. Перкину скоро напишу. Я считаю, что глупо это, что он не ложится на операцию.

Твой страждущий Муж

Герард.

Амстердам, понедельник 21 января 1963

Милый Мальчик,

Пишу тебе просто потому, что так сильно люблю тебя и постоянно думаю о тебе и очень о тебе беспокоюсь. Тут всё замерзло, впереди, позади и вплоть до цоколя, и кран на рынке тоже закрыт. Это просто ужасно, и я подумал, что второй раз не хотел бы это пережить, такую зиму в таком доме, но об этом позже. В некоем Сне мне открылось, что ты должен научиться играть на гитаре. Это вообще не показалось мне безумной идеей, этим также можно и подзаработать, поскольку гитаристов раз-два и обчелся. Кроме того, в тебя влюбляется каждый, кто видит, как ты играешь. Инструмент не так уж дорог, и транспортабелен. Он подходит как для соло, так и для сопровождения. Мне это кажется таким романтичным. Что еще: отныне я зимой хочу на Юг, скажем, с октября по апрель, в Испанию. Жизнь там настолько дешева, что мы легко можем жить на пару статей или рецензий в месяц. Тут просто невозможно – я сжег за три дня четыре канистры, и калорифер весь день на полную катушку, а даже сносного тепла, и того нет. Мальчик мой, ты приезжай пораньше, пожалуйста. Два дня подряд в постели проведем. Мне сейчас некого объезжать, ибо Раб Х. у своих в Зеланде, а Я. ван де Б. (прежний дружок Х. Х.) мне кажется слишком уж тощим, и слишком глупым, и слишком модником – я имею в виду, как только кончу, такое у меня похмелье от скуки, что я больше его не поощряю. Я по-прежнему не дрочу, благодаря чему очень быстро прихожу в сексуальное

возбуждение. И всё так же не пью ничего, кроме вина. Пишу длинные дорожные письма для «Тирады», продвигается медленно. Зверь, как же я стосковался по тебе. Ну вот. Сижу тут с мазутной печкой на максимуме возле ног, и всё равно запястья мои и лодыжки закоченели от холода. Кошки процветают, и я не думаю, что Жюстина беременна, ибо тогда это было бы заметно. С Адье всё в порядке – он теперь, пока стоят холода, живет у Фредди. Насчет Р. не знаю, после разрыва я ничего о нем не слышал. Злится, наверно. Я, конечно, грубый, скверный и грешный человек, но я был прав и имею право на независимость вместо легкой тирании. Ханни порой так ноет, что я даже не слышу, что она говорит, из-за чего она, натурально, злится еще больше.

Как ты насчет гитарных планов? И насчет Испании? (Сперва ознакомительная поездка, затем планы конкретные).

Милый, ты напишешь мне поскорей?
Твой похотливый сосохуеносный Муж

Герард.

* * *

Амстердам, среда 30 января 1963

Милый Лапонька,

Твое письмо очень меня порадовало. Хотел сразу же ответить, но времени не было, сидел в цейтноте из-за одного Дорожного Письма для «Тирады», которое нужно было сдать самое позднее завтра в полдень, и которое я хотел сделать как

минимум на 20 страниц, ибо мы с начала этого года получаем 11 гульденов за страницу (7 гульд. от Ван Орсхота и 4 гульд. от правительства, и эти 4 в скором времени превратятся в шесть). Получилось «Письмо из Амстердама»¹, по словам тех, кто его прочел, вышло не хуже, чем «Письмо из Эдинбурга». Ты в него тоже попал, тебе это будет приятно. Как только будут готовы оттиски, pošлю тебе – копию, я имею в виду.

С ночи на субботу, 19-е, этот дом без воды. Позавчера водопроводчики заменили напрочь замерзший гидрометр, но внизу, в дровяной лавке, робкая полуоттепель за последние три дня (пару часов в день оттепели, ночью крепкий мороз) не принесла еще никакого результата. Вчера уже должен был явиться шмидтов сантехник, разморозить водопровод, перенесли на сегодня и т. д., уже полвторого и еще никого, от этого злиться начинаешь, тем более что зима опять в полную силу разгуляется. (Завтра уже ожидается сильный мороз). Если к тому времени удастся разморозить водопровод, думаю, что вода будет течь, если только вновь не налетит такой исключительный ураган при -17°C , как десять дней назад. Вечером придет Симонис монтировать сливной крантик в кухне, в тумбочке под раковиной, что в настоящее время большого смысла не имеет, но, когда вся эта напасть кончится, в мороз будет куда легче поддерживать наш водопровод в морозостойком состоянии.

Рот у меня уже лучше, но, поскольку есть мне было больно и рана постоянно гноилась, я вос-

1 Впервые было опубликовано в «Тираде» (март 1963), вошло в книгу «По дороге к концу».

пользовался случаем, чтобы довольно сильно похудеть (9 фунтов за 16 дней), только на постном вареном мясе и вареных овощах, никакой можжевельники и из алкоголя только вино. Чувствую себя при этом невероятно хорошо, бодро и, что достаточно странно, куда меньше ощущаю голод, нежели тогда, когда ел от пуза. Выгляжу весьма мускулистым и энергичным, по словам друзей и знакомых.

130

Ты говоришь о моногамии – я за нее, но трудность не столько в том, чтобы теоретически констатировать брачную мораль, но в твоей двух- или трёхчленной брачной морали и граничащей с психопатией ревности. Кроме того, твои требования, что касается моих чувств к тебе, абсурдны. По отношению к тебе я могу иметь только те чувства и представления, которые у меня есть, и никаких иных. Мое влечение к тебе основывается на чувствах и представлениях, при которых совершенно неважно, имеют ли они отношение к осязаемой, объективной, доказуемой реальности, или нет. Они, представления, реальны, если только они во мне существуют. Учитывая, что за последние 10 лет они ни в малейшей степени не изменились, в то время как с другой стороны мой характер претерпел существенные модуляции, мне кажется маловероятным, что они еще смогут измениться в существенных размерах. И это, по сути дела, единственное, из-за чего мы ссоримся: поднимаем квазипроблемы и, что касается тебя, – жалобы без какой-либо конкретной альтернативы. (Пример: «Нам нужно отсюда уехать»; но при этом вгрохать в кухню 1200 гульд.!) Я всё-таки люблю систему. Я имею в виду: не ворчать, а взвешивать, что-то вроде: А. Чего я хочу? В. Осуществимо ли

это, и если да, то что я для этого должен сделать? Всё остальное сводит меня с ума и заставляет думать об Ирме, Роберте, Сейсе и проч. Так что: хочешь ли ты вместе со мной зарабатывать, переводить и т. д.? Или работать где-нибудь еще? Или ты хочешь учиться? Или заниматься музыкой? Или хочешь работать на телевидении или в театре? Видишь ли, мне – но прежде всего тебе – в конце концов нужно это знать. Ты должен прекратить, наконец, заранее рассматривать всякое мое слово с точки зрения его оборонительной ценности. Ты должен постараться напрямую, безо всякой мысли о каком-либо эффекте, говорить, что хочешь. Тиранизируя других, ты себя не защищаешь, а между тем, возможно, это достойная лучшего применения трата энергии. К тому же я буду чувствовать себя слишком старым для пустяшных ссор, из-за чего многие вещи пускаю на самотек и, наконец, спускаю всю свою накопленную досаду. Я как никто иной знаю, что ты – мерзавец, но жить я хочу с тобой и ни с кем другим. Но не всё можно бесконечно оставлять в тумане, и безоговорочная преданность каждого из нас при безоговорочной свободе для тебя – это неосуществимо.

Должен тебе сказать, что не могу вести разговор на эту тему, если это, вместо поисков благородного модуса вивенди, является политической деятельностью, направленной на подрывание позиции партнера. Вот это к чертям собачьим. Ложиться в постель с другими, если не хочешь жениться на них, это дурно и грешно, всё очень просто. И всё же это будет происходить. Если ты в субботу вечером, без четверти час, вернешься от родителей и в сортире, куда войдешь без надобности, заметишь 20-летнего парня, показы-

вающего тебе свою штуковину, и штуковина эта будет достаточно большая и парень достаточно похотливый тип, ты пойдешь с ним в постель, ибо ты еще в большей степени чем я обуреваем идеей старения и тем, что не сможешь больше покорять. Таков человек. Вся суматоха по этому поводу бессмысленна. Избегать соблазнов, как можно больше углубляться в другие вещи, проявлять интерес к идеям другого человека и т. д., мне кажется, это хорошо. Я в дурном настроении, я отвратителен, я порочен, я садист, неукротимо похотлив, тщеславен и люблю позлословить на чужой счет, но – и я считаю, что это важно – я выработал некую прямолинейность, благодаря которой как мне, так и другим понятно, чего я хочу. Из-за этого скандалов у меня никогда не случается. Хотелось бы мне знать, чего ты хочешь, кроме моногамии. Мне нельзя обожествлять тебя и не находить тебя сексуальным. Как мне тогда воспринимать тебя, как очкастого сочлена некоего сообщества друзей природы? Как-то это сложно – я люблю тебя по всяческим известным мне, полуизвестным и вовсе неизвестным причинам, и хорошо, что это так. Я сексуальный урод, что да, то да, но не нужно мне мозги проедать, потому что это так, и я отлично с этим живу, и могу жить с другим и охотно готов делать что-то для него. Ладно, не слишком-то эти мои аргументы вняты, но пусть уж будет как есть, потому что обнаруживаются еще кое-какие вещи, которые я считаю важными. Нам просто нужно продолжать жить вместе, исходя для начала из того, что не может быть никакого другого решения для нашего сосуществования – и тогда мы спокойно можем отставить в сторону престиж,

власть и прочие такие вещи. За что я должен быть наказан, мне непонятно. Не хочешь ли ты всего и сразу? Ну ладно.

А теперь почти точно – даю себе еще неделю – что скоро Жюстина по радостным причинам должна будет днем отдыхать. Уже почти никаких сомнений, но, возможно, у нее просто раздулся живот из-за холода и обжорства. Господин из 15-го окошка в банке говорит, что если малышей будет четное количество, то черненьких окажется половина, а если нечетное – то меньшая часть. Мои «Стихи на Тридцатидевятилетие»¹ для «Тирады» я немного подработал, и их приняли с великим энтузиазмом.

Среда, вечер

Г-н Симонис здесь, работает, устанавливает херокрантик. Принес весть о том, что г-н Бёкеринг слег, у него рак живота. Больше сообщить нечего. Днем разморозчик не приходил, и я уже теряю всякую надежду, во всяком случае до наступления естественной оттепели, а первые два дня принесут мороз, это точно. Кровать внизу я уже убрал, чтобы опять спать наверху и по-прежнему выключать печку по ночам. В любом случае я пойду опять спать наверх, мороз или не мороз, с грелкой и в свитере вполне будет сносно, и там тише. Купил красивые винные бокалы, 85 центов за штуку. (Тюльпановидные, но не очень уж тонкие, как раз то, что надо в смысле крепости.) Посылаю тебе

1 Стихи были сперва напечатаны в «Тираде» (март 1963), затем вошли в книгу «Ближе к Тебе».

копию сообщения о крупном пожаре, который я видел, брошюрку о тебе (Скорпион – ты с этих пор зовешься Frater Scorpio, или Brer Scorpio) и пучочек ТомПусов¹. Подтверди получение, тогда буду знать, доходит такое или нет. Прощай зверь, скоро напишу тебе еще, а теперь валюсь с ног, прежде всего потому, что около 20-ти часов подряд работал над путевыми заметками. Люблю только тебя, страстно жду твоего возвращения. Когда это будет – можешь назвать точную дату? Множество поцелуев и покусываний от твоего мужа

Герарда.

* * *

Амстердам, 1 февраля 1963

Милый Лапушка,

Сейчас быстренько письмо вдогонку, потому что так хорошо, спокойно, и у меня масса времени, и я в прекрасном настроении из-за отремонтированного водопровода. Всё еще морозно, градусов 8-10, но ветра нет, и нынче ночью выпал небольшой снег, где-то 2-3 см. – плотными, пушистыми хлопьями, не досадно, а напротив: плоская крыша кухни, крыша студии и, кроме того, щели в подоконнике – всё укрыто, приятно посмотреть. Вчера исправили водопровод, и каж-

1 Том Poes, маленький белый кот – голландский мультипликационный персонаж и главный герой одноименного сериала комиксов, разработанного Мартенем Тондером.

дый вечер на закате мы теперь его сливаем на всякий случай и собираемся упаковать его вниз. Вчера утром приходил сантехник-гражданин. Я их подразделяю на: А. Муниципальные Водопроводные Служащие, т. е. Сантехнические Короли; В. Гражданские Сантехники (которых вызывают домовладельцы, Начальники Учреждений) и С. Частные Сантехники (которых, например, вызываю я). Гражданский сантехник явился в восемь утра, чтобы разморозить нашу хрень. Но тут оказалось, что, кроме замены водяного счетчика, ничего больше не сделано с промерзшими трубами под дорожным покрытием, черт побери – сантехнические короли попросту смылись, преспокойно оставив закрытым резервуарный крантик, который открывается с помощью длинного торцевого ключа, и ничего никому не сказали. Дальше: разрыв за счетчиком, то есть в главной трубе, разрыв на входе, разрыв перед Шкипером и разрыв после Шкипера¹. Так что размораживание становилось работой с половины девятого утра до четырех. Тогда у нас была вода. Я тут же начал срать вволю, ибо постепенно начинаешь действовать не с таким размахом, в целях экономии проточной воды и из-за отсутствия возможности потом подмыть задницу. Ну вот, больше никакого таскания ведер, никаких кастрюль на печи. (Потому что бойлеры тоже некоторое время оставались без пищи, видишь ли; если всё посчитать, начнешь осознавать, какой тут кошмар творился). Но такого ужаса уже больше не будет, не думаю. Сейчас у нас обычная крепкая зима; через денек-другой ночью температура будет -15° - 25° С, если небо снова очистит-

1 Водяной фильтр голландской фирмы Schipper.

ся от снега, это я предсказываю, но теперь стоит приятный морозец, без пурги. (В крупной области высокого давления без возмущений в центре или вблизи него нет ни малейшей приемлемой причины для возникновения ветра).

136 Как я, надо полагать, тебе уже написал – да, писал, помню комментарий человека из окошка 15 – Жюстина всё-таки беременна. Теперь, опять два дня спустя, не осталось никаких сомнений. Она очень скромна и ласкова, шлюха этакая, и больше уже так бурно не резвится, ибо ноша делается всё тяжелее и тяжелее. Я, возможно, на всякий случай на днях съезжу [с ней] в клинику на обследование беременности, она ведь такая молодая и маленькая – оплодотворение, вероятно, произошло, когда ей было $\pm 8\frac{1}{2}$ месяцев. У Денизы всё хорошо, она в отличном расположении духа, но делается всё толще и дороднее и уже не так часто ходит на улицу. (Жюстина всё так же какает в доме и еще ни разу не выходила). Дениза только раз вышла искупать пушистые лапки в снегу, к которому приняховалась в совершенном изумлении. Симонис сделал крантик, который, разумеется, сперва подтекал, так что пришлось вернуться, но теперь всё функционирует, что, наверно, будет удобно, если мы разок зимой уедем, тогда мы по крайней мере сможем совершенно слить водопровод и не бояться, что всё промерзнет. Если мы к тому же сольем все трубы и очень туго завернем стоп-кран, то в нижнем отрезке, вплоть до редекерова крана, сохранится воздух, и не придется опасаться, что промерзнет та небольшая часть незакрытой трубы в тумбочке под раковиной, конечно, если только Роналд или Адье не откроют кран почистить зубы или сблевать, ибо они-то как раз думали, что

и т. д. Или Ханни затеет стирку в ванне и обеспечит промерзание труб в стене и ничего не сможет поделать и конечно за всё заплатит, что никакой проблемы представлять не будет, ибо никаких сантехников в течение нескольких недель найти будет невозможно. Йопть!

С М. ты вляпался. Не представляю, как ты будешь выпутываться, и лезть в это дело не стану, но хотелось бы знать, когда ты вернешься – у меня такое чувство, что ты всячески откладываешь решение, считая это легкой идеей, но мне, вообще говоря, нужно хоть что-то знать, это тебе не дата выписки Ханни, это я не люблю. Половину лета сидеть без заработка или с грошами, в то время как неполная уверенность всё парализует и убивает всякую инициативу, мне это не нравится, да и стар я для этого. Сегодня я готовлю запеканку не с рыбой, а с мясом, и называю ее «философ», хотя не знаю, правильное ли это название. (Сам я ее не ем, даже не пробую). Теперь, наконец, сможем покончить со всякими пререканиями насчет еды, ибо я намереваюсь готовить для тебя самые изысканные блюда, потому что моя диета настолько строгая, что я не могу мучить ею кого-то другого, а компромисса достичь тоже не могу. Я сподобился совершенно убить всякую страсть к вкусной еде и спокойно могу, не испытывая аппетита, подать запеканку с ветчиной, сыром, луком, чесноком, панировкой, филе пикши, всё слоями, и покрытую золотистой корочкой, и мирно съесть мое мясо из бульона с витлофом. Так куда лучше, и когда мой вес в достаточной мере снизится, от души пожрать в испанском ресторане. Отказ от можжевельки я переношу без труда, но вот если

придется отказаться и от вина, мало мне, я думаю, не покажется. В курении я по-прежнему не испытываю ни малейшей потребности – даже всё еще чувствую к этому отвращение, хотя стаканчик с сигаретами для гостей держу.

В воскресенье будет прекрасная месса у Господа Нашего на Чердаке, с песнопениями Габриэли¹. Когда ты вернешься, я буду два раза в месяц ходить с тобой на херофильмы с Фрэнком Синатрой, Сэрой Фон или как ее там, и Верой Линн, а тебе придется раз в месяц ходить со мной к мессе. Из твоего видения жизни, которое ты мне изложил двумя письмами раньше, я мало чего понял. Сдается мне, что в этом довольно прагматичном обществе всё то, что не поддается надлежащей формулировке, является нереализуемым, по крайней мере, в достаточном объеме. Моя сексуальная агрессия, нежность, ненависть, стремление покорять и потребность покоряться столь сильны, что мне необходимы для этого каналы на различных уровнях, и один из них, весьма полезный и, кроме того, эстетически очень приятный – это древний мир католических символов, столь же старый, сколь и сам человек, и имеет мало общего с моралью или обществом. И теперь я вовсе не имею в виду, что ты тоже должен перенять мою установку, но то, что мы должны устранить многочисленные недоразумения и натянутости, если будем касаться друг друга, кроме прочих, также и в этой области, – области, которая для меня является безусловно эротической, и в которой я определенно выражаю нечто свое, и высокомерная, поверхностная на-

1 Giovanni Gabrieli (около 1555–1612) – итальянский композитор и органист.

смешка над которой меня довольно неприятно задевает, это так же огорчительно, как и поведение людей, которые не могут рассматривать хлеб и рыб или вино на свадебном пиру иначе, нежели невероятные небылицы, короче, тип людей, которые не желают ничего понимать и умеют всё истолковать с точки зрения психологии и объяснить тем, что в те времена еще не было электрического света и люди еще не умели объяснять многие природные явления. Те, кто не хочет осознать, что наступит мировая катастрофа, если исчезнет этот целительный миф о вочеловечивании и безоговорочной приверженности, трудно рождавшийся за тысячелетия борьбы и тревог, – те погибнут. Ну, зверь, я слишком много пишу о себе. Я действительно думаю о холоде в твоей комнате, которую одна маленькая печка не обогреет. Напиши же мне поскорее. Не обязательно заполнять всю страницу или писать развернутый отчет. Просто черкни мне пару строк в обеденный перерыв, ты ведь всегда выбираешь, – стремишься ты к этому или нет, – детали, которые мне сообщат что-то о тебе.

Напиши мне скорей. Сейчас я отправляю это письмо, хотя на этой неделе оно до тебя не дойдет. Но, может, разница всё же есть – я имею в виду, в понедельник утром вместо вечера. Прощай, милый. Много раз поцелуй от меня М. и пощипли его за попку. Описания секса с ним для меня весьма приветствуются. Я всё так же не дрочу, но доюсь в большой шерстяной черный носок, лежа на животе. Таким способом я кончаю на пару раз в день меньше, и это, вообще говоря, полезнее, четыре раза вместо, скажем, девяти. Секс помогает быть в форме, но, если переусердствуешь, ходишь квё-

лый. Ну, милый, надеюсь, что очень скоро услышу от тебя. Напиши, например, в течение 24 часов, тогда я в любом случае на следующей неделе от тебя услышу. Я в здравом расположении духа, несмотря на холод. На следующей неделе надеюсь отослать тебе дубликат моих Дорожных Писем. Вечером приступаю к третьему дорожному письму, из Лондона, для февральского номера. Сейчас должен написать еще бесчисленному количеству людей – Людо, дамам Мейер, всяким болтунам и т. д. Поцелуйчики, посасывания, отсасывания тоже, сколько твоей душе угодно.

Прощай, зверь, не растолстей там. Твой муж

Герард.

* * *

Амстердам, 4 февраля 1963

Милый Вими,

Я не сердит – просто расстроен. На меня внезапно напала такая депрессия, прежде всего уныние из-за нас с тобой; я имею в виду мысль о том, что всё-таки ничего не выйдет – из-за того, что ты намеренно делаешь контакт невозможным, – а ты, на мой взгляд, делал это всегда, нам придется расстаться – со временем, по мере того как я старею и у меня будет меньше энергии, чтобы всё это терпеть. Когда я выдвигаю реальные предложения насчет Испании, слышу в ответ фразы типа «там тоже мороз» (в Южной Испании от силы пару ночей был мороз) и что Греция или Африка лучше, тогда как ты знаешь, что там очень дорого и это

совершенно невозможно. В точности как «Отчего бы нам не поехать в Калифорнию?» или «Почему бы нам не поселиться у Марлен Дитрих?» Черт возьми, хотел бы я, чтобы ты хоть раз сказал, чего ты хочешь – где ты хочешь жить, с кем, и чем хочешь заниматься. (Пакостями заниматься – я и сам должен был бы понять).

Я больше не хочу жить здесь и в конце весны уезжаю в Испанию, с тобой или без тебя. С тобой или без тебя, это тебе решать. Но люди тут доводят меня до бешенства – не могу их больше видеть, ни Ханни, ни Р., ни Адье и вообще никого. Не хочу никого иметь рядом, только тебя, ибо ты – единственное существо, которое я люблю. Ну что же, возможно, эти рассуждения не имеют никакого смысла. Оттого что я люблю тебя, я хочу, чтобы ты был рядом, и я хочу дать тебе всё, что могу оплатить, но совместная жизнь получается только тогда, когда ты пытаешься проявить чувства и не заставляешь меня только догадываться. Моя борьба с делириумом и мои депрессии за примерно последний год, они, конечно, по большей части проистекают из меня самого, но в значительной степени это была и твоя вина, это я точно знаю, и никто меня не разубедит, хотя мне уже все мозги проели воплями о том, что я дурной и эгоист и вообще такой-рассякой. Я считаю, что нам пора повзрослеть. Если ты не знаешь, чего хочешь, и если ты совершенно точно не знаешь, что понимаешь под моногамией, и если ты не знаешь, хочешь ли иметь какое-то поприще, хочешь учиться или работать со мной, например, над переводами и сидеть дома, где мы осели – если ты всё это, спустя столькие годы, не умеешь точно сформулировать, то и не возвращайся, ибо тогда будет беда, и я тебя

убью, ибо, поскольку я люблю тебя, я не могу от тебя отказаться, так что мое освобождение будет твоей смертью. Надеюсь, что это понятно. Я не требую никакой дотошно разработанной морали, и если ты точно не знаешь некоторых определенных вещей в моральной области, согласен, но тогда я хочу знать, как ты себе представляешь *практическую* модель наших отношений, вот и всё. Теперь отправляю его, письмо. Скверно сформулировано. Ничего не поделаешь. Я должен знать дату твоего возвращения, сейчас, с обратной почтой.

Твой муж

Герард.

Я заново открыл конверт, подержав над паром, так что не подозревай, что это кто другой. Только для того, чтобы получше объяснить, что я имею в виду. По сути дела, нет ничего, чего я не сделал бы для Вима, по крайней мере очень мало. Но одну вещь я не могу, не потому, что мне не хотелось бы, но потому что не могу, и это – жизнь в неопределенности, неуверенности, беспорядочность в связях, планах и чувствах. Если ты не примешь решения, это сделает время, и ужасным способом. Если я в ответ на это получу колкое, туманное письмо, в котором ты не раскроешь карты, больше я рыпаться не буду. С любовью,

Герард.

Амстердам, 13 февраля 1963

Милый Мальчик,

Уже девятый или десятый раз я начинаю письмо к тебе – все предыдущие версии я, исписав примерно половину страницы, разорвал. Вообще говоря, я не знаю, что ответить тебе на твое письмо, пришедшее в субботу. Из-за этого письма я два дня безумствовал от отчаяния, не мог спать, невзирая на хлоралгидрат, который пил по полстакана, и т. д. Я имею в виду, что кто-то тебе, спустя десять лет, еще умудряется написать письмо, в котором все существенные вопросы остаются незатронутыми, текст, который состоит практически из одних только легковесных увёрток, плюс сообщение, что ты не знаешь, чего хочешь. Разумеется, я надеюсь, иначе не смог бы жить, но не знаю, имеет ли моя надежда хотя бы какое-нибудь крошечное оправдание.

143

Я сейчас занят принятием кое-каких важных решений. Некоторые еще не очевидны, другие – вполне. Очевидно следующее:

1. Я не остаюсь жить в этом доме, но переезд в другой дом считаю выброшенными деньгами (ибо это будут наши последние сбережения), потому что я никогда больше не проведу ни одной зимы в Нидерландах.

2. В апреле я еду в Южную Испанию, мимо Аликанте, чтобы разузнать, действительно ли там жизнь такая же дешевая, как говорят. (Целый меблированный дом за 50 гульденов в месяц, на еду один-два гульдена в день, если готовить самому, вино 30 центов за литр, рыба практически даром и т. д.).

Если эти сведения подтвердятся, я самое позднее в сентябре где-нибудь там осяду на побережье. С ежемесячными статьями для «Тирады» и еще, скажем, 1000 гульденов роялти я буду делать около 3000 гульд. в год, что там будет составлять примерно 10000. Если ты поедешь со мной, я поселю Р. в доме, чтобы мы летом всегда могли на месяц-другой в Амстердам, если захочется. Относительно моего творчества я не беспокоюсь, только – временно – насчет финансов. Что мне эти 6000 г. в банке, если придется влачить мизерное существование в конуре, где мне ежедневно проедают мозги и где я и подрочить-то не могу толком, тут же в дверь стучат. Ты пишешь, что не знаешь, чего хочешь, но что ты «по всей вероятности не хочешь ничего», кроме как «просто вести спокойную, лёгкую жизнь». А если я тебя на этом поймаю и просто предложу тебе поехать со мною в Испанию? Там у тебя будет море свободного времени, так что придется тебе что-то изучать, так я думал. Мне кажется, музыка подходит для этого как нельзя больше, ибо это единственное, что тебя интересуется и что-то значит для тебя. Идею гитары я по-прежнему считаю не такой уж безумной.

Я должен заранее отстраниться от переводов и всех остальных нелитературных источников дохода, это я очень хорошо осознаю. Получить что-то на перевод там было бы чистой удачей, и мне не нужно на это рассчитывать.

Как я поеду в апреле, в точности пока что не знаю, то есть нужно ли мопед с собой в поезд или нет. (Возможность проехать туда по какому-либо маршруту на этой штуковине исключена из-за гористой местности, но эта штуковина стоит 40

гульденов в один конец до Аликанте и там может пригодиться).

Ко всем этим вышеизложенным вопросам я подхожу очень серьезно и рассматриваю их как мой последний шанс вести сносное существование. Я никому и ничему не позволю сбить меня с этого пути, и тебе тоже, давай уж я это скажу для полной ясности. Если ты там в Испании начнешь скучать и захочешь назад в Нидерланды, я с тобой не поеду, зимой уж определено. Точно так же, как лучше повеситься, нежели еще раз пойти работать в больницу, я лучше повешусь, чем буду вынужден обретаться зимой в Нидерландах. Я хочу жить цивилизованной жизнью, а не как эскимос. Я не хочу всякую минуту думать о температуре. Я хочу, наконец, дышать и покончить с прошлым. Я хочу жить с тобой, если это возможно, или один, если придется. (К тебе я привязан, к другим – совершенно нет. Удовольствия и пиздёж я перерос, но я не такой, как ты, у меня иные потребности, другие жизненные установки. Я твердо решил в любом случае не ссориться из-за этих вещей, но, как я уже сказал, не позволю никому и ничему удерживать меня и буду думать только о себе, ибо не могу считаться с человеком, который сам говорит, что ничего не хочет и никаких планов не имеет. Если бы я считался с тобой, это означало бы, что я исходил из того, что ты всё-таки желал чего-то определенного или имел определенный план, и таким образом я пытался бы переделать тебя, по крайней мере настроиться на определенное поведение.)

Господи боже, я надеюсь, что не получу очередной мыльный пузырь вместо письма – это серьезное испытание для нервов. Так что, если хоть

немного возможно, никакого ворчания и нытья. Я загнан в угол и ожидаю писем, в которых все сообщения будут сведены к простому «да» и простому «нет». Я не могу поверить, что ты не в состоянии написать письмо, содержащее определенную информацию.

Горячие приветы от твоего любящего

Герарда.

146

* * *

Амстердам, 14 февраля 1963

Милый Лапочка,

Это письмо имеет в виду не упразднение вчерашнего, но дополнение и разъяснение оного. Ты ведь мог превратно интерпретировать вещи. Ты в письме говорил о моей возможной смерти, что я, разумеется, буду принимать во внимание, я имею в виду, что отлично могу рассматривать это с твоей позиции. Но тогда мы должны очень точно знать, чего хотим. Даже если ты много лет вместе со мной будешь работать над переводами, твое имя само по себе будет немногого стоить, поскольку ко мне обращаются прежде всего из-за моего литературного имени, так же как к Клаусу или Ремко Камперту, которые оба довольно посредственные переводчики. (Клаус даже имеет дурную славу). Если я умру, ты станешь никем, если только не будешь обладать определенными навыками, которыми можешь отличаться. Ты не хочешь работать в конторе. (И ты прав). Ты хочешь в театр или на телевидение, но у тебя нет

инициативы изучить возможности для обучения и равным образом храбрости рискнуть неудачей или отказом. Посему возможность эта исключена, это мечты и ничего больше. (Позволь мне сейчас всё очень жестко и прямо сформулировать). Предположим, что через 2½ года на рынке в Аликанте я, в добром здравии совершая покупки и интересуясь названием незнакомой рыбы, внезапно почувствую в челюсти металлический привкус, потом жгучую боль, пронзающую область сердца, бессильно взмахну кулаком в воздухе и упаду замертво. У тебя тогда остается около 1000 или 2000 гульденов, из которых нидерландское Государство большую часть сопрёт, и, возможно, дом в испанской рыбацкой деревне, стоимостью в 2500 гульденов, который ты всё равно не можешь никому продать и в котором жить не хочешь, потому что у тебя нет никаких источников дохода. (Мои книги приносят где-то 1000 гульденов в год, достаточно, чтобы жить, если домишко – твоя ответственность, но ведь тебе надобно ходить в театры, встречаться с людьми, короче, у тебя нет моей мистической отшельнической природы). Если ты на вопрос, кто ты и что умеешь, сможешь ответить: я – прирожденный скрипач, но уже 2½ года специализируюсь в игре на гитаре и хорошо знаком с большей частью нидерландской и фламандской лютневой литературы 1450-1625 гг, в то время как в моем репертуаре имеются также и современные композиции – вот это уже кое-что. (20 раз в год выступать в Нидерландах, например, в форме «От лютни к гитаре», концертные лекции Вима Ш., который представит и истолкует старинные и современные гитарные композиции». И т. д. С этих заработков ты можешь широко жить в

Испании. Подхалим Н. В. ни пятака не заработал бы, будь он пианистом, так же, как и ты ничего не заработаешь скрипкой, разве что получишь благопристойную зарплату оркестранта, хотя и будешь зависимым в отношении места жительства и расписания. На клавесин у нас денег нет, но на гитару есть, и даже на учителя в Испании. Подумай только, сколько великолепной музыки в землю зарыто, а ты можешь ее воскресить! И еще у меня, разумеется, имеются романтические соображения: ты стоишь, поставив одну ногу на стул, чтобы настроить гитару, так что штанишки твои натягиваются, мальчики глядят на тебя с тоской, пока ты играешь, а я восхищаюсь тобою, истекая любовным соком. И т. д. Кроме того, уже сама твоя учеба может исцелить мне душу, всякий раз, когда некий злой дух Божества будет снисходить на меня, точно так, как мир тогда, в коттедже Энгуса, когда ты играл на скрипке. Ах господи, прикинь хоть разок. Тогда ты, наконец, точно, как и я, рядом со мною и совершенно независимо от меня, будешь иметь собственную, свободную профессию. Это твое, музыка – это ведь уже громадный плюс, и ты очень музыкален, даже исключительно, по мнению Перкина и моему, насколько я могу судить. Ладно, я хочу, чтобы ты занимался этим, но, конечно, этого недостаточно. Ангел, Зверь, я так страстно хочу, чтобы ты всё взвесил и в то же время увидел, насколько я тиран; возможно, ты весь инструмент находишь ребяческим и звук его – вульгарным, и тут никто ничего исправить не может, если это так – так же как никто меня не может убедить сделаться певцом в кабаре. (Но имеется различие, потому что у меня уже есть свободная профессия, а у тебя только некоторое количество

талантов и способностей). Ну, целую, Прекрасный Орфей. В любом случае лежу у твоих ног как Дикий, но укрощенный Зверь. Христос Царь.

Напишешь мне скоро?
Прощай, милый, твой

Герард.

* * *

149

Амстердам [Телеграмма]

Desperate why no news very worried¹

Gerard

* * *

Амстердам, четверг 7 марта 1963

Милый Лапочка,

Не получается у меня ждать письма от тебя; вечно с тобой какие-то ужасные вещи: «вечером или завтра напишу тебе»; но пишешь только три дня спустя, и твое письмо пришло, кажется, во вторник утром. И потом в твоём письме: «напишу тебе опять в начале следующей недели», но теперь уже четверг и по-прежнему письма нет, и я сомневаюсь, получу ли его на этой неделе. Я от этого с ума схожу, точно тебе говорю, ибо если я сам не

1 В отчаянии почему нет новостей очень волнуюсь Герард (англ.).

напишу тебе, нет никакой уверенности в том, что в ближайшие три недели ты как-то дашь знать о себе.

150

Ситуация у тебя весьма сложная. Твое письмо ничего не решает, но мне оно кажется смелым объяснением. Но да, – и теперь я вовсе не хочу говниться – в твоих письмах в лучшем случае, конечно, говорится «дела у меня так себе» (и вот то последнее твое письмо, наконец, сформулировано яснее, как никогда), но никогда «я хочу того-то и я хочу сего-то», я имею в виду, что твоя интроспекция, какой бы острой она ни была, никогда не ведет к отметанию фактов и – путем этого – к принятию решений. Теперь всё опять вилами по воде, об испанских планах я ничего не знаю, так же, как и о том, собираешься ли ты посвятить себя чему-либо. (Я бы, наверно, хотел, если что, вместе с тобой купить дом в Южной Испании и записать на нас обоих, так что в случае смерти одного из нас другой пострадает всего лишь на плюс-минус $\frac{1}{4}$ его стоимости, и еще я хочу в свое время разделить пополам деньги в банке, половину на твой счет, другую – на мой, по тем же причинам, ибо налоговая возьмет тебя за цугундер, если дойдет до того, что ты соберешься «жить на даче».

Я не возражаю против твоего пробного возвращения. Я обдумываю всяческие возможности, учитывая то, что ты любишь и меня, и М., например, поехать с этим зайчиком жить в Испанию, он будет водопроводчиком в Гибралтаре, ибо между Малагой и Гибралтаром дешевле всего и самый лучший климат. Но я ничего не говорю, ибо если я этого не одобрю, значит, я исподтишка завидую, а если одобрю, то я – отвратительный извращенец, сексуально испорченный тип. Да, я люблю тебя,

но медленно узнаю тебя. Я послал тебе два дорожных письма, одно напечатанное, другое – в гранках. Если они тебе не нравятся, я ничего поделывать не могу, ибо мне необходимо писать эти письма, они служат переходной формой к новым рассказам и роману, у меня такое предчувствие. Так что, если ты против, это не поможет, и я буду продолжать писать точно такие же письма. Просто знай. Я отлично работаю в последние месяцы, в отношении секса вокруг меня всё совершенно замерло, но нужно догонять многие вещи, лекции и т. д., перевод для Нидерландской Комедии, для которого нужно составлять смету (Олби: «Кто боится Вирджинии Вульф?»), пьеса почти вдвое длиннее обычной, за которую я хочу запросить 2500 г., но она прелестная, надеюсь, что получу ее, хотя со временем у меня очень напряженно, ввиду того, что я хотел бы на Пасху съездить в Испанию, по-присутствовать на праздниках Страстной недели.

Я всем распоряжаюсь, словно ты больше никогда не вернешься. Это звучит жестоко, но это единственное, что я способен сделать, ибо не могу буквально воспринимать твои обещания. И когда я начинаю рассчитывать на твое возвращение, опять получается отсрочка, или отлагательство, или еще какое-нибудь препятствие, и я прихожу в бешенство.

Твой гороскоп, который меня ошарашил (ибо я рассказал дамам только то, что ты на десять лет моложе меня и работал в разных местах), говорит, что у тебя очень много общего со мной, но трудности, которые начались в 1962, будут продолжаться до 1965. Прислать его или не надо? Я теперь в реальности астрологии больше не сомневаюсь, столь детально растолкован твой характер, и так

мало, по сути дела только в нюансах, отклоняется от действительности. У Жюстины четверо малышей, все полосатые, два котика и две кошечки, в любом случае у двоих на мордочках коричневое пятнышко, думается мне, они очень похожи на Родерика. Она ужасно горда. Дениза несет вахту у ящика и тоже очень рада. У Жюстины много молока, потому что малышей почти не слышно.

152

Еще мопед побывал на ревизии у MARCO на Хохстрат, всё было в порядке, какие-то мелочи подновили или заменили, всё вместе обошлось где-то в 20 гульденов, и через пятнадцать минут я уже его забрал.

Ну да, ты знаешь, я одобряю всё, что служит твоему счастью, но себя изменить не могу, так же как и ты себя не можешь. Возможно, тебе надо жить с М., и нам нужно расстаться: попытайся определиться, ладно, я не думаю, что ты когда-нибудь будешь это знать, но и принимать за тебя решения я тоже не могу. Возможно, взять отпуск и приехать сюда, чтобы поговорить – не такая сумасшедшая идея, я имею в виду, не всё решать окончательно. Вот только ссор и бурчания и так далее я не хочу. Кстати, я за эти пару месяцев стал совсем другим человеком, знаешь ли ты это? Меланхолия практически прошла, и если появляется, она только прекрасна. У меня такое ощущение, что я сделался взрослым. Уже шесть недель я только в виде большого исключения, например, у кого-то в гостях, пью Крепкое. В остальном вино.

Это может вызвать осложнения, тот факт, что я больше не выхожу и здесь никого не принимаю (с тех пор как ты уехал, я не ходил в кино, и таре ни минуты не вертелась. И я не хочу больше встречаться с недостойными людьми, ходить на плохие

фильмы, в бары или куда еще, и не хочу принимать у себя людей, которых терпеть не могу, и также не хочу, чтобы с 11 утра до 3 дня на весь дом громахал Бетховен, так, что я его аж в мастерской слышу; и, если возможно, я бы хотел, чтобы ты утром, как только встанешь, сразу же одевался, это кажется мелочью, но для меня значит очень много, и в конце концов я тебя не заставляю есть курицу или рыбу. И такие положения, как тот парень и та девушка у Ч., этот пьяный наезд на девицу и весь дом в немытой посуде, вот этого мне тоже больше не надо, иными словами, всё это прекрасно, если мне не нужно при этом присутствовать. Ладно, напиши мне поскорее, мне сейчас нужно уходить, я быстро отправлю письмо по дороге к мопедному королю. Может статься, сегодня в полдень будет письмо от тебя. Знай, что делаешь: я люблю тебя, но, если ты явишься изводить меня и приедешь сюда только с полными карманами Неуверенности и Непостоянства и Парализующей Неясности, мне этого не нужно, я больше не могу так, как сильно я бы тебя ни любил, лучше уж никого, ибо нового партнера я себе представить не могу. Золотко, целую, твой муж

Герард.

Амстердам, 11 марта 1963

Милый Зверь,

154

Где-то с час назад – сейчас около часа дня – я отправил тебе телеграмму с Главпочтамта и надеюсь, что ты получил ее более-менее вовремя, ибо там кое-чего сильно не хватает. Твое письмо еще больше поколебало мое равновесие, ибо вчера у меня случилась легкая депрессия, которая уже была, но усилилась после выступления по радио моего брата в связи с Протестом Писателей¹, по каковому поводу я письменно разорвал отношения с ним, но это всё неважно, и с тобою в Лондоне всё обстоит гораздо серьезнее: мои проблемы – по преимуществу любительство. (Что, кстати, не делает их менее реальными). Но теперь к делу. Я бы не оставался больше в Лондоне. В любом случае я готовлюсь к встрече с вами, я имею в виду встречу вас, в течение пары дней.

Знаешь, что я думаю – весь этот принципиальный пиздеж о чувствах ни к чему не ведет. О чем речь, по крайней мере в данный момент, это практические вещи, я имею в виду установка, при которой у каждого имеется определенная, конкретная, общая цель, и этой целью является, на мой взгляд, до некоей степени сносное и достой-

1 В 1962 году группа из 65 авторов-«шестидесятников» организовала протестную акцию против мизерных вознаграждений за свою работу. Они бойкотировали Книжную неделю, литературные комиссии, призы, жюри и отказывались от литературных заданий. Результатом этой акции явилось создание фонда Нидерландской литературы в 1964 г.

ное человека существование. Я люблю тебя, есть ли рядом с тобой М. или нет, и я хочу всё делать для тебя, с М. ты или без него, и я чего только не сделаю для тебя, и твой секс с М. меня возбуждает, вот так, то есть всё может быть очень мирно, но я не желаю, чтобы меня поучали и обходились со мною как с некоей отвратительной тварью, и вообще я желаю практической, достигающей осязаемых вещей политики, то есть я имею в виду следующий месяц то, потом это, я хочу это, ты хочешь то, так что оставим и так и сяк. Ладно, ты отлично понимаешь, что я имею в виду. Если меня загнать в угол, я буду бороться и наносить удары, должно много чего случиться, прежде чем я действительно почувствую угрозу, и кто это развяжет, должен определенно обладать деловой хваткой. Мне всё кажется чепухой, кроме как писать и пытаться на это жить, – я имею в виду, это тоже, разумеется, чепуха, но по крайней мере я могу заставить себя верить в небылицы, в то, что это имеет хоть какую-то важность. Мое решение переехать в Южную Испанию принято, иными словами, в любую следующую зиму. Никакой второй зимы здесь, это решение непоколебимое. Ровно неделю назад здесь впервые случилась оттепель (до этого температуры около -15° -17°) и, хотя с тех пор было плюс-минус десять градусов выше нуля, Аудерзейдс Ахтер- и Ворбюргвал еще закрыты – это, возможно, даст тебе представление о том, какой сильный был мороз и какой толстый лед (на больших участках Эйсселмер промерз до дна). Ну да ладно, теперь практические вещи. Словил я этот перевод за 2500, куча работы, и хотя мне его нужно сдать только к 1 мая, хочу управиться с ним раньше. В середине апреля самое позднее я хотел

бы в Испанию, с тобой, или один, или втроем, как сложится, по этому поводу не заморачиваюсь, ибо тогда с ума сойду.

156

Вот что еще забыл сказать – письмо твое обнаружил только часов в одиннадцать, ибо хотя я обычно встаю очень рано, именно сегодня утром поднялся поздно из-за депрессии, бессонницы и т. д. Теперь всё опять превосходно, чувствую себя, я имею в виду, физически, потрясающе, только вот нечто вроде мышечного ревматизма в правом предплечье, порой просто чертовски мучительно, я только не хочу пока беспокоить Гротхейзе, пока точно не буду знать, что это нечто серьезнее, нежели чистая простуда.

Теперь еще кое-что: я бы на твоём месте отправился вместе на судне, и никаких своих вещей не оставил бы, ибо всё, что ты оставишь на улице ***, пропадет, учитывая счета за телефон, и всякую рубашку, которую ты там бросишь, придется здесь покупать заново. Если понадобится, перенеси вещи к Перкину, у которого, кстати, имеется очень красивый чемодан Лу, из свиной кожи, который нам может пригодиться, я это так, к слову*.

Йохан Б. В. Полак¹ проедает мне плешь насчет купить рукописи и т. д. Продать мне ему копии моих писем к тебе, скажем, за 50 гульденов, или ты возражаешь? Конечно, без права на публикацию, просто для частной коллекции. Я считаю, что деньги всегда кстати. Людо хочет оплатить нашу поездку в Испанию; по крайней мере, к этому идет. Главное – подойти к этому с пониманием и не оскорблять его – к чему, кстати, нет со-

1 Johan Bertus Wouter Polak (1928–1992) – издатель, эссеист, библиофил, переводчик и меценат.

вершенно никаких поводов, поскольку зажиточность – тут я, стало быть, расхожусь во мнениях с Перкином – это не преступление, за которое следует наказывать. В любом случае прошу тебя осознать, что нам предстоят трудные времена – вовсе не обязательно неприятные, но период, ставящий определенные задания, и мы превосходно сможем его пройти, если всюду будем сохранять здравый рассудок. Mit Musik durch Leben¹ стало быть.

157

Вот что мне кажется важным: чтобы этот парень наконец понял, как дело обстоит – как долго мы уже были вместе, что я значу для тебя, как мы стали жить в этом доме (то есть я не собираюсь прятаться или из-за излишка времени дубасить Х. де П. в его Ковчеге.) Ладно, это было основное. Попытайся всё перевести во что-то конкретное, ибо в нашей взрывной ситуации чувства как таковые бесполезны: это нечто для очень богатых людей, у которых имеются флигели со слугами и жена, которой он гнушается, и сколько угодно туземных няnek и девиц для компании и молодых пастушков, которые читают ей вслух и утешают и рассказывают, что сказал Господин и чувствует ли он еще что-то к ней. Мы можем позволить себе только такую романтику, которая вносит вклад в защиту нашего общества. Я не ною по поводу твоего обожания музыки, кинозвезд и Зайчика, и чего бы то ни было еще. Оставь мне поклонение определенным Идеям и Представлениям, которыми я, кстати, тебя нагружать не буду. Дождь опять хлещет в окна, уже давным-давно. Мопед готов и очень хорошо бегаёт.

1 С музыкой по жизни (нем.).

Ты, стало быть, знаешь, что я больше не хожу в бары, на фильмы, к людям, которые мне не по душе и т. д., и что бросил пить крепкое, совсем, что я больше не курю и ем в минимальных количествах, хотя для других, и для тебя в том числе, готовлю обильную и тяжелую пищу, но сам я не хочу, чтобы мне полоскали мозги насчет того сорта мяса, которое я ем, я тогда сковородку о твою башку расшибу или твою башку сковородкой надвое, это бесцельное издевательство, или жалобы на запах рыбы, тогда как и трех гульденов в день на бифштекс для котов нету, тогда я больше не желаю. Да ведет и утешает тебя Дух, который оживляет.

Жду твоего письма, Зверек. Твой муж

Герард.

P.S. В пятницу вечером я буду читать в Лейдене из своего, так что этот вечер для переезда не выбирай.

*Ты можешь взять с собой в тот же поезд ручную кладь, очень дешево, так что тот чемодан отлично может путешествовать вместе с тобой.

Амстердам, суббота 16 марта 1963

Милый Лапушка,

Всё время пытаюсь писать тебе и ничего не выходит, я хочу сказать, целый вечер не выходит, хотя я уже несколько часов сижу за машинкой. По-прежнему выкидываю наполовину исписанные листы, и дело не двигается, возможно, потому что я слишком много вещей одновременно хочу выразить словами и желаю уладить до тонкостей вещи, которые уладить невозможно, в любом случае не односторонне. Большое спасибо за письмо с датой [приезда]. Так значит я ожидаю вас во вторник вечером, 26-ого. Купи еще немного порошка для ног, а больше ничего не надо.

159

Заранее радуюсь встрече, но, конечно, предвижу гигантские затруднения, прежде всего из-за твоего отвращения к принятию решений когда-либо, кроме как в последний момент. Как, например, будет с сексом? Желаешь ли ты, чтобы я говорил М. только то, что ты одобряешь? (Не получится). Как будет с финансовой точки зрения? Что собирается тут делать М. в плане работы? (Учитывая то, что он не хочет работать водопроводчиком или вообще заниматься каким-либо ремеслом, а хочет участвовать в шоу и изготавливать абажуры для какого-то издателя, эти планы насчет работы превращаются в трагедию. Почти неизбежно, что мне придется вмешиваться в это, но делать этого мне нельзя.)

В конце апреля я бесплатно отправляюсь на пароходе Людо в Лиссабон, а оттуда, за счет Людо,

поездом в Малагу. НМW¹ едет с нами. На судне имеются удобства для двух (не более) пассажиров. Мне бы хотелось знать, едешь ты или нет, но подозреваю, что ответа на этот вопрос не получу. Я ничего не имею против того, чтобы М. с нами в Испанию, но не на одном корабле. (Нет кают большей вместимости, только на двоих). Я беспокоюсь насчет денег, ибо ни ты, ни М. в ближайшие два месяца ничего зарабатывать не будете. В испанском плане это можно, ибо там разницы нет, я имею в виду, если мы там поселимся, будет обходиться на пару гульденов в день больше, вот и всё. Здесь же, в Амстердаме, всё то, что я скопил за пять месяцев благодаря более чем умеренному образу жизни, будет спущено за пять недель, а может даже и быстрее.

Ладно, если не услышу от тебя чего-то другого, подозреваю, что в конце апреля в Испанию поеду один, после ссоры, потому что ты никогда не умел собраться с духом. Мне кажется, что разумно нам будет изо всех сил постараться держаться дружески, и очень долгое время всё может быть очень славно, так мне кажется. Напрягает то, что висит перевод, который займет еще месяц, до того он длинный и местами чертовски трудный. Нелзя ни часа терять, также и тогда, когда вы будете здесь.

Из котят, к тому времени, как ты о них спросил в письме, я уже троих утопил. Единственный кот (я сначала думал, что их двое, но только дней через пять-шесть смог точно определить) остался жить, он здоровый и красивый зверек, похожий на Родерика. Жюстина с ним ужасно счастлива и во-

1 Мопед австрийской компании Halleiner Motorenwerke.

все не переживает, и мне можно подходить и даже брать на руки. У нее полно молока, так что он вырастет крепким пареньком.

Мое открытие выставки, я имею в виду, мое приветственное слово на экспозиции Яна Волкерса в Лейденском университете, прошло очень хорошо, и также три моих стихотворения, которые я зачитал вслух, упали на благодарную почву, но многих шокировали. Вечером в LAK¹ читал со сцены в том же месте дорожное письмо из Госфилда (Это письмо, которое очень, очень красиво и, на мой взгляд, самое большое и душераздирающее свидетельство обо мне, даже большее, нежели письмо из Амстердама), имело большой успех. Это следующее Дорожное Письмо² для «Тирады», для мартовского номера, но я еще должен получить корректуру, так что не всё сразу. Йохан Б. В. купил у меня черновик и рукописи «Письма из Амстердама» (от руки, отпечатанную и окончательную отпечатанную версии) за сотню гульденов. Я тут же отослал ему бумаги «Письма из Камден-тауна» на тех же условиях, плюс еще разнообразные фальсификации, а именно целый ряд так называемых стадий создания «Стихотворения на мой тридцать девятый день рождения», карандашом, чернилами, шариковой ручкой, различные сорта бумаги, винные кляксы, рисунки, проклятья, заметки, напоминания самому себе и т. д., изготовлено за 40 минут, но весьма убедительно выглядит, и всё это я ему, в целях укрепления отношений с клиентом, предложил почти за так, вроде премии, ибо я не

1 Академический культурный центр Лейдена.

2 «Письмо из Госфилда» было напечатано в «Тираде» в марте 1963, затем вошло в книгу «По дороге к концу».

мошенник. Я больше не жаден до денег по мелочам, но в крупных размерах очень стал оборотлив, и больше не хочу во второй раз страдать от бедности, я тогда просто руки на себя наложу, точно так же, как покончу с собой, если не удастся осесть в Испании, потому что здесь, в Нидерландах, больше сил моих нет. Все ли мои письма у тебя целы? Ты не реагируешь на мою идею собрать их все воедино и продать Йохану Б. В. за, скажем, 750. Не вижу, какие могут быть препятствия, но если тебе это претит, ты скажи, я такие вещи уважаю. 750 – это почти три полные поездки в Испанию, ты это знаешь? Если только эти письма никто никогда не увидит, кроме, возможно, трех-четырех близких Йохана Б. В., которые потом тоже будут наповал сражены любовью к нам. Как я уже сказал, недвусмысленное да или нет из тебя выдавить трудно, поэтому я просто точно говорю, что я собираюсь делать. Знаешь ли ты что-то лучше и есть у тебя нечто более жизненное и конкретное, что ты собираешься действительно сделать – я от всей души буду рад изменить мой план, но в таком случае в одиночку.

Что касается денег, опять же, я вполне готов финансировать вас в Испании, а именно питание и жилье на том уровне, который я для самого себя считаю вполне пристойным. Но не здесь в Амстердаме, ибо это слишком дорого, и это бездонный колодец, и все отложенные деньги таким манером за пару недель отправятся к чертям. Если хочешь остаться здесь с М., а я уеду в Испанию навсегда, у тебя будет право на половину того, что числится на сберкнижке, ибо эта сумма принадлежит нам обоим, так что ты сможешь предъявить право на

2000 гульденов, а потом на половину домашнего скарба и половину мопеда. Но мопед я заберу с собой, а ты, с моего разрешения, безвозмездно можешь пользоваться половиной домашнего имущества, мне принадлежащего. Вот так я думал. Это мне кажется реальной договоренностью. Имеются все шансы, что пойдет по-другому, но мне кажется разумным иметь в виде альтернативы – когда брак окончательно разладится, – более конкретные договоренности, чем только патетическая возможность нажираться до положения риз и кричать «спасите-помогите!» и так далее.

Ты не можешь делать четыре-пять вещей одновременно, если относительно связи со мной будешь принимать во внимание следующее: как сильно и как именно ты любишь М. и меня, тут в крайнем случае можно не разбираться, но в совместной жизни разобраться нужно, отладить ее, и еще с точки зрения социальной всё должно быть до мелочей урегулировано, и именно потому, что я этого хочу, а это кажется мне весьма весомой причиной.

Я непонятным образом полон жажды жизни и отваги, хотя почти не интересуюсь больше физическими удовольствиями. Умер и вновь восстал, нечто вроде этого, иначе я это объяснить не могу, я имею в виду выразить словами.

Что-то я вдруг больше не знаю [что сказать]. Заботься о правильном питании и достаточном сне. Атака на курение была бы неглупой идеей, но это очень, очень трудно, и мне всё еще не совсем понятно, как мне удалось от этого избавиться. (1-2 раза в неделю мне снится, что я закуриваю сигарету, по случайности, и потом я страшно

разочарован и отчаиваюсь, но днем у меня нет ни малейшей потребности в сигарете. Они стоят тут в коробочке + газовая зажигалка, для репрезентации).

Я отметил для себя ваше прибытие во вторник вечером 26-го, дневным пароходом. Если что-то изменится, сообщи, как только узнаешь, потому что я организовываю множество вещей, возможно, придется отклонить предложение о лекции или что-то еще, я имею в виду, что такое может случиться, и если всё это зазря, что мы с этого будем иметь?

164

Вышла очень красивая книжка о танцовщице Нуриеве (по-английски пишется Nureyev, как-то так), с чувственнейшими иллюстрациями, не слишком дорогая, помнится мне, по крайней мере мне в глаза бросилось, что немного она стоила, так что если сможешь, купи, ибо здесь будет вдвое дороже. Полагаю, что ты мне сообщишь, должен ли я выслать тебе денег.

Подумать только, должен признаться, я с интересом предвкушаю предстоящие недели. В любом случае не застой, а *Vivere Pericolosamente*¹.

Все мои октябрьские письма еще целы? Оригиналы, конечно, лучше, чем копии. Если да, то не хочешь ли обратить их в деньги? В этом случае ты вместо того, чтобы шароёбиться по Лондону, можешь как следует собрать их и разложить по датам. Дом будет в порядке, но не в таком безупречном, как тогда, когда им занимался ты. Краска на кухне пострадала от мороза. (Вся влага осела на стенах и превратилась в лед). Но выглядит пока довольно прилично, и в целом еще удивительно,

1 Опасная жизнь (ит.).

что не всё к чертям померзло, новые трубы в стенах и т. д. Приведу тебе пример: ровно 13 дней назад случилась оттепель с теплой, отрадной погодой – а вчера ледакол проломил Кловенирбургвал, это даст тебе представление о том, какой толщины был лед. Прощай зверь, прокачусь верхом на тебе, как только у тебя часок высвободится. Прощай, лапонька, хорошенько следи за собой. Преисполненный ожиданий и восхищения, твой похотливый муж, в полной боевой готовности, задыхаясь и т. д.

Герард.

* * *

Амстердам, 18 марта 1963

Милый,

Напиши мне поскорее – по-моему, времени у тебя предостаточно. Это письмо, если я правильно понял, от негритосика. Я его послал с запиской по твоему лондонскому адресу, с уведомлением о том, что ты с 26-го опять будешь здесь. (Я письмо вскрыл, что в мои привычки не входит). Вчера ты получил 3 страницы, так что на этом пока остаиваюсь.

С любовью,

Герард.

Амстердам, 20 марта 1963

Милый Лапочка,

166

Большое спасибо за письмо, которое ты написал в понедельник, когда у тебя еще определенно не было в распоряжении моего срочного письма, отправленного в воскресенье днем. Ладно, это тоже не страшно, я пишу тебе только для того, чтобы подтвердить, что я с удовлетворением ознакомился с твоим решением провести последнюю пару дней в Госфилде, что очень мило со стороны Перкина и очень хорошо во многих смыслах, прежде всего, мне кажется, на день-другой выбраться из примитивности и перевести дух. Если теперь у Перкина совершенно прекрасно и погода хорошая, и вы, например, захотите задержаться еще на день, позвони мне тогда вовремя и сообщи об этом. Я имею в виду – после всей этой мути и холода и пьянства и всякого такого, может быть только к лучшему для тебя, если ты подумаешь о себе, скажем, еще день-другой.

Но между тем я рассчитываю на ваш приезд во вторник вечером. Я не думаю, что мне нужно приезжать в Хук ван Холланд, потому что я всех заставаю нервничать, а вы вдвоем, так что справитесь. Из-за большого количества багажа вы приезжаете не на более быстром поезде (с пересадкой в Схидаме), а на обычном пароходном¹. Я вас встречу на перроне в Амстердаме. (Так что подождите там немного. Если буду чуть под мухой, об-

1 Имеется в виду поезд, согласованный с пароходным расписанием.

ниму вас, тебе придется этим удовольствоваться, а может, и нет). Еще здесь будет что выпить и еда, которую вы, если у вас по той или иной причине не будет аппетита, есть не обязаны, потому что ее можно бесчисленное количество раз разогревать, и она будет становиться только вкуснее. (Мясной «философ», вариант Casserole Poisson, которую я, по твоим словам, не умею делать. Poisson – это по-французски, означает рыба.) Дом постараюсь, насколько это возможно, привести в божеское состояние. Надеюсь, что с пьесой к тому времени продвинусь на треть. Со временем будет, конечно, заморочка, чтобы к 1 мая закончить, потому что на машинке по большей части вылетает как метеор, но там есть игра слов, стишок или песенка и т. д. И потом, длина неслыханная, примерно вдвое длиннее пьесы нормальных пропорций.

Я подстригся и избавился от перхоти, потому что пришлось признаться, что перхоть у меня есть. (1,50 без НДС). Еще не знаю, выиграл ли я войну с VARA, хотя думаю, что да. (Около 1000 гульд., для Roots), не знаю и того, купил ли Йохан Б. В. вторую рукопись, но я уезжал на несколько часов, в т. ч. в Амерсфорт к католикам, яростный, согревающий душу дебат – я имею в виду, я откостерил их по определенным вопросам, которые меня раздражают. Приглашаю вас обоим поесть со мной в La Caserola в субботний Пасхальный вечер, но я хотел бы пойти попозже и потом с вами обоими сходить на Пасхальную вигилию в церкви Господа Нашего на Чердаке, очень трогательно, все со свечами, которые люди зажигают друг другу в знак того, что воскрес Сын Человеческий, в прошлый раз мне показалось это весьма трогательным, и я хотел бы пережить это еще раз с вами.

Очень это странно, ибо я в определенной степени дистанцировался от много чего, я хочу сказать, некоторое количество вещей я больше не могу считать важными, и хочу только писать и сочинять стихи, на море, в мире, о прошлом, но прежде всего о Боге, который является почти неисчерпаемым источником. «Это уже четвертое со дней его юности стихотворение о Боге, и по-прежнему он выдает новые идеи касательно этого предмета». Я хочу написать еще одно цепляющее стихотворение как свидетельство того, что я всякое в жизни творил: пустые траты времени, тупую еблю, дневной разврат, скверные по отношению к другим поступки, обман, предательство и неверность, но что я искал его и больше никого и ничего, никогда, что я жил только надеждой встретить его и дотронуться до него и пойти вместе с ним, что всё только глупость и суетность, и прах, и мякина, и что я страстно хочу только его, как пищи и воды жажду его Совершенства. Ну вот.

Не устраивай скандалов. В мире и без того полно мерзости. Кстати, хорошенький мальчик, который меня разозлит, я имею в виду, который приведет меня в бессильную ярость, погибнет насильственной смертью. Просто ссоры и перебранка, это очень возможно спустя пару дней, и это тоже не страшно. Мне интересно, насколько ты изменился – я, по моему собственному мнению, очень сильно изменился внутренне, и сдается мне, это должно быть видно и внешне в обращении с другими. В этом аспекте я осмеливаюсь признавать гораздо больше вещей. Как я тебе уже написал, для М. найти работу здесь, в Нидерландах, кажется мне иллюзией, но я твердо решил оставить это на ваше усмотрение, ибо я совершенно опре-

деленно знаю, что не должен в это вмешиваться, иначе это высосет мои силы, ибо такое появится смешение понятий, никакого человеческого воображения не хватит.

Ну вот, сперва закончить перевод. И потом, только не нужно гвалта и гостей тут каждый вечер. Учитывая то, что я почти полгода никого к себе на порог не пускал, я хочу, чтобы ты не назначал здесь никому, в этом доме, без моего предварительного одобрения, ибо мне это больше не нравится, я имею в виду Рене и того дойча, как его, и всяческих других мутных жопников, которые чувствуют себя такими испорченными существами, я больше не могу это терпеть, но, конечно, можно договориться, что несколько вечеров проведу вне дома, в театре, с Яном Волкерсом или еще с кем, но собраний Кумушек я больше не потерплю, черт возьми, я больше не могу, я схожу с ума и начинаю вопить и буйствовать. Разговаривать, это пожалуйста, я имею в виду, всё глубже обмениваться мнениями по разным предметам – действует благотворно, но вот все эти бесплатные частушки, «ах какой зайчик», и пить себе, потому что, возможно, хочет, чтобы с него рубаху содрали, с этим покончено. Я с таким же успехом лучше бы повесился, вот так. (Я этого не делаю только потому, что много чести будет Богу и, кроме того, не хочу доставлять удовольствия М. Л., но это я уже говорил.)

Теперь отправляю письмо. Еще одна маленькая просьба: не спрашивай каждые 11 минут, как бы ты ни нервничал: «Ну, как ты?», если я уже два или три раза тебе говорил, что со мной всё в порядке. Я, конечно, буду нервничать в ближайший вторник. Если мы осознаем, что это непросто, сможем

избежать сильнейших конфликтов. В всяком случае попробуй тогда изъясняться словами «да» или «нет», «за» или «против», это ценнейший вклад. Ну да не страшно, я так думаю. Да будет Дух, который есть огонь и любовь, утешать и вести тебя.

Муж

Герард.

170

* * *

Гаага, 9 мая 1963

Дорогой Вим,

Не мог бы ты en passant¹ еще поблагодарить Р. за то, что он звонил, когда я лежал в постели.

Еще я перевел в Схидаме на свой счет 200 гульденов, потому что не хочу иметь при себе слишком много. Теперь я у Дж. и Л. Они хотят мою фотографию на паспорт. Глянь там в конверте от Gordon Studios, в одном из ящичков шифоньера и, если найдешь, пришли мне. Это не горит. Ты еще получишь письмо с рукописями из Роттердама. С горячей любовью. Поздно вечером сегодня отпываю. Твой

Герард.

1 Между прочим, заодно (фр.).

9 мая 1963

Милый Вим,

Второпах, потому что я хочу, чтобы ты сделал следующие вещи:

Эту рукопись сохрани, пока не придет последняя из «Тирады», и потом всё сшить, в папочку и Йохану Б. В., с упоминанием об открытии счета, ну да я тебе еще дам знать.

171

Числа 20-го позвони Людо или Б. насчет котёнка.

Когда принесут котёнка, пусть захватят еще палатку, которая в маленькой спальне.

Уплатить по счёту от Allert de Lange за книгу к дню рождения Людо, и сохрани заметку об этом.

Днем отплываю. Я в хорошем настроении. От Людо вчера вечером получил отличную книжку с чеками путешественника на 521.60 гульденов в песетах. 85000 песет, думается мне. Недурно.

Поцелуй от меня М. и других мальчиков тоже. Я много думаю о них. Подарил Р. золотой крестик. Храни вас Господь. Вчера послал в «Тираду» дорожное письмо. Местами хорошо, местами не очень, для меня это будет головная боль, в давке и с проклятой машиной по-другому не бывает.

Прощай, милый. Сто раз сдрочил, думая о тебе.

The Bat¹

1 Летучая мышь (англ.).

Лиссабон, 15 мая 1963¹

Отель «Браганса», Руа ду Алекрин 12

Дорогие Вим и М.

172

Я прибыл сегодня после обеда, с опозданием на один день, потому что охлаждающий насос двигателя сломался где-то возле Флиссингена², и нам пришлось простоять на приколе два часа, отдавшись на волю бурных волн надвигавшегося шторма, которого нам, в конце концов, удалось избежать, но только чудом. Пишу это письмо по-английски, хотя очень устал, тогда М. тоже сможет прочесть его, так что не прячь его, а то все мои муки будут напрасны. Я видел такое, что мне и не снилось когда-либо увидеть в жизни; небо, одно это уже: черно-синее с тысячами звезд, ночью над Бискайским заливом; я чувствую, что целое мироощущение меняется, если видел мыс Финистерре с океана. Но Лиссабон невероятен, сказка братьев Гримм. Хотел бы я остаться там и не двигаться дальше.

Я осознал, что всё еще очень люблю тебя, Вим, возможно, как и всегда. Конечно, я беспокоюсь о тебе, я имею в виду – будешь ли ты счастлив – прости мне это сентиментальное заявление, но ведь я люблю тебя, и, следовательно, дико возбудился насчет второго штурмана, физически почти твоей копии. Нас здорово качало в Гольфе, и я был

1 Письмо написано по-английски.

2 Портовый город на острове Валхерен, при впадении реки Схелды в Северное море.

сильно напуган, не мог спать в течение 48 часов и т. д. Капитан был очень мил, но в то же время довольно страшен – это некий демон. («Когда он смеется, в глаза не глядит нам», предостерегающе сказал кок). Но этот город – мечта. Он как первый летний вечер в Голландии в детстве, если ты понимаешь, что я имею в виду. В закусных, выходящих окнами на улицу, можно пить вино и есть бесконечные сорта рыбы, у стойки. Цены смешные. Я взял большой кусок трески (жаренной в масле), два рыбных крокета, кусок морского окуня и большой бокал красного вина, и всё это мне обошлось примерно в 1/6 пенни (80 центов). Я купил 1½ красного вина в свою бутылку, и это стоило где-то 48 центов (1 шил./–пенни). И Людо рекомендовал этот отель. По парижским стандартам такой отель в Париже обошелся бы по меньшей мере в 11-12 гульденов. Но здесь, с лифтом и посыльным и гаражом для мопеда, всего лишь 45 эскудо (±6 гульденов). Только вот дорожное движение здесь, в Лиссабоне, страшное: они ставят свои машины на углу улицы, обгоняют трамваи слева и т.д. Так что мне пришлось быть очень осторожным и наблюдательным. 15 миль в сторону от Лиссабона – и движения больше не найдешь, и дороги, похоже, сравнительно недурные. Временами мне бывает очень грустно, но я пытаюсь с этим бороться. Я много думаю о Боге, смерти и т. д., и порой мне кажется, что я должен написать и засвидетельствовать доказательство Его Царствия в моих сочинениях, нечто вроде того, что делал Толстой, всё духовно и никаких обид, ибо несогласие часто обижает.

Мне бы хотелось, чтобы ты был добр к М., потому что ничего лучшего у тебя в жизни не будет,

никогда, если хочешь знать мое мнение, но ты не захочешь, я тебя знаю. Я думаю, что для вас двоих лучше всего было бы настроиться на открытие антикварного дела. Думаю, что это будет возможно через пару лет.

174

Вчера в полдень меня внезапно разморило на палубе – я лежал на спине и обгорел, что твой омар. (Капитан начал дрейфовать под ветер в 11 утра). Надеюсь найти более-менее перманентное место в течение следующих двух недель. Возможно, я выберу Португалию, как знать. Дети, надеюсь, с вами всё останется в порядке. Не ссорьтесь и не боритесь за главенство по любому поводу. Писать больше не могу, потому что ужасно устал. Я дрочу без меры, думая о тебе (о вас обоих). Надеюсь, тебе это несколько поможет, хотя сомневаюсь. Сохраняйте между собой доброе согласие и – всеми возможными легитимными способами – развитие как можно большего количества куекла¹. Надеюсь увидеть вас обоих в это же самое время, летом или осенью. Вопрос только в том, как добраться досюда, потому что здесь, на юге, всё стоит чуть больше, чем ничего. Да пребудет с вами Любовь Господа нашего Иисуса Христа, и да утешает и ведет вас обоих Дух Его. Целую,

Всегда ваш

Герард.

Мой английский далеко не безупречен, хотя лучше, чем у М. Передай мои приветы Ханни и будь добр с нею.

1 Т. е. мозгов, интеллектуальных способностей.

Лиссабон, 18 мая 1963
Отель Браганса

Милый Мальчик,

Вчера рано утром я выехал на Юг. Рука немного дрожит, потому что я не мог спать ночью из-за напряжения и всяких мыслей. Ну, для одного раза это не страшно – я здоров и таковым себя и чувствую. Единственное что – я заснул на палубе у мыса Финистерре, так что лицо у меня жутко обгорело и теперь всё покрыто коростой. Тем не менее, поеду на мопеде по побережью. Страна так волнительно прекрасна и зелена, и погода такая восхитительная, что просто нелепо сидеть и вариться в поезде.

Я тут искал подарочков, но нет ничего. Я хочу сказать, нужны ли тебе консервированные улитки, сушеные каракатицы, оливки в жестянке и т. д.? Поэтому я дал Людо денег, чтобы он купил для вас Кампари, когда поедет назад. Две из 5 баночек для вас, остальные три для Ханни, для нее также и фрукты.

Я еще не решаюсь рассчитывать, когда буду здесь, но постараюсь как можно скорее сообщить тебе адрес «до востребования». Мне бы, конечно, хотелось поехать на Юг, также и для того, чтобы остаться там жить. На следующей неделе писем не ожидай, ибо я каждый вечер буду очень усталым. Масса поцелуев и шлепков, прежде всего также и Зайчику, от

Герарда (The Bat)

Фару, воскресенье, вечер, 19 мая 1963

*Pensão*¹

Милый Мальчик,

Такая тоска, особенно сейчас, на террасе кафе в гавани. Как это возможно, не понимаю, но сегодня я на мопеде проехал 384 км., так что завтра уже буду в Испании. (До Уэльвы еще 117 км.)

176

С Людо и Берти² я провел пару весьма приятных дней. Но сегодня, проезжая по мрачнейшему, совершенно варварскому и прекраснейшему из ландшафтов, которые я когда-либо видел, я часто вспоминал тебя и дробил во время остановок (Свистящий Таинственный Ветер в Кустах). Людо говорит, что в Испании я очень скоро подыщу себе дружка. Довольно странно, что Б. вчера сказала: «Если бы ты женился на Д., тебе пришлось бы называть меня мамашей». Ладно, долго трепались на эту тему, но Людо был не особо воодушевлен. Но мне они оба кажутся ужасно милыми – единственный их недостаток в том, что они слишком уж рассудочные. Но как я сказал, я очень по тебе скучаю, недостает наших зашифрованных разговоров и т. д. Надеюсь, тебе хоть немного повезет в жизни – ты всегда был вынужден вести такое опасное существование. Странно, но, если хочешь, чтобы кто-то обрел счастье, это, возможно, означает, что ты его любишь. Людо мало чего в этом понимает, я хочу сказать, мои чувства к тебе. Сегодня

1 Пенсион (*порт.*)

2 Berthe Bakhuizen van den Brink, жена Людо Питерса.

днем, сидя на дороге, я внезапно разрыдался, до того ошеломительно грустно и прекрасно было всё, отдаленные звуки, Бог был очень близко. Господь открылся также в Бискайском заливе, столь невероятным было звездное небо, что я внезапно почти понял Вечно Зарождающееся Существо и причастился Тайны.

Я сижу в этаким народном пансионе, опрятном, но весьма бедном, потому что все гостиницы были полны, и обедал в этаким жилом подвале, сушильне, где гости прекрасно едят за длинными на козлах столами, я имею в виду, так в этих пансионах заведено. Заведение начинает меня раздражать, и я рад, что завтра D. V.¹ уезжаю в Испанию. Я бы сказал, пиши мне *poste restante* Тарифа, и как можно больше новостей. *Poste restante* по-испански называется иначе, так что поищи, как это будет, и пиши мое имя как Señor G. K. VANHET REVE, так что оно гарантированно подпадет под букву V. Тарифа расположена неподалеку от Альхесираса. Область называй Коста Южная Атлантика, потому что я не знаю, как называется провинция. (Предположительно Андалусия).

Теперь иду отправлять. Сердечные приветы М. Люблю его. Обнимаю, твой

Герард.

1 Deo volente (лат.): с Божьей помощью.

Севилья, 20 мая 1963

Дорогой Вими,

178 Вчера прибыл сюда в семь вечера, так что на этот раз покрыл расстояние всего лишь каких-то 200 км. (Вчера, но я это уже тебе писал, 388 км.) Мне повезло с паромом на границе, который ходит только при высшей точке прилива, ибо через четверть часа после моего прибытия на Villa Real de St. Antonius он как раз отчалил. Мопед по-прежнему работает отлично. В населенных пунктах я могу ездить только очень медленно, такое там скверное дорожное покрытие. За городом дороги вполне сносные, хотя далеко не такие хорошие, как в Португалии. Этот ANWB¹-маршрут, со списком отелей и т. д., просто бесценное сокровище, которое предупреждает мытарства с картой. Я сейчас пишу это письмо, сидя на террасе, просто с лекционным портфелем, из которого вытащил кувшинчики с чернилами и перо. Ты бы, конечно, стал смущаться, но это единственный сорт ручек, который пишет всегда, провалиться мне, если это не так. Я позволил себе кофе и коньяк – судя по квитанчку, 14 песо за вычетом налога – меньше гульдена, что приемлемо, и уж точно для такого большого, довольно-таки шикарного и туристического города. Когда я приехал, стояла такая анафемская жара (31° Цельсия, если верить термометру), что я рухнул на кровать в отеле и два часа валялся в отключке. Теперь, к полуночи, на-

1 Королевская Нидерландская ассоциация по вопросам транспорта и туризма.

ступила дивная прохлада. Я мельком осмотрел знаменитый собор, но у меня, право, нет желания бегать по всем этим туристическим штукам – возможно, потом оно еще придет. Теперь буду писать Япу Хартену, чтобы они предупредили консула области Малаги о моем прибытии, ибо мне понадобится его совет – вступать в контакты трудно, и я жалею, что так мало времени уделял изучению испанского. Мальчики мне кажутся неопишимо красивыми, хотя и не такими красивыми, как в южной Португалии. Они такие восхитительные с мужественными, но в то же время девическими меланхолическими чертами. Милый, я надеюсь, что всё идет хорошо. Ты знаешь, что всегда можешь на меня рассчитывать. Как только я обоснуюсь здесь, ты или вы можете приезжать на сколько хотите, ибо жизнь здесь так дешева – поездка сюда, вот что, в сущности, представляет проблему.

Пиши мне на *poste restante* Тарифа – это обозначение называется *correio* такое-то. Да благословит вас Господь. Скажи Ханни, что я езжу очень осторожно и только днем. Я дорожу Стеклой М. и то и дело поглядываю на нее. Скажи ему это, и еще то, что я в моих мастурбациях думаю о нем, прежде всего о его попочке.

Прощай, милый зверь. Твой

Герард.

«Ла Корона»; Алаурин эль Гранде; 26 мая 1963

Дорогой Лапушка и Dear M. (who should try and smoke a little less)¹,

180

Через Г. Б. в Чурриане я оказался у миссис Лиззи С., молодой женщины без мужа, но с ребенком; она рассказывает в слаксах и занимает поместье, примерно такое, как у Офи, за 60 гульд. в месяц. Мне немедленно предложили остановиться там, и в этом было, вообще говоря, некое разнообразие и покой, хотя всё тут ужасно грязное и неэффективное. Сама она очень милая и сердечная. У меня то ли три, то ли пять комнат, сам уже не знаю, но единственное затруднение в том, что в доме нет проточной воды, а только колодец. Так что всё время поливаем из ведер, кувшинов, ушатов и т. д. Мне это не очень по душе. Вскоре иду посмотреть с одним маклером домик, в котором три комнаты и кухня, и электричество. Интересно, там тоже только колодец? (С электричеством это не проблема, я тогда куплю насосик и помещу резервуар в доме наверху). Здесь (\pm 20 км. по берегу от аэропорта Малаги) я бы хотел жить с превеликим удовольствием. В поселении насчитывается \pm 12 000 жителей, и оно расположено у подножия гор. Тебе открывается вид на великолепную нисходящую всхолмленность. Малага (куда 3 раза в день ходит автобус) – город не дорогой, и здесь тоже всё недорого. (Чашка кофе и рюмка коньяку – 36 центов). Дай бог, чтобы этот дом сейчас мне понравился и чтобы цена была не слишком сумасшедшая. (Они

1 Которому следует попытаться чуть меньше курить (англ.)

сперва всегда заламывают). Но да, я все ожидания касательно скорого успеха выкидываю из головы и учитываю то, что мне в этой местности придется искать еще недели и месяцы. Между тем кто-то опять слышал о еще каком-то доме, так что шансы остаются, даже если ничего из этого всего не получится. Теперь заканчиваю и через несколько часов выдам отчет о результатах моих изысканий.

181

Воскресенье днем

Не дом, а мечта, выходит на улицу и с сумасшедшим количеством комнат и дивным патио. Но водопровода нет и нет уборной, хотя есть электрический свет. 9000 гульденов. Я буду предлагать 8000, с уборной & водопроводом. Это будет ползезавтра. Теперь иду отправлять. Надеюсь найти письмо от тебя в консульстве. Милый зверек.

Чмоки

Герард.

* * *

Малага, четверг днем, 31 мая 1963

Дорогой Вими,

Только что получил твое письмо в консульстве (письмо от 26 мая, в котором ты говоришь об изменениях в интерьере и о визите Робэра). Я был очень рад твоему письму, ибо по временам чувствую себя очень одиноким. Испания не оправдывает ожиданий, иными словами люди здесь в выс-

шей степени сердечные и очень бескорыстные, но некоторые обстоятельства не соответствуют ожиданиям. Основная причина в том, что Испания только в определенных аспектах дешевле, нежели Нидерланды. Такое дело: зарплаты ниже и, соответственно, услуги сильно дешевле, чем у нас. Но продукты в магазинах всегда дороже наших, и даже рыба на рынке в рыбацкой деревне дороже, чем у нас на Ньюмаркт. Для того, кто много времени проводит вне дома (кафе, террасы, рестораны) тут определенно на 60% дешевле, чем в Амстердаме. Но если бы я тут снимал дом или купил бы его и жил бы где-то еще, я бы тратил денег не меньше, чем в Амстердаме. Ну вот. В этом и подвох: баснословно дешево для отдыхающих и туристов, дорого для иностранца, который хочет основать собственное домашнее хозяйство: тарелки, стеклянная посуда и т. д., в 3 раза дороже, чем в Нидерландах, одежда примерно то же самое и т. д.

Купить дом, похоже, не удастся, ибо цены здорово взлетели. Снимать тоже недешево. Лиззи много мне помогает, просто английская Офи в Алаурин-эль-Гранде¹, с которой я познакомился через Г. Б.

Мопед вдруг начал чудить. Вчера сломался дроссельный кабель, но, к моему вящему изумлению, мне в гараже поставили новый, в течение часа, за 1,50 гульд. Однако сегодня у него забарахлила подача газа, в чем закавыка, я не знаю. Очень меня подмывает отправить эту штуквинку в Нидерланды, потому что одежда [из-за него] изнашивается, и никогда прилично не выглядишь (а

1 Alhaurin el Grande – муниципалитет в Андалусии.

в Испании это очень важно). Теперь жду сообщения от Людо относительно того адреса в Нерхе¹. Там же я и засяду на неделю, в очень дорогом апартаменте с ванной и кухней за 700 песет в неделю (42,00 гульд.), потому что я однажды захотел избавиться от всех страхов, связанных с деньгами. Положение Зайчика мне кажется сложным, я имею в виду, то, чего он хочет, это невроз, этого нельзя. Ему придется работать сантехником или искать себе поддержку. Мне он кажется чрезвычайно милым, это да, но и страшно дурковатым.

В следующем письме сообщи мне как можно больше финансовых данных: сальдо в А. Б.² и т. д. Спроси у Р., когда он планирует в отпуск и не хотел бы он провести его здесь со мною. (Я выдам некоторую субсидию на его поездку). Скажи ему, пусть он поскорее напишет мне. Может захватить с собой пишущую машинку.

Между тем не исключай шанса, что я могу вернуться насовсем, более-менее. Надо полагать, что гораздо дешевле будет зимой проводить месяца три на Ибице или в Малаге, чем покупать что-либо здесь. Я не могу отказаться от моих прав на дом. Изменения в обстановке кажутся мне очень хорошими. Не трогай мой спальный закуток наверху, это прекрасная берлога.

Между тем пытаюсь расслабиться и еще понаслаждаться солнцем и морем. Это получается с трудом, и по утрам уже очень рано я лежу без сна. Секса тут нет, только вот тот молодой человек в Альхесирасе сдрочил на пляже, целуя при этом

1 Нержа – город и муниципалитет в Андалусии.

2 Амстердамском банке.

мне ноги и говоря, что я такой строгий и жестокий или еще что-то в подобном роде. С испанцами у меня мало общего, я ничего в них не понимаю. Будешь звонить Людо (в крайнем случае под предлогом поговорить о кошке), спроси его, сможет ли он как можно скорее сообщить:

1. Имя и адрес в Negja (произносится «Нерха»).

2. Каким образом лучше всего отправлять назад мопеды, поездом или пароходом; если пароходом, какие есть агенты на востоке от Гибралтара. Если Р. соберется приехать, ему придется захватить дополнительный чемодан, чтобы я мог выкинуть свой мешок, и еще дорожную сумку, которая мне досталась от отца. Ладно, посмотрим. До сентября (возможного вашего приезда) не могу ничего планировать. Напиши мне много и подробно, будь любезен. (В течение 24 часов по получении этого письма).

Многажды похотливо чмокаю вас обоих,

Герард.

Р. S. Отнеси Марко спидометр Lucia. (Это человек, который ездил на НМW в Испанию.) Бесплатно. Скажи ему, что он отпахал 1600 км., как пить дать.

Алаурин-эль-Гранде, 8 июня 1963
«Уэрта да Корона»

Милый Мальчик,

Вчера я получил в консульстве твое письмо и считаю, что это совершенно прекрасно, что вы отвели душу в Роттердаме.

Но, не откладывая, я хочу заявить кое-какие возражения, ибо из-за твоего замечания касательно того, что я «говорил Людо гадости о тебе», я просто позеленел от злости, я так кипел от ярости, что полночи пролежал без сна. Итак, хочешь верь, хочешь не верь, но то, что вы смогли скомбинировать доставку котенка с шансом поплавать, в том числе возможным оттого, что я специально попросил Людо тратить поменьше, в силу того, что у вас столько всяких забот и т. д., и время от времени развлекаться и т. д. Я, черт возьми, никогда ни единым недоброжелательным словом о тебе не обмолвился. Людо счел твое возвращение под фальшивым предлогом («М. нужно тут серьезные дела обстряпать» и т. д.), и твое возвращение с любовником в наш с тобой дом примерно таким же в высшей степени бесстыдным преступлением, какое только можно придумать, и я его еще отговаривал! Но впредь каждый может сломаться, это я знаю, и я больше не буду тратить силы на возражения против недоброжелательных отзывов о тебе, ибо мне же потом это и отольется.

И эта фраза насчет М. мне тоже совсем не нравится, насчет навестить меня: “seul ou avec ma maîtresse”¹. Кто М. для тебя? Он для тебя – всё,

1 Один или с моей любовницей (фр.).

пока ты со мной по дешевке на каникулы не сорвался? Возвращаю тебе письмо, тогда сможешь сам прочесть пассажи. Я чертовски зол и раздражен, и я совершенно точно знаю, что интерпретирую фразы не иначе, как согласно их значению. Если я в дополнение ко всей хрени должен получать такие заявления, то ты уж, ради Бога, больше мне не пиши.

С любовью,

186

Герард.

* * *

Алаурин-эль-Гранде, 11 июня 1963

Получил твое письмо от 6 июня

Милый Вим,

Короткое письмецо, потому что я примерно с час не могу заниматься ничем другим и потому что нашел конверт с маркой на твое имя в нагрудном кармане куртки. Мне всё-таки здесь нравится, а именно: я разработал распорядок дня, отнес наверх стол и стул, так что у меня всё есть в одной комнате и я довольно спокойно могу работать здесь, с видом на долину протяженностью в 35 км. Еще я видел позавчера в кафе человека с двумя будильниками. Один будильник ни о чем бы не сказал, а два – да: должно быть, это местный часовщик. Кроме того, оказалось, что это философ, бегло говорящий по-французски. Я отдал ему свои наручные часы, и вчера он их почистил и подтянул разболтавшуюся стрелку, всё за 50 песо

(3 гульдена. В Нидерландах – 15 гульденов). Они по-прежнему ходят очень точно, и если так будет продолжаться, было очень разумно взять их с собой. Я пригласил Р., и Ханни тоже, тогда у нее, наконец, тоже будут хоть какие-то каникулы.

Вчера я готовил кальмара с оливками и чесноком, весьма к удовольствию всех местных. Часовщику-философу я сделал запрос относительно домика: снимать или купить. Наконец-то хоть кто-то, кто понимает, что я обычный человек, вовсе не богач, и что я желаю самый обычный испанский дом, например, с вестибюлем, двумя комнатами и кухней на другой стороне патио. Вчера один маклер показал мне дом за 3500 гульденов, вовсе даже не плохой, но в нем не было патио, и это придавало дому нечто пугающее.

Я чувствую, что если просижу тут достаточно долго, то уж точно что-нибудь найду, прежде всего когда закончится сезон. Правда, у меня нередко еще возникает мысль, что Южная Португалия – тоже неплохая идея, ибо там определенно дешевле. Скорее всего, я к осени двинусь туда. Ладно, у меня ощущение, что я более-менее привык быть в дороге.

Теперь мне нужно уходить, и я немедленно его отправлю. С любовью, и прежде всего чмоки М. Сексуально я страстно его хочу. Твой

Герард.

Малага, воскресенье, 16 июня 1963
 Отель «Эль-Патио»

(Пиши в консульство)

Милый Вим,

188

Много я пишу, да? Сижу сейчас в упомянутом в предыдущем письме отеле, который недурен, но всё же в нем куда больше шума, чем я ожидал, хотя это вполне можно пережить. Под зданием, в стороне от патио, имеется громадное гаражное пространство, что удобно для моего HWM, но в любое время дня и ночи оттуда может донестись неожиданный треск. Однако я рад, что сделал ноги из этого рассадника мух. Куплю готовый костюм (35-50 гульденов), как только приедет Р., ибо он должен мне посоветовать покрой и цвет. Я очень серьезно решил устроить ему превосходные каникулы, с многочисленными прогулками, сидением на террасах и т. д., ибо довольно часто отвратительно дразнил его, и это было с моей стороны некрасиво. Я страстно тоскую по тебе. Всё-таки очень жаль, что всё так обернулось, потому что М. для тебя тоже не идеальный выбор, я имею в виду, ты не в достаточной степени его уважаешь. Мы ведь могли бы быть здесь относительно счастливы, и ты мог бы развить в себе понимание, и даже возбуждение – из моих Sexualmärchen¹, как, например, в случае с Р., и приспособиться к Ревизму. Я чудак, но и с тобой непросто, и ты совершенно ничем не занят и, как следствие этого,

1 Сексуальных сказок (нем.).

деструктивен. Твое отношение к религии и мистике я нахожу, коротко говоря, глупым и ограниченным и, подозреваю, к тому же находящимся в противоречии с твоими глубочайшими задатками, если ты понимаешь, о чем я. Позавчера мне было видение. Я весьма сожалею, что М. выполняет работу, которая ему не нравится, и не может преодолеть странное презрение к своей хорошо оплачиваемой работе. Вам через сантехнику нужно в античность, ибо знаешь ли ты, что здесь всё еще изготавливается самая обычная викторианская керамика, фарфор и стекло? Садовые горшки на колоннах, для патио или парадных подъездов и т. д., порой ужасные, но часто очень красивые. И вазы в форме полуотцветших чашечек цветка, розовые изнутри и т. д.! Это что-то.

Ну, пока всё. Часы по-прежнему бегут на 1¼ вперед, и заднему колесу HWM опять кранты. Завтра гараж – там должны поправить колесо, черт бы его подрал.

Целую, твой

Герард.

* * *

Альхесирас, суббота, 22 июня 1963

Номер 10, Отель «Мадрид», Сигизмундо Морет 4

Дорогой Вим,

Я думаю, что ты очень мило и добросовестно обо всём позаботился, и особенно то, что ты отдал ботинки на замену подметок, кажется мне такой заботой. Вечером в городе я ношу костюм,

но в нем довольно жарко, если учесть, что днем тут 32° в тени, а вечером в девять всё еще 27°. На пляже, правда, веет очень приятный бриз, который – поскольку с Океана – еще не горячий. Температура воды в этом заливе зависит от ветра: в безветренные дни она теплая, в дни, когда ветер с запада – заметно прохладнее, из-за течения, и всё равно всегда теплее, чем в Зандворте после семнадцати дней зноя. Альхесирас, несмотря на все различия, можно сравнить с Тулоном. Это не туристический город в настоящем смысле слова, потому что до пляжа тут 40 минут пешком (пляж роскошный, но редко когда человека увидишь) и, если не ходить по бульвару вдоль гавани, где на террасах сидят туристы, транзитом с Гибралтара, Сеуты или Танжера, с туризмом ты дела не имеешь. Есть еще второй центр, подальше от побережья, более деревенский, с приятными и очень дешевыми кафе и едальнями в неопрятных садиках. Я остаюсь здесь, во всяком случае временно. Сейчас мы с Р. живем в комнате на двоих, но когда он уедет, я попрошу вернуть меня в комнату, которая была у меня сначала, за 55 песет. В Алаурине я чуть не рехнулся от мух и лиззиных проблем, а в «Эль-Патио» было куда больше шума, нежели в любом другом, в котором я останавливался в течение *Italienische Reise*¹ короля поэтов. Этот отель до сих пор еще единственный, в котором, Бог его знает почему, не шумно; это, наверно, потому что поблизости нет кафе с террасами. Здесь чисто, имеется уборная, которая и бумагу пожирает, так

1 «Итальянское путешествие» (нем.) – заметки, в которых Гете описывает свое пребывание в Италии с сентября 1786 по май 1788 гг.

что ее не нужно кидать в тошнотворную корзину; поименованную уборную каждый день хорошо чистят, в комнатах поддерживается порядок, и всё утро, и с полудня после сиесты, тут такая горячая вода, что можно наливать ее в растворимый кофе, короче, я отсюда не двинусь, пока не найду чего получше.

Хочу договориться с бургомистром и сочинить ему письмо и дать Г. Б., чтобы он его подчистил, дабы получить его (бургомистрово) разрешение на съём чего-нибудь здесь или на покупку какого-нибудь чумного лазаретика, который надо бы малость облагородить, или что-нибудь такое. Здесь совершенно нет ни секса, ни мирских забав, но этот город олицетворяет всегда важную для меня грань: железнодорожная станция возле гавани, космополитизм на пару с провинциальной деревенскостью. Я так счастлив, когда утром, уже в палящем солнце, сижу, глядя на пирс. Короче. Если я могу сидеть в отеле за 100 гульденов в месяц, то за меньшие деньги могу что-то снимать, иначе быть не может. Я почти уверен, что смогу здесь работать.

Мысль о моем возвращении и о том, что тогда делать, очень реальна и, в сущности, очень ясна, правильна и прямолинейна.

Я, наконец, начинаю немного говорить по-испански, начинаю понимать людей, и оттого, что я больше не шарахаюсь от них, они еще любезнее. Цены сильно различаются – порой вдвое против того, что спрашивают за углом. Сегодня, совершенно случайно, я купил королевское вино, лучше, чем Просирас и почти такое же хорошее, как

риоха от Йонкера, за 6 пес. (36 центов) за литр. Теперь мне не нужно покупать коньяк или джин, я могу опять строго придерживаться Легкого напитка.

192

Мне очень жаль, что день рождения М. совершенно вылетел у меня из головы, но в то время в ней было столько забот, вся эта хрень и лиззины рецидивы и чего только в ней не было, что, возможно, он меня простит. Я, честное слово, очень скоро ему напишу, но теперь мне нужно писать Ханни и в «Безиге Бей»¹, завтра отцу, потом опять Людо и т. д. В среднем три письма в день – это сложно. С Р. очень приятно: практически никаких ссор, прежде всего потому, что я решил устроить ему в высшей степени приятные каникулы, и он определенно наслаждается и не мешчанствует по поводу поесть в скромных заведениях, а то и просто в номере (тут дело не столько в деньгах, сколько в желании избежать шума), и он всё запоминает, всё записывает, знает, где что лежит и т. д.

Еще раз: очень мило, что ты обо всём позаботился. Я обнаружил, что могу отослать письмо вечерним поездом в 17.50 в Мадрид, это немного неудобно, потому что в Альхесирасе нет аэродрома. Целую вас обоих. Много думаю о вас, и при этом дрочу, но теперь, пока Р. здесь, я вас оставляю вне моего поля зрения, я имею в виду, что солосекс гостиничных номеров, во время которого душа обгорает, но не насыщается, временно отменен. С любовью, с любовью, с горячей любовью.

Твой

Герард.

*Альхесирас, пров. Кадис, 27 июня 1963¹
Отель «Мадрид», Сигизмундо Морет 4*

Герард Корнелис ван хет Реве – М.

Дорогой М.,

Большое спасибо за твое письмо, получить которое было приятным сюрпризом. Надеюсь, что ты, как и я, в таком же добром здравии и настроении: я, наконец, обрел некий покой и место, в котором я если не осяду, то проведу достаточное количество времени. Я хорошо понимаю, что за работа у тебя: это отдаленно напоминает мне наши с Вимом дни в Лондоне, в том ужасном госпитале. Но ведь ты сам решил поступить на работу в качестве разнорабочего. Я думаю, что тебе нужно развивать навыки и квалификацию, которыми ты обладаешь, что не означает, что ты должен в них верить. Помимо ситуации, в которой живут с частного дохода – ситуация, с которой ни ты, ни я, боюсь, не столкнемся, – существуют два легальных способа получения средств к существованию. Один способ – работать на что-то или кого-то, с регулярным графиком, коротким отпуском, ненавидящими тебя коллегами и т. д. Другой путь – то, что мы называем по-нидерландски «свободная профессия», то есть выполнение работы, при которой ты сам себе начальник и подчиненный. Я убежден, что если ты будешь достаточно упорно работать над поставленной целью, то сможешь начать свой бизнес – свободный

1 Письмо написано по-английски.

сантехник и инженер-теплотехник. В перспективе ты будешь зарабатывать куда больше, нежели где-либо еще, работая на кого-то, и сможешь делать массу вещей, помимо этого, в том случае если будешь зарабатывать минимальное количество денег, чтобы на них жить. Я по-прежнему думаю, что, при минимальном доходе, на который можно опереться, это постепенное налаживание торговли старинными предметами не такой уж глупый план, при том что Вим знает голландский, а ты – британский рынок, у тебя есть контакты с аукционами (Джордж). Тебе придется сосредоточиться на вещах, которые дают хороший оборот, не будучи при этом неподъемными. (Не крупная мебель, а фарфор, стекло и т. д.). Я снова начал думать обо всем этом в Испании, потому что, странная штука, в этой малоразвитой стране они всё еще изготавливают совершенно прекрасный викторианский китч, большие садовые сооружения, состоящие из колонн, на которых размещаются фарфоровые громадные цветочные горшки, статуи задумчивых дам в прелестнейших оттенках, пары ваз, за которые любой британский сноб отвалил бы фунт за штуку, и здесь это не стоит более чем два-три шиллинга, и даже меньше, если покупать их в больших количествах из гончарен, я уверен, и самому отправлять в Голландию. Ну, я не знаю. Жаль, что ты ненавидишь ремесло, которому обучался. Я думаю, что ремесло это честное и уважаемое, и полагаю, это не хуже, чем торчать в витрине или дефилировать на показе мод, вовсе нет. Я всегда жалел, что не выучился такому ремеслу, как это, я хочу сказать ремеслу, которым я мог бы независимо зарабатывать себе на жизнь, какой бы

ни был язык или обычаи и всякое такое. Но всё это твой вопрос, не мой, и прости, что я вмешиваюсь в твои дела. Мне так неловко, что я совсем забыл про твой день рождения, но эти недели особенно были довольно трудными, и мою забывчивость можно извинить. Надеюсь привезти с собой что-нибудь славное для тебя, когда на какое-то время вернусь в Амстердам, в сентябре или попозже.

Я, наконец, начал понемногу говорить по-испански, это совершенно необходимо, ибо человек, который говорит хоть немного по-французски, тут большая редкость. Из-за того, что их базовое, начальное образование в разы хуже, нежели в Британии, у них отсутствует фундаментальная способность быстрого восприятия языковой проблемы в общем, под чем я подразумеваю, что они не могут распознать одно и то же слово, какой бы несущественной ни была разница, если ты произносишь его на латыни или французском. Это то, что делает общение таким безнадежным. Нужно говорить на их языке достаточно хорошо, или пропадешь. Так что хочу я того или нет, я говорю по-испански с каждым днем всё лучше, но по-прежнему весьма недостаточно. Они очень милые, галантные, отзывчивые и нехапужистые люди, и единственная неприятность в том, что они разговаривают всегда в одном и том же громком тоне, и поют и пляшут до двух или трех ночи, на улице и где угодно, просто там, где им в голову взойдет. Но не бойшься, что тебя нагреют на сдаче или еще на чем-нибудь. Мы на днях потеряли багаж, Р. и я, на пути из Малаги в Альхесирас, потому что он отстал и не был погружен в автобус. Р. запаниковал, но я заверил его, что всё будет в

порядке, и так оно и вышло – по нашему запросу у дежурного он пришел на следующий день (он прибыл, час простоял на улице, невостребованный, и потом был отправлен обратно; на Севере от самой мысли об этом тебя бы дрожь пробрала). Я совершенно не волнуюсь из-за мопеда, у которого я запер только руль и не потрудился навесить большой замок, потому что здесь никто ничего ни у кого красть не будет – им сама эта идея чужда. Они могут попросить у вас пару песет, но красть – это ужасно. Погода отличная, по крайней мере здесь (в Малаге уже становится слишком жарко), где довольно тепло в течение дня, но холодает к восьми вечера. Прошлой ночью был шторм и даже дождь, и утром было холодно, довольно необычное явление, но это то, чему для разнообразия радуешься.

Теперь, дорогой, мне нужно заканчивать, потому что нам нужно идти есть *salamares* (кальмары). Храни тебя Господь. Целую тебя и тискаю твой восхитительный зад. (В постели я был с тобой по меньшей мере 150 раз, если ты понимаешь, о чем я.) *Tu tienes muy bonitas nalgas*¹. Наилучшие пожелания от твоего брата во Христе

Герарда.

1 У тебя очень красивый зад (*исп.*).

Альхесирас, Пров. Кадис
Отель «Мадрид», Сигизмундо Морет 4

Герард Корнелис ван хет Реве – Виму Й. Ш.

На мотив «Хеттской жены».

Песнь.

197

Милый и весьма неверный попкомальчик!

Нынче днем или, вернее сказать, вечером, без десяти восемь, Р. отбывает поездом Альхесирас-Мадрид, который здесь разгоняется прямо перед дверью, все машут, возбуждение, солдаты бросают в воздух фуражки и т. д. Я ходил за покупками, чтобы дать ему с собой мощный запас еды и питья, ибо я страшно боюсь, что его ссадят. (Это то, что они делают в интернациональных поездах в Испании, и это весьма противоречит поведению испанцев в целом, и особенно здесь). Я сломал голову над тем, чего бы такого передать для вас, поскольку из еды тут ничего, буквально ничего, что стоило бы трудов тащить с собой, ибо я испанскую кухню считаю великолепной, но в объективном понимании она неописуемо скверная, можно сказать, английская кухня с наипревосходнейшими ингредиентами. Только крупные сардины, жаренные во фритюре, или мелкие кальмары, которые невозможно испортить, я имею в виду, они всегда вкусны сами по себе, их приятно есть. Но я так рассудил: я по возможности ем сам по себе (это, кроме того, можно делать в тайне), а если я «выхожу» поесть, то в харчевне, где блюдо стоит от 5 до 11 песет и определенно не ниже качеством и

количеством не меньше, чем такое же, какое получишь за 22 песеты в так называемых ресторанах. Я купил каменную сковороду и жарю в ней на пляже сардины, на огне меж трех камней, сперва потушив в ней чеснок с оливковым маслом и вином. Но для вас я купил скопцовую колбаску¹, нечто вроде испанской салями, придется ли она по вкусу, гарантировать не смею, но она стоила в точности 66 песет (4 гульдена), я не то что думаю, что ты должен всегда так всё точно подсчитывать и называть, но это просто для того, чтобы вы знали. Думаю, она весьма неплохая, но, подозреваю, необычная и сладковатая, с привкусом перца, который замечаешь только тогда, когда довольно долго ее ешь и больше не хочешь, чтобы тебе напоминали об обеде. Это письмо передаю с Р.

Три сотни гульденов из амстердамского банка пришли, и я перевел их в песеты, которые положил на cuenta corriente², из чего они сделали вывод, что мне нужна чековая книжка, которой я теперь обладаю, в весьма приятных тонах, цвета морской волны с красной надписью Banco de Bilbao, в обложке из искусственной темно-зеленой кожи. Р. попросит у тебя для меня две пашотницы, одну эстетическую, желательно серого цвета, а другую нежного и не кричащего цвета. Пришли мне как можно больше финансовых обзоров, чтобы я был в курсе. Я отдал распоряжение Амстердамскому банку заплатить эти тысячу сто и столько-то гульденов в налоговую, ничего не подделаешь, откладывать нельзя. И в конце концов это всего лишь

1 Имеется в виду чоризо – испанская колбаса с острым красным перцем.

2 Единый счет (*исп.*).

единовременный платеж. Ты запишешь сразу же по поступлении все доходы в тетрадь доходов? Господи Иисусе, если за этим не следить, я не выпутаюсь и меня оштрафуют, наложат арест на сальдо у издателей и т. д. О, спасибо за твое усердие в отношении выплаты по пенсионному обеспечению – я сразу же отослал. Я, должно быть, еще всякие вещи забыл, за которые должен тебя благодарить, но ты уж не сердись на меня. Если сомневаешься, получил ли я сообщения, спрашивай тогда определеннее.

По-прежнему никакого секса тут, сейчас есть, завтра нет. Здесь другой народ, не такой, как у нас, и секс в их жизни занимает совсем другое место. Романтической любви не существует, из чего и проистекает гомосексуальность-по-необходимости, но г. с. с любовным идеалом не существует. А секс без декадентства, ностальгии, обожания, страстных желаний и т. д. для меня не секс.

Ладно, я ожидаю, что смогу работать здесь и спокойно остаюсь еще на какое-то время – симпатичный парень меня через месяц отсюда выставит. Я немного устал от этих бесконечных скитаний и хочу сперва не торопясь изучить этот город. Если я могу жить в хорошем отеле за 2100 гульденов в месяц, то должен найти себе что-нибудь сам, как частное лицо, за 50 гульденов. Напишу текст, попрошу Г. Б. перевести для меня и отпечатаю в нескольких экземплярах. Трудность в том, что они не понимают, что ты можешь быть не богачом, не голодающей богемой, но обычным трудолюбивым парнем из обывателей, с пристойным по их нормам доходом, и желаешь жить как испанец, одна-две комнаты, кухня снаружи, в патио, вода, в

крайнем случае без электричества. Знаешь ли ты, что с меня наконец свалилась куча тревог – тут этому учишься. И дня не бывает, чтобы я на кого-то сердился, и это, на мой взгляд, здорово. Больше я не пью крепкого, только вино. Это хорошо и благотворно, но потребление и этого я собираюсь сократить, до максимум 1 литра (теперь примерно 1¼ - 1½ литра) в день.

200

Ханни во вторник приезжает в Малагу, я постараюсь устроить ей приятный отпуск.

Ну, на этом тебя оставляю, ибо нам нужно продолжать собираться и за всем присматривать и т. д.

Чмокаю вас обоих, ваш

Герард.

P.S. Ты получил версии моего «Письма из Страны Писателей» из рук Людо или же письмом, которое я дал ему отправить? И есть ли у тебя еще чистовик последней версии, от Герта?

* * *

*Альхесирас, Пров. Кадис, 5 июля 1963
Отель «Мадрид», Сигизмундо Морет 4*

Милый Мальчик,

Большое спасибо за твое письмо и за всё, что ты уладил. Я был очень рад письму. Если я здесь не стану вникать в каждую его деталь, не означает, что я не считаю, что оно не заслуживает внимания, а просто от меня что-то ускользнуло в суматохе и т. д. Ханни благополучно прибыла сюда, и

поскольку ровно за день до этого мопед сдох (из задней оси вытекла смазка, конусы подшипника и шарики погорели, я написал в дёйвендрехтский НМW, чтобы прислали мне новую ось с крышками, конусами и т. д., и в крайнем случае, если они боятся за свои деньги, позвонили тебе. Сегодня я узнал, что завтра утром на почту поступит для меня пакетик, но ось ли там, не знаю. Не мог бы ты на всякий случай позвонить в НМW в Дёйвендрехте, они там уже что-то предприняли?), я за 90 гульденов в неделю нанял Vespa¹, который очень хорошо себя оправдывает (мои интернац. права позволяют мне тут его водить). Я нахожу, что ездить на нем гораздо безопаснее и мягче, чем на мопеде. (4 скорости, макс. 80 км., расход 1 на 32 км.) Таким образом мы перемещаемся – из Малаги сюда мы тоже приехали на скутере – и Ханни, похоже, от души развлекается, порой она малость мешаствует, но в основном всё идет отлично. Славная это идея – устроить ей, наконец, каникулы.

С моими собственными планами выглядит в глобальном смысле следующим образом: я бы хотел в конце августа – начале сентября поехать в Лиссабон и потом, к середине сентября или раньше, вернуться в Нидерланды. Вообще говоря, я решил, что это благословенная страна, чтобы уезжать туда на два-три месяца, но не жить там. Я отлично могу обходиться один и потому хотел бы купить небольшой дом в провинции, в Нидерландах. (Если Аннет ван Баттум смогла купить маленький крестьянский домик с землей за 800, смогу ведь я что-нибудь найти в Дренте, Пеле или Брабанте за 1500-3000). Тогда у меня будет собственное ме-

1 Культовый итальянский мотороллер.

сто, и я буду только время от времени наезжать в Амстердам, для обсуждений и т. д., и там с удовольствием останавливаться на Оудерзейдс Ахтербюргвал. По-моему, домик в провинции и прибрежище на Юге на месяц или где-то так, каждый год, куда лучше, нежели попытки осесть здесь, ибо это не тот народ, который мне по душе, как ни ценил бы я его честность, чистосердечность и дружелюбие. И через два месяца солнца ты уже всему доверяешь, большего тебе не нужно. Дай мне знать, что ты об этом думаешь. Неделю назад я хотел дать объявление в «Волкскрант», а задолго до того написать в Государственное управление Статистики об областях, из которых утекает население и где стоят пустые дома, ибо так оно и есть, там и сям, во Фрисландии, например.

Пока что я остаюсь здесь. Я ценю климат и относительно беспечный покой, но нахожу мало вдохновения. Надеюсь, что через пару дней напишу нормальное письмо. Тоскую по тебе.

Прощай, зверь, остаюсь твой

Герард.

* * *

*Альхесирас, Пров. Кадис, суббота 6 июля 1963
Отель «Мадрид», Сигизмундо Морет 4*

Дорогой Вими,

Мое вчерашнее письмо было не вполне удачным, иными словами я писал его, будучи очень усталым, ибо я думал, что иначе снова это затянется на несколько дней, и поверхностное, не-

брежное письмо всё же будет лучше, чем никакое. Сегодня же, встав очень рано (6.30), хочу написать тебе поподробнее, а также с большим количеством нюансов. В настоящее время, как я уже писал тебе вчера, обозначились мои планы на будущее: окончательно осесть в Нидерландах, с ежегодным длительным пребыванием на Юге: я чувствую, что выбрать основное пребывание в этой стране было бы глупо, ибо она не вдохновляет меня. До сих пор, если не считать некоторой меланхолии первых недель, у меня было довольно ровное и уравновешенное состояние духа, и я ни из-за чего не волновался, но присутствие Ханни меня подавляет, и я ничего не могу поделать, и со времени ее приезда у меня продолжается то, чего не было, невзирая на несварение и всякое такое, в течение двух месяцев: гадкий вкус во рту и дурной запах изо рта, на что Ханни обращает мое внимание каждые два часа. Она, конечно, является большим балластом из прошлого, и мне кажется, что у нас, кроме изрядного количества анекдотических воспоминаний, ничего или почти ничего общего нет. И от сеяния паники и объявлений печальных вестей я схожу с ума. Ладно, мы нарезаем круги, и сдается мне, что она наслаждается, а это главное дело.

Но теперь некоторое количество практических замечаний касательно того, как я представляю себе обосноваться здесь. Как только мопед будет готов, я не стану на нем ездить, потому что больше не доверяю ему и у меня чувство, что могу к чертям застрять меж двух городов, если буду возвращаться на нем. Кроме того, у меня вдвое больше багажа, нежели я могу погрузить на него. Нет, я отправлю багаж в Севилью, поеду на мопеде вслед

за багажом и в С. погружу всё, мопед плюс чемоданы, на лиссабонский поезд. Там пробуду какое-то время, а потом на пароходе благодетеля – в Роттердам. Я подумывал остаться здесь и дожждаться Перкина, ведь через четыре недели Ханни уедет, и может быть очень даже мило, если я попрошу его задержаться тут еще на неделю-другую после его отпуска с Джоном С. (!) – они хотят еще один день или вроде того провести здесь поблизости и в Северной Африке. Потом неделю в Лиссабоне, а потом, разумеется, зависит от того, насколько часто ходит пароход и как долго я хочу пробыть в Лиссабоне.

Ну, теперь пока не забыл: когда я уезжал к Людо в Роттердам, оставил большой конверт на твое имя, я спешил, марок у меня не было, так что они его должны были сами отправить. В этом письме – все черновые версии «Письма из страны писателей». Ты ведь получил его? То, что отпечатанная конечная версия еще не дошла к тебе от Герта ван Орсхота, это понятно, потому что он хочет еще попридержать ее для ревизии. Однако смотри, получи ее потом, потому что эти черновые версии плюс чистовик опять принесут 100 гульденов, хочешь верь, хочешь не верь. Я напишу Оверстегену, но не сегодня. У меня просто голова кругом, потому что мне нужно писать примерно пять писем в день, если я хочу поддерживать личные и деловые отношения на должном уровне.

Теперь что касается моего приезда. Я думаю, что конец сентября – было бы неплохо. Я хотел бы тогда изучить крупные области Нидерландов, автобусом или поездом, после откликов, объявлений и т. д. Погода будет еще хорошая, а сезон уже

кончится и тебя не станут путать с купальщиком или иным туристом. Я хотел – но не знаю точно, правильная ли это идея, я имею в виду, смогу ли я получить информацию о лице, которое, я думаю, ею владеет – написать в Статистическое бюро и запросить сведения. Существуют местности, откуда народ оттекает только потому, что там нельзя основать никакой промышленности, почва слишком неплодородная, чтобы приносить выгодный доход по сравнению с работой на крахмальной фабрике, что 16 километрами дальше, и т. д. Если я осяду где-нибудь, я бы очень хотел иметь при себе Жюстину, если не возражаешь, чего ты, конечно, делать не будешь, учитывая то, что тебе больше по сердцу Дениза, да и М. находит Жюстину весьма «норовистой».

Может статься, что мне придется довольно долго пробыть на Оудерзейдс Ахтербюргвал, хотя, конечно, я могу на недельку к Людо или к Сестричкам¹ в Гаагу. Днем еще не так плохо всё, ибо я вовсе не возражаю против того, чтобы делать для вас покупки. Ладно, в первые недели будет, разумеется, потрясающе, раздражение появится только потом. Но да, мне нужно где-то жить, и я не могу тратить деньги на гостиницу, когда у меня есть дом, это уж слишком.

Напиши мне, что ты думаешь об этом плане и, если у тебя появятся соображения насчет того, где я могу получить сведения о населении, сразу же справься. Ваши поприща кажутся мне не слишком возбуждающими, твое еще сносное, и по крайней мере два дня в неделю свободных, хотя и дождит постоянно.

1 Сестры Мейер, приятельницы Реве.

Сейчас девять, но еще никаких признаков Ханни.

206

Видишь, на это письмо я затратил почти 1¼ часа, тогда как у меня уже лежат конверты с адресами и марками еще для троих людей, но я уже вижу, что опять ничего не получится. Вот так время идет. Я наполовину закончил «Письмо, найденное в бутылке», но знаю, что ни слова не смогу написать, пока Ханни тут. Ладно, молчи насчет этих вещей, нет никакого смысла ворошить прошлое, и мы все понимаем, что за штука жизнь. Я отлично знаю, что как только обоснуюсь в своем доме, буду поддерживать контакты в лучшем случае с тремя-четырьмя людьми, разумеется, если не считать деловых отношений. Теперь наилучшие пожелания, надеюсь вскорости получить от тебя письмо. Люби М. покрепче, он такой милый, и для него у меня тоже отложен конверт с маркой, так что это не затянется, и я боюсь, что напишу ему очень чувственные, возбуждающие вещи, так что ты уж его предупреди. Тоска по тебе вполне приемлемая, потому что по М. она несколько сильнее, но самая большая – по Покою, в собственном уголке, где мои ненависть и раздражение несколько поостынут. Да преисполнится твое сердце Духом, веющим, где ему угодно. Целую вас обоих,

Ваш

Герард.

Альхесирас, Пров. Кадис, 18 июля 1963
Отель «Мадрид», Сигизмундо Морет 4

Дорогой Вим,

Большое спасибо за твое длинное письмо. Из него я не смог определить, занимался ли ты делами с фабрикой НМW, а я тут, в эту жару, не могу найти в бумажных залежах копию, так что не знаю, это ты отреагировал на мое последнее письмо или на предыдущее. Я еще не знаю, что буду делать, в смысле не хочу приниматься за дело второпях, но не знаю, собираюсь ли обосноваться на Оудерзейдс Ахтербюргвал, хотя определенно сделаю это, если в этом будет хоть какой-то практический смысл на настоящий момент. Твой тон звучит несколько агрессивно, сдаётся мне, и твое представление о положении дел кажется мне довольно односторонним. Кроме того, если имеется сторонник принципа «рано в кровать, рано вставать», то это я. Короче.

За это время я подробно написал г-ну Р. и надеюсь, что, благодаря его пособничеству, за 6-10 месяцев получу какие-либо предложения. Этот трёп и детский сад – с меня хватит, где бы я ни жил – кстати, я собираюсь совершенно удалиться от людей и поэксплуатировать собственное безумие, иными словами, дать ему право на существование в письменной форме. Я прекрасно могу обходиться один, тут ты определенно ошибаешься. То, что у меня в гостиницах порой нервы сдают, происходит потому, что ты не один: постоянно мойры по коридору, дважды в день кто-то в твоём номере, который всё перещупает, невозможность

готовить Тайную пищу, что означает питание в ресторанах, а здесь, в этой стране, это ужасно, потому что за те же деньги или еще дешевле можешь собственное дерьмо жрать, так скверно здесь готовят, а ты знаешь, что я обычный прожорливый крестьянин, с которым трудностей не бывает, но это превосходит всяческое описание – из-за этого страна сия совершенно не подходит для твоих и М. каникул, и деньги тут ни при чем. Единственное, что еще съедобно, это жареная рыба (да и ту скверно жарят, без панировки и фантазии, в дешевом соевом масле), и это именно то, чего ты не ешь. Мясо сколь дорого, столь и несъедобно, хуже, чем можно получить у Популяриса за 28 центов. Но да ладно, главное, чтобы я нашел в Голландии собственное жилье и мог там оттягиваться вволю, видеть призраков, работать дни напролет или бить баклуши, с другими держи рот на замке и только пиши себе. Это я сделаю точно, ибо так нужно ввиду того, что это, слава богу, мой хлеб. Моя трагедия в том, что, кроме кучи всяких разных вещей, тот факт, что люди, которые играют в моей жизни какую-либо роль, безмерно ревнивы: Ханни, ты, Р.

Короче, я не теряю присутствия духа, мямлю, говорю в голос и т. д., ни с кем в общение не вступаю, попросту потому, что у меня иной темперамент, нежели у здешних, и кроме того, у меня нет особой охоты до разговоров только о том, сколько снега выпало в Нидерландах или о племяннике, который работал на Государственных приисках и так его там плохо кормили. Завтра мы с Ханни едем в Малагу, а на следующий день отвезу ее на аэродром. Эту будут два тяжких дня по жаре. Мне явно понадобится денек, чтобы прийти в себя по

возвращении. Постепенно делается чудовищно жарко, здесь тоже, где, когда я сюда только-только приехал (к концу мая) было еще божественно холодно. Теперь делается прохладно только в четыре-пять утра. На пляже всё так же чудесно, но по рабочим дням автобус проезжает только половину пути. Это не очень важно, но позвони Ван Орсхоту и скажи, что корректура и книги прибыли, и что я охотно получил бы 1 экз. «Тирады». Но это он и так пошлет, надо думать. (Пусть отправит один на ОЗА и один сюда). Теперь время заканчивается, уже поздно, а завтра опять начнется беготня. Расстояние от Малаги – это чума и означает потерю нескольких дней. Я не понимаю, почему в Альхесирасе нет аэродрома или он не сотрудничает с Гибралтаром, где аэродром есть. Он, конечно, интенсивно эксплуатировался бы из-за своего выгодного расположения. Чмоки, прежде всего М., от твоего трезвого (с песнью на устах) Прежнего Друга

Герарда.

* * *

Альхесирас, 10 августа 1963

Почта: Consulado de los Países Bajos¹

Танжер, Марокко

Милый Мальчик,

Не писал тебе две недели как минимум, а то и больше. Всякий раз, начиная письмо, я чувствую некое сопротивление, которого нет, когда я пишу,

¹ Консульство Нидерландов (исп.).

скажем, Р., Людо, Ван Орсхоту или другим. Я хочу сказать, что, когда пишу им, чувствую себя совершенно свободным, а с письмом к тебе мною будто что-то овладевает, что-то следит за моими словами, тормозит меня, заставляет меня стыдиться, короче, это мешает мне. Удивительно. То твое письмо не привело ни к чему хорошему – странное, оскорбительное послание.

210

Я начинаю яснее смотреть на самого себя и некоторым образом раскрываюсь, возможно, именно благодаря моему практически полному одиночеству. В основном я предвижу неудобства обратного рейса. Гороскопы Йозин скоро будут готовы, я имею в виду ее детальное предсказание моей судьбы в этом году. В сентябре всё будет в порядке, то есть ждать еще три скучные недели. В июле короткий период «напряженной и хорошей работы», и это было верно, потому что Дорожное письмо («Письмо, найденное в бутылке») я отослал неделю назад, 3 листа (± 30 в «Тираде»), и это поистине, как я и надеялся, увенчало все письмо, такое оно шокирующе и апокалиптически пророческое и т. д. Я больше ничего не боюсь. Всё больше и больше мною овладевает желание не прекращать путешествовать и, например, поехать из Танжера далеко-далеко вдоль западного побережья, но да, осуществимо ли и разумно ли это, также и с гигиенической точки зрения, климата, политических беспорядков, я не знаю.

Я понимаю многие вещи лучше, чем прежде, и лучше узнал самого себя. У меня имеются отчетливые комические, истерические и риторические черты, но я не пыльным мешком треснутый, я начинаю осознавать, что должен использовать свои особенности – которые по большей части портят

мне кровь – в литературе, а не для того, чтобы болтать или устраивать ссоры. Я больше не могу сидеть на месте и должен непрерывно писать, частные письма или Дорожные. У меня возник план печальной истории; возможно, приступлю к ней в Танжере. Согласно гороскопу, сентябрь невероятно подходит для приобретения великолепного дома. Танжер уже не такой, как три года назад, он сделался мертвым городом, поскольку торговля обрушилась после того, как Марокко расторгнуло Статут¹. Все теперь обнищало, так же, как и само Марокко. Апартаменты стоят пустые – это рассказывает всякий – и стройки заморожены, и вечером в половине двенадцатого все в постели. Но всё-таки райское место. Берроуз пишет мне (он опять живет там, встретит меня и порекомендует дешевый и отличный отель), что “houses and real estate are very cheap”². 4-х километровый великолепнейший пляж. Мне нужно хорошенько подумать об этом, но сперва надо месяц тут посидеть. Завтра переход. Знаешь, что странно? Что я, кажется, совершенно оторвался от тебя и почти не могу представить себе, как ты выглядишь. Но да, возможно, когда я увижу тебя и твое лицо и движения вновь вызовут в памяти то странное, перехватывающее горло, смешанное с яростью обожание, с молениями обнажиться для меня, чтобы я смог удовлетворять себя, с Правдивыми Историями, да, тогда всё вновь по-прежнему. Как бы то ни было, я, думается мне, ни с кем больше не могу построить бытие, ибо слишком много во мне ин-

1 В 1956 Танжер вернулся в состав Марокко и потерял статус международной зоны.

2 Дома и недвижимость очень дешевы (англ.).

дивидуального и слишком часто я оставляю отпечаток на чужих жизнях. Тот, другой, должен будет играть двойную роль: властвовать путем подчинения. Да ведет тебя Господь, милый мальчик. С теплом, твой

Герард.

Танжер, Марокко, 10 августа 1963¹
С этого числа: Consulado de los Países Bajos

Дорогой М.,

Вчера, вооруженный подводным воздухом, который дышит, но также и смотрит, с шариком в трубке, я пошел на la playa². Но спускаясь по тропинке, погруженный в раздумья и мурлыча себе под нос, я внезапно увидел, что она перегорожена 1700-фунтовым быком примерно 3½ лет. (Они пасутся тут неподалеку, и это, должно быть, от скуки или из-за любопытства: посмотреть, как оно там, на пляже). Я не осмелился развернуться и броситься назад – я практически налетел на него – и также не осмелился обойти его кругом, ибо он мог с легкостью принять это за скрытое нападение. Конечно, я мог бы просто схватить его за рога и столкнуть с тропинки, но ты не станешь винить меня в том, что я этого не сделал. Я подумал, что можно помочь делу, поговорив с ним. Итак, испытывая сильное желание отлить всякий раз, когда я осмеливался взглянуть на рога

1 Письмо написано по-английски.

2 Пляж (*исп.*).

длиной примерно в ярд с четвертью (влажные на концах, словно спицы великанши), я заговорил с ним: «Послушай, пожалуйста. Мне нужно пройти, потому что я Добрый Домовой. Мне нужно делать большую работу – я имею в виду, у меня полным-полно дел, орехи собирать и всякое. Ты сам знаешь, что домовым расслаживаться некогда» и т. д. Сперва мне показалось, что он бросится в атаку, потому что он слегка наклонил голову, но потом вздохнул и медленно-медленно убрался восвояси. Так что видишь, как понятливы животные.

Надеюсь, что у тебя всё в порядке. От разных людей, которые мне пишут, я слышал, что у вас там исключительно хорошее лето.

Мой английский, как мне кажется, стал хуже. Испанский у меня никогда не был хорош и не будет никогда, потому что люди и их образ жизни мне чужды, под чем я подразумеваю не только то, что они другие, но они недоступны моему пониманию. Эти люди не ведут сознательную человеческую жизнь, но живут как животные, и это не просто низкий и негигиеничный образ жизни. Убожество невероятное. Ничего веселого в том, чтобы родиться англичанином, но слава Богу, что ты не родился испанцем. Почему, несмотря на всё это, испанские мальчики могут быть так хороши собой, я не могу понять. Просто дыхание перехватывает, и они обычно даже не подозревают о своих внешних данных. У них тела как у пантер, но в то же время они такие милые, такие ребячливые и незащищенные, и когда они улыбаются, можно в обморок упасть. Ох, мне нужно остановиться.

Ослы тоже очень милые и такие красивые, но у них, как и у всех домашних животных в Испании, очень тяжелая жизнь. Я всегда отдаю им свой ку-

сочек сахара, который не кладу в кофе. Я думаю, что если когда-нибудь до Судного дня Бог вновь позволит впутать себя в Живую Материю, Он вернется в обличье Осла, сможет пробормотать только несколько непонятных слогов, измученный жестоким обращением и избитый, однако я пойму Его и отправлюсь прямо в постель с Ним, но сперва я оберну ветошью Его копытца, чтобы Он не слишком исцарапал меня, когда станет брыкаться, кончая. (Ибо кто устоит, когда Он явится¹). Всё в духовном смысле, и не в обиду будь сказано (и никакой обиды не зачтено). Первые будут последними.

Я люблю тебя, мой сладкий, гугнивый, крепкотелый, застенчивый, красивый, дурковатый и прелестный Мальчик, женатый теперь на моем бывшем Дружке, ибо мир не стоит на месте и всё меняется. Поцелуи, покусывания и нежнейшие Похлопывания, твой милый, милый Медведь

Герард.

* * *

Танжер, Марокко, 13 августа 1963

Милый зверь,

Позавчера я прибыл в Танжер и теперь маюсь ужасной тоской по Нидерландам. Всё здесь не так: цены, шум и прежде всего то, что день напролет тебе досаждают мужчины, которые желают продать марихуану и т. д., и на пляже – мальчики и молодые мужчины, жаждущие секса в дюнах,

1 Мал. з: 1-3.

сотнями, и которые ожидают за это дирхам (75 центов) или пачку сигарет, или кофе или пива на террасе. Посему это город, в который стягиваются все испорченные, впавшие в цинизм гомосексуалы. Кроме того, здесь имеется также некоммерческий гомосекс, но всё тут столь неромантично и по-животному, что я много лет уже не чувствовал себя таким одиноким и печальным. В первом отеле был только один номер на двоих, и никто не съезжал из другого, так что этот я счел чересчур дорогим. Теперь я живу в Медине (арабская старая часть города), рядом с Petit Socco, в отеле Victoria, но и он мне не нравится, ибо он невыразимо голый, шумный и стоит ни много ни мало 700 франков, 7 дирхамов = 5¼ гульденов, что дорого до нелепости для этого района. Но я прослышал, что Carlton лучше и стоит всего 500. Возможно, перекочую в Мамора, что, конечно, будет чуть дороже, но, надо думать, предоставит куда больше комфорта. Что касается дешевизны в Танжере, то это покамест правда: если у тебя чуть больше денег, чем у меня, и если ты, стало быть, живешь по чуть более высоким стандартам, нежели я, всё вдруг становится дешево. По словам Берроуза, через агента по недвижимости, который возит тебя по всяким местам, можно получить пустые апартаменты за 150 гульденов в месяц, 4-5 комнат, 100 гульденов за 2 комнаты с кухней. Но я всё же здесь не останусь. Берроуз меня не встретил, и я разрывался между гостиничными курьерами и таксистами – ну и вот, если посчитать, 6-7 гульденов убытка – и рекомендованный им отель был полон. Кстати, он там и не жил никогда, а жил на вилле на краю города, адрес которой я получил по величайшему секрету. К счастью, в этом отеле был

американский поэт, друг Берроуза, Алан Ансен¹, который сердечно принял меня. Вечером пришел Берроуз с еще какими-то друзьями, но было как-то не так, ибо вся шайка «курит» и колется и чего только не вытворяет, а из двоих-троих, которые этого не делали, – по крайней мере, насколько я знаю, – один был в хламину пьян и практически без сознания, чтобы с ним разговаривать. Этот Ансен был настолько добр, что оставил меня спать на террасе на своей крыше, на диване, дивно, город в глубине, так высоко, что мертвая тишина, восхитительно прохладно и т. д. Но я, вообще говоря, рад, что убрался подальше от этой банды. Они дружелюбные, но коммуникации ноль, и прежде всего Берроуз производил впечатление человека, с трудом понимающего, где он находится. Всё это мне совершенно не нужно.

Послушай, зверь мой драгоценный. Я еще жду Перкина, но завтра иду в судоходную компанию, о которой мне сообщил Syndicat du Tourisme и т. д., справиться об их услугах в Лиссабоне. Каждую неделю на это надеюсь. При первой же возможности после визита Перкина уеду отсюда, неважно, сколько мне придется ждать в Лиссабоне. Рассчитываю в итоге или, по крайней мере, стремлюсь к середине сентября вернуться в Нидерланды и где-то числа 20-го – на Оудерзейдс Ахтербюргвал. Разумеется, это может случиться и раньше – я хочу сказать, представь, что судно отходит отсюда в Лиссабон 25-го или 26-го, и я смогу отплыть из Лиссабона уже 28-го? Посмотрим. Я очень захотел назад, в Нидерланды, что-то вдруг. Просто жду не дождусь, так что, возможно, я вовсе не стану

1 Alan Ansen (1922–2006) – американский поэт, драматург, представитель бит-поколения.

ждать приезда Перкина, ибо этот город обостряет страхи и действует на нервы. Я не люблю всех этих мусульман в странных лохмотьях, женщин в покрывалах (закрывающих примерно $\frac{3}{4}$ тела), и внезапно, в полдень с минарета, тут прямо под боком, вопли такие, словно восьмерых разом окатили кипятком, но это не что иное, как призыв на молитву, который в настоящее время благодаря современной технике передается через громкоговоритель гораздо дальше, нежели в прежние времена. Многие вещи как из 1000 и 1 ночи, но они редко мне нравятся. С животными резвятся они еще грубее, чем испанцы, если такое вообще возможно. Единственное, что меня зачаровывало, но и пугало, не знаю, отчего, возможно, потому, что слишком напоминало мне о детстве, о сказках Гауфа и т. д., это сказочник, по вечерам сидевший на бульваре с фонарем и большой картинкой, на которой – Аллах, Рай, ад, Левиафан, Пророк и т. д., – раскрашенной акварелью и напоминающей самую дешевую печатную продукцию 19-го века, вроде обложки довоенных романов с продолжением, которые и сейчас в ходу в Бельгии. Человек этот палочкой указывал на всё, рассказывал, но время от времени пускался петь, и до того странно, что я просто пугался. Время от времени он возносил хвалы Господу или что-то вроде того, думается мне, потому что тогда люди склонялись в поклоне, били себя в грудь и оглаживали лица. В конце концов он продавал текст из Корана на большом листе бумаги, с волшебным квадратом в конце, каковой лист складывал и засовывал в тонкую медную коробочку, которая потом тоже складывалась; всё это дело стоило 38 центов, так что я одну купил. Это амулет, и его можно носить на шее.

Если на Ахтербюргвал не заладится, я на время перееду в загородный дом к Перкину, так я думаю. Мне кажется разумным спать в гостиной, если стану засиживаться за работой. Тогда ночью у вас будет некая приватность, и вы даже сможете запереть дверь в ванную, чтобы я ее ненароком не открыл, после чего коты могут ворваться к вам и т. д. Милый, я боюсь, что всё еще очень люблю тебя. Тебе, я думаю, это, конечно, понравится, если только оно тебе не в тягость. Знаешь, в чем дело: это не сантименты, но мы такую значительную часть жизни прожили вместе или были связаны друг с другом, что так просто эта связь не оборвется. Мы не слишком понимаем друг друга, но знаем достаточно хорошо. Ну что же, теперь уже поздно. Мы оба виноваты: ты – потому что скрывал всяческие чувства, я – потому что был обуреваем безумнейшими искушениями. Мне это кажется весьма печальным. Согласно гороскопу в сентябре всё будет хорошо, а в ноябре-декабре Великая Любовь скрасит мою жизнь. Но пока что ничего не происходит, и я чувствую себя более покинутым, и жизнь представляется мне совсем бессмысленной, и Бог кажется дальше, чем когда-либо прежде. Да, я странный и очень подвержен настроениям. Лягу пораньше. Пью я не слишком много, порой меньше литра вина в день. (И совсем не пью крепкого).

Боюсь, что письма идут слишком долго. В консульстве сказали, что почта из Нидерландов приходит к ним только по средам и пятницам. Так что попытайся отправить письмо не позже понедельника или, соответственно, среды (авиапочтой или

аэрограммой) с Главпочтамта. Милый, я очень много думаю о тебе. Я никогда не смогу измениться, но я люблю тебя.

Крепко обнимаю тебя в слезах,

и, разумеется, привет М.,

твой

Герард.

219

* * *

Танжер, 15 августа 1963

Милый Зверь,

Моя тоска по родине принимает ужасные формы, и это еще хуже, потому что для того, чтобы я мог уехать, мне нужно ждать денег, которые я заказал письмом 8 августа. Не мог бы ты на всякий случай, – ибо никогда не знаешь, дошло ли письмо, – сходить в Амстердамский банк и спросить, отправлены ли на мое имя 400 гульденов, а именно в Banque Commerciale de Maroc, Boulevard Pasteur, Tanger, Мароссо? Ибо представь себе, если нет, я могу сто лет прождать, и никогда не знаешь – а вдруг я письмо забыл отправить, хотя трудно в это поверить, но ты сам знаешь, какие сомнения закрадываются в подобных беспомощных ситуациях. Я обо всем справился. В Лиссабон ходит пароход. (Мой багаж и мопед где-то 140-150 гульденов). Он отправляется 19-го. Но между тем я еще наводил справки, и теперь оказывается, что я могу отправить мопед + почти весь мой багаж

отсюда в Роттердам за примерно 180 гульденов. Это кажется мне наилучшим решением, и потом я хочу налегке, практически без багажа, вернуться поездом. Бог знает, сколько в противном случае мне придется проторчать в Лиссабоне, и что значат те же две-три сотни гульденов, если я за эти деньги могу вернуться домой, быстро и без всей этой тягомотины с багажом, такси и затаможиваниями-растаможиваниями. Этот отель довольно дорогой (7,5 гульд.), но очень хороший, очень опрятный (ежедневно скребут туалет с порошком Vim), и комната просторная, плитка на полу, отдельный душ, биде, горячая и холодная вода. И всё же я бы лучше сегодня весь хлам на пароход погрузил, чем завтра, и умчался бы на всех парах. Я оставил записку Алану Ансену, – его не было дома – и попросил его ссудить мне денег, и он это, надо полагать, сделает, ибо он well off¹ и знает, что мне можно доверять. Но его со вчерашнего дня нет в городе, думаю, что он у Берроуза на вилле, а у меня нет особой охоты ехать туда, из-за наркоты и т. д. Так что придется мне ждать, и потому я чрезвычайно опечален. Сегодня ночью почти не спал. Эта арабская музыка и пение вгоняют меня в безумную тоску. Но я держусь. Вот я знаю от Йозин, что в сентябре всё будет хорошо, и я могу еще до того оказаться дома, даже если придется еще пару дней прождать денег. Трудность только в том, что пароход, который заберет мои вещи, отходит 23-го, и за день до этого я должен уже иметь деньги. Если же деньги не придут, всё равно они должны быть, в таком случае, разумеется, телеграфом. Я отнесу это письмо на главпочтамт, ибо вечером или завтра утром будет

1 Обеспеченный (англ.).

самолет. (Почта приходит и уходит, но авиапочта только два раза в неделю, однако я уже это объяснял). Я очень нервничаю по всяким поводам. В консульство еще ничего не поступало, даже подтверждения о получении Дорожного Письма Гертом ван Орсхотом. Возможно, завтра всякое может быть, и я смог бы рассказать тебе об этом, попридержи я это письмо, но тогда оно опять придет неделей позже. Сегодня я чудесно поплавал и позагорал, и проститутствующие молодые люди ко мне не приставали. Они уже знают, что я их в упор не вижу, и думают, верно, что я не из этих. Полагаю, что через день-другой каждый знает уже, как ты живешь-можешь, ибо этот народец ошибается тут круглые сутки и ни о чем другом не думает, и всех они оценивают, и со временем ты застреваешь у них в памяти как негативный клиент. Когда на пляже еще тихо, они подбираются поближе к тебе, типа отлить, и демонстрируют тебе свой набухший член. Этим занимаются примерно все юноши – нечто вроде подработки, как в Дренте лук чистить, а в Катвейке – креветки.

Платить, я считаю, гнусно, и один-единственный раз, когда я очутился в такой ситуации, я быстро сделался бессилен. Я бы, конечно, мог иметь секс и сам получить за это деньги, это, вероятно, меня даже немало возбудило бы. Но все эти зажиточные иностранцы, по большей части американцы, болтаются здесь исключительно из-за того, что они, скорее всего, именуют сексуальной свободой. Какое болото это человеческое существование. Я должен писать, иначе я сойду с ума, это я точно знаю. Я всё время ношусь с идеями о пророческой книге, нечто вроде «Песен Мальдорора», но гораздо связаннее. Надеюсь, что Йозин права насчет сентября. Ибо тогда моя энергия будет не-

укротима, моя оригинальность ошеломительна, а умственные способности – блистательны. Если я весь сентябрь проведу за письмом, очень даже возможно, что из этого выйдет что-то хорошее. До сих пор мне не хватало решимости записать мои видения. Согласно гороскопу, прежде всего из-за моей Луны, я сделаюсь неопишимо знаменит, и всё это будет как-то связано между собой. Ревизм как сексуальное понятие, это будет что-то! Навеки запечатлеть свое имя в истории, подобно Ватту, Амперу и др., это не фунт изюму. Чушь, конечно, ибо всё это тщеславие. Во мне бушуют всевозможные религиозные штормы. Я бы хотел, чтобы Господь открылся для меня, но это, конечно, безрассудное желание. Как справедливо написала мне Йозин: Он откроется мне, как только у меня появится для Него время. Истинное слово. Ты отлично понимаешь такого рода вещи, хотя порой и делаешь вид, что не въезжаешь. Я частенько по вечерам в постели читаю начало от Луки, в новом английском переводе, и всякий раз плачу над пассажем о Симеоне в храме. Господи Иисусе, до чего прекрасно. Кстати, Лука с точки зрения литературной лучше всего написан, с изящными параллелизмами – я всегда так считал, и полгода назад в «Ньиве Роттердамсе Курант» была статья на полстраницы, в которой говорилось в точности то же самое, что я всегда думал. Это, конечно, великий и освободительный знак, Иисус Христос, я так думаю. Это символ великой, безоговорочной цели, к которой когда-нибудь должен прийти человек. Благодаря ему, например, мне достало духу подать голос на конгрессе в Эдинбурге, это я еще хорошо помню, хотя потом я не осмелился признаться в этом на бумаге из страха быть высмеянным. Возможно, я еще сделаю это. Как же я буду рад вернуться до-

мой – эта тишина, Господи боже. Спустя какое-то время станет казаться, что я в воспоминаниях раскрасил всё слишком нежно и слишком сладко, но посмотрим. Там должно быть меньше шума, чем в Испании или здесь.

Мальчики. Я надеюсь, что вы в добром здравии, и что погода всё еще порядочная. Дай Бог, чтобы золотко-М. нашел кое-что получше. (Работу я имею в виду, ха-ха). Да, порой я очень даже бываю в ударе. Писать в этот отель вряд ли имеет смысл. Знаешь что? Напиши-ка мне на Lista de Correos Альхесирас, ибо если я буду проезжать через него, то хочу утром прибыть паромом, а вечером сесть на ночной поезд в Мадрид, ну и заскочу на почту. Копию сохрани. Но да, я уеду отсюда самое раннее через пару дней, ибо даже если деньги придут завтра, то неохота мне двигаться с места в субботу – я лучше подожду до понедельника. Или, может быть, как только избавлюсь от багажа, почувствую себя настолько лучше, что захочу еще пару дней поблаженствовать на пляже под солнцем и подождать Перкина – кто знает. Этот мопед мне так на нервы действует. Я вот всё время надеюсь, что его сопрёт кто-нибудь, но нет, даже на туземном рынке, где я его как-то по случайности не запер. (Я думаю, однако, что страховка выплатила бы где-то гульденов 400). Ну, зверь, я тебе еще напишу, конечно. Передашь множество чмоков этому Великолепному Хищнику (That Fine Animal With The Excellent Buttocks¹)?

Твой навеки

Герард.

1 Этому прекрасному зверю с превосходным задом (англ.).

Танжер, 20 августа 1963

Милый Барашек & Братишка,

224

Сегодня я так счастлив. Во-первых, меня очень обрадовала твоя телеграмма, полученная утром в 10 часов, которая, согласно обозначению, была послана вчера в 4 часа (которую ты подал около полудня, зуб даю, но в наши дни ничто не делается быстро), а также очень тронут, да, часом позже в *Commerciale*, потому что деньги пришли. Между тем я попросил помощи у *Banque Hollandaise* (OLANDA TANGER тел. адр.) и телеграфировал насчет 400 гульд. (CABLE 400 OLANDA TANGER VIA TRADING AMSTERDAM VAN HETREVE), телеграмма послана в пятницу днем в 3 часа, но утром в половине одиннадцатого еще никаких известий в *Banque Hollandaise*. Дальше уже не имеет значения, придет ли что-то до моего отъезда или нет, поскольку у меня достаточно. Все цены оказываются приемлемыми: поезд 2-го класса Альхесирас-Мадрид 220 дирхамов = 155 гульденов. *Agencias Duanas* и эти, из *Transitos* и т. д., тоже ничего, потому что я начал ворчать, что не богатый американский турист, а обычный студент, посему всё – мопед + чемодан + вещмешок + дорожная сумка 171,50 дирхамов, то есть 123 гульдена. Заплатил обе суммы, получил билет и сейчас же сдам багаж тут неподалеку, в депо, после сиесты, для отправки в Роттердам.

Страшно мило, что ты послал телеграмму, потому что ты не мог знать, что я какой-то час спустя получил деньги, и я уже почти на стенки лез от беспокойства и пил как лошадь – нет-нет, только

вино и ничего больше. Скажи Р., что я получил его письмо – ответ на мое длинное, но не могу обещать, что напишу до отплытия. Однако горячие приветы и спасибо.

Вот мой план путешествия: завтра вечером, то есть в среду, я хочу сесть в мадридский поезд, прибывающий туда в 11 часов утра в четверг. В 11 часов вечера поезд на Андай. Оттуда отъезжаю в 14.46 (в пятницу днем, стало быть) в Париж. Туда прибываю около одиннадцати вечера, в субботу утром выезжаю в 7.35. В Амстердаме буду в 13.21. Ну да, из этого, разумеется, ничего не выйдет. А хотя, может, и выйдет. Я бы сказал: приготовь мне наверху мою постельку, положи ключ под коврик и оставь записку, какие продукты я могу брать, какие нет. (Полкофейника холодного кофе, чтобы разогреть, приветствуется). Больше никакой «икры метать» не надо. Особо никого не зови. Сувениры купить большая проблема. Надо бы мне завтра успеть на ранний пароход, чтобы в Альхесирасе побольше закупить, хотя и в Мадриде у меня времени будет навалом. Пишмашинку не отправил, возьму с собой, приковав к телу, да-да. Я такой ужасно распорядительный парень. С этим детским садом покончено. Кстати, у меня имеется совершенно новый план: больше совсем никаких посетителей, но по пятницам и субботам к 3-м часам у Хоппе¹ (2 раза черный кофе) устраивать приемный час. Можешь отделаться от людей, когда захочешь! Только выдержать характер и иметь мужество отваживать типов, которые тебе звонят и «тут неподалеку». Но через месяц, как я написал Р., ты уже к этому привыкнешь, ровно как к кофе без сахара.

1 Норре (нид.), кафе в Амстердаме.

Не слишком много писем и дел на мою голову, в одночасье. Потихоньку, я бы сказал.

226 Как бы я ни вертел-крутил задание Wagons Lits Cook¹, прибытие остается прибытием: в субботу днем, в 13.21, если я правильно понял (отъезд из Парижа в 7.35). Ну конечно, если погода будет мерзотная, приходи посмотреть. Если никого не будет, я останусь перед NZH-Кофейней². Прощай, милый Похотливый Зверь. Если бы мы только могли иметь Тайный Секс. Очень, даже просто с очень большой любовью к М. В «Письме, найденном в бутылке» – много о вас. Теперь иду отправлять, иначе оно больше не бег-бег-бег.

Прощай

поцелуйзверьмногососцеловатьпопкудрочитьисмотреть.

Герард

1 Международная логистическая компания, известная своими фирменными поездами (Восточный Экспресс).

2 Северо-Южно-Голландская Кофейня, построенная в 1912, находится в Амстердаме на Стасьон-плейн напротив Центрального вокзала.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Герард Reve в Лондоне, 1957

Неразумно, совершив убийство в собственном доме, за двадцать лет не удосужиться прибрать мертвое тело. Что нашло тогда на Кристи, когда он, имея два трупа в земле своего сада позади дома и семь – за стенной обшивкой, преспокойно переехал, не приняв надлежащих мер в отношении удаления оных? Нужно принять как данность, что некоторые убийцы намеренно оставляют несмываемые следы, не то из желания продлить наслаждение страхом быть пойманным, не то движимые неосознанным стремлением к наказанию.

С 1940 большой шкаф, стоявший в верхнем лестничном пролете дома м-с Сары Джейн Харви, никогда не отпирался, и никого это не удивляло. Правда, время от времени то гостившие у нее члены семейства, то ее пансионеры (ибо м-с Харви держала небольшую гостиницу) испрашивали у нее разрешения на использование под кладовку пространства за большими двойными дверцами. Ответ на подобные просьбы был всегда следующий: в шкафу хранится имущество одной лички из прежних времен, дамы, которая в свое время придет забрать вещи. Сын м-с Харви уже в свои 9-10 лет задавал матери вопросы о большом

шкафе в коридоре и однажды уже собирался его открыть, но в доме никогда не бывало тихо и безопасно настолько, чтобы он, никем не замеченный, мог удовлетворить свое любопытство. В конце концов стоявший без употребления, запертый шкаф сделался чем-то само собой разумеющимся.

28 апреля сего года м-с Харви поступила в госпиталь по месту проживания, в Риле, Северный Уэльс. Ее сын вызвался переехать на время в оставшийся без присмотра дом, чтобы вместе со своей женою поддерживать там порядок и заодно покрасить или заново оклеить стены. М-с Харви от всего сердца одобрила план, и ее сын и невестка принялись за работу. М-р Харви счел, что стены лестничной клетки весьма нуждаются в покраске, и потому решил вынести большой шкаф с площадки. Шкаф оказался очень тяжелым, но конструкция была демонтируемая. Посему м-р Харви вышиб одну из дверей и увидел, что там лежит что-то, покрытое толстым слоем пыли. Он вооружился фонариком, чтобы лучше видеть, разгреб какие-то вещи, смахнул пыль, и ему показалось, что он видит человеческое тело. Он вновь запер шкаф и долгое время сидел в задумчивости, соображая, не поехал ли он часом головой. На следующий день он снова заглянул в шкаф, но тело, лежавшее, свернувшись, на боку, по-прежнему было там. Он решил отвезти жену к ее родителям и открылся своему тестю. Мужчины, дабы уменьшить шансы на галлюцинаторное восприятие, направились к шкафу вдвоем, им пришлось щипать друг друга за руки, но и во время этой третьей инспекции они увидели труп, всё так же лежавший на досках. М-р Харви уведомил полицию о своем открытии.

Д-р Джеральд Эванс, патологоанатом, в лабораторию которого была отвезена находка, нашел, что тело – твердый орешек, ибо даже топор и стамеска его не брали при попытке надлежащим образом осуществить вскрытие. Только после применения двадцатичетырехчасовой ванны из раствора глицерина он смог получить доступ к различным органам. Волосы на голове были совершенно съедены молью, и это на какое-то время осложнило идентификацию. В конце концов удалось заключить, что мертвой женщиной, по всей видимости, являлась м-с Френсис Элис Найт. Разыскали ее супруга, который развелся с нею в 1940 и ничего не помнил о ее наружности, кроме того, что у нее были карие глаза, крупный нос и, кажется, каштановые волосы. Тем временем всплыл тот факт, что м-с Харви в течение двадцати лет путем поддельной подписи присваивала себе еженедельные алименты в размере двух фунтов, которые м-р Найт с величайшей аккуратностью переводил на адрес своей бывшей жены. Сообразительной дамочкой м-с Харви не оказалась также и на втором заседании суда в Риле, 30 июня с. г., ибо отрицала как неправомерное присвоение денег, так и совершение убийства. Что могло быть хитроумнее, нежели настаивать на том, что м-с Найт умерла естественной смертью, и что только страсть к деньгам толкнула хозяйку на то, чтобы спрятать труп? Ведь патологоанатом не смог предоставить никаких свидетельств насилия. Он, правда, обнаружил ничтожные следы похожего на шелк материала вокруг шеи – момент смерти случился задолго до изобретения нейлона, который точно продержался бы многие годы – но что с того, если защита сумела сотворить из этого невинную шаль?

Уже много лет я придерживаюсь взгляда, что не Америка, но, скорее, Англия является страной безграничных возможностей. Я видел подтверждение этому мнению при обсуждении какого уже по счету предложения – на этот раз исходившего от Северо-Лондонского члена парламента от лейбористов, м-ра Кеннета Робинсона – изменить закон, согласно которому сношения гомосексуального характера между взрослыми людьми, даже по обоюдному согласию и на частных территориях, считаются уголовно наказуемыми вплоть до пожизненного заключения. Борьба вокруг этого дела продолжается уже лет пять; назначенная парламентом весьма профессиональная рабочая группа составила широко известный Wolfenden Report¹, который настоятельно, опираясь как на практические, так и на моральные соображения, желал, чтобы наказуемость за гомосексуальные действия между взрослыми людьми была ликвидирована, но здравый разум, похоже, все еще бессилён получить перевес. Представление о поистине ужасающей глупости, которую продемонстрировало большинство депутатов парламента, вряд ли можно преувеличить. Картины гомосексуального государства в государстве – «ни один мужчина больше не будет в безопасности» – весьма красноречиво облакавшиеся в слова, не были исключением. Предложение было отвергнуто при 213 голосах против 99, причем интересно знать,

1 Отчет Вольфендена, опубликованный в Великобритании (1957), написан парламентским комитетом, созданным после того, как некоторые видные деятели были осуждены за гомосексуальные действия. Правительство желало выступления комитета за декриминализацию гомосексуализма.

что 20 тори голосовали за и 40 лейбористов – против; это последнее – к сведению тех, кто желает идентифицировать социализм с духовным прогрессом. Так что закон покамест будет оставаться таким, каков он есть, невзирая на все аргументы (девять из десяти случаев вымогательства и примерно половина всех самоубийств в этой стране связаны с гомосексуализмом). Сравнение английского законодательства с нидерландским и скандинавским, а также фактическое положение дел в соответствующих странах никогда всерьез не рассматривалось. 250000 – по весьма скромным подсчетам, но, весьма вероятно, фактически полмиллиона мужчин – закон, что само по себе достаточно глупо, не озабочен вопросом женщин – будут вынуждены жить как преступники. Живущие вместе, никому не досаждающие мужчины, если на них донесут, запросто могут получить полгода, как на днях заявил один судья.

Пусть гомосексуальность взрослых зиждется на фиксации в младенчестве – точка зрения, кстати, каковую я всё больше и больше ставлю под вопрос – хотел бы я знать, в какой одержимости коренится панический страх перед гомосексуальностью.

Всё это становится только непостижимее, если посмотреть на трудноперевариваемую средне-статистическим голландцем откровенность, с которой в газетах, по радио и даже по телевидению трактуются вопросы регулирования рождаемости и борьбе с болезнями, передаваемыми половым путем. (Еще совсем недавно ВВС передавало телепрограмму о венерических заболеваниях, в которой люди с запущенными сифилисом и гонореей говорили на камеру, и в каждом публичном со-

ртире висела табличка, или несколько, со списком больниц, где мужчины без вмешательства домашнего терапевта могут получить бесплатную анонимную помощь).

234

Разделение лейбористских голосов по данному вопросу (пятьдесят на пятьдесят) – возможно, не более чем отражение разделения в целом, которое уже несколько лет губит эту партию. Теперь-то ясно, что английский социализм застыл на месте. Большинство всё еще верит во всехосчастливящую национализацию, хотя насчет того, как далеко может всё это зайти, мнения разделяются. То, что строительство достаточно дешевого и добротного жилья, гарантия человеческого прожиточного минимума для всех и выкраиваемая из слишком высоких налогов субсидия на элементарные продукты питания – всё это суть куда более важные вопросы, нежели национализация как таковая и поддержка сколь бессовестной, столь и глупой борьбы некоторых мощных профсоюзов за повышение заработной платы – это соображение, о котором в лейбористских кругах не говорят или говорят мало. Они стали партией фиктивного пролетариата, чьи захватнические стремления угрожают как ее собственным, так и общественным интересам.

Не лучше обстоит дело со взглядом на вопросы зарубежной политики. Диссидентствующие видные партийные деятели, наподобие полоумного Циллиакуса¹, публикуют в либеральных газетах пацифистские антинаатовские статьи, которые были бы простительны старой-деве-вегетариан-

1 Konni Zilliacus (1894–1967) – британский лейборист, член парламента, призывал к сотрудничеству с СССР.

ке, но у нормального человека вызывают скорее слезы, нежели смех. Романтическое умиление русской революцией, несокрушимая вера в «непримиримые противоречия в Кремле», полная слепота в отношении безнравственного (поскольку совершенно оппортунистического, гангстерского) характера современного коммунизма и бесплодного антиамериканизма, – эти элементы образуют фактически сформулированную, или прочувствованную всего лишь интуитивно, установку широких рядов партии. Грядущие конгрессы профсоюзов не вызовут разрыва между атомными защитниками с одной стороны и здравомыслящими НАТО-лоялистами с другой: потрясающие вотумы, пресные, что твоя овсянка, ничего не изменят. И голландский социалист в Англии сможет голосовать только за тори, вот к такому печальному выводу я пришел.

Лондон, 28 июня

Народ британский, как и нидерландский, уже целыми днями, насколько я знаю, нежится под теплым летним солнцем. Это «нежиться» в отношении британцев не нужно принимать слишком буквально, по крайней мере во время выходных. Люди редко пускаются в путь, не позавтракав обстоятельно, а потом снова так тянут время, что и ланч дома становится неизбежным. Только около двух-трех часов дня черепашим шагом выползает на дорогу набитый под самую крышу автомобиль главы семейства, который еще будет радоваться, если в тот же день доберется до Ричмонда (прелестный пригород Лондона в долине Темзы, в

честь которого назван Ричмонд, Виргиния, США – из-за столь же прелестного расположения в ландшафте). Нега также сводится к вскипанию под раскаленной крышей автомобиля и отравлению выхлопными газами в веренице машин, каждые две минуты с хрюканьем трогающихся с места. Однако так положено, что у человека имеется свободный день, и посему ему также положено получать удовольствие. Дети, уже почти такие же уродливые, как и их родители, никогда не орут и просто паиньки. Наконец, уже на склоне дня, паркуются в бесконечном Ричмонд-парке и с триумфом тащат из машины корзинки, саквояжи, плетеные сумки, термосы, стаканчики и салфетки. Довольствуются носовыми платками, дабы защитить от солнца веснушчатую, бедную пигментом кожу. О достопримечательном характере британского народа написаны целые тома, к которым мало что можно прибавить. Это милый, отзывчивый, даже жертвенный, но невообразимо глупый и ограниченный люд; в то же время, однако, то и дело сталкиваешься со вспышками остроумия, блеска и технического и организаторского ума, которые с приведенной выше картиной находятся в категорическом противоречии. Безграничную способность черпать удовольствие в ужаснейшей скуке и самых раздражающих неудобствах можно без оговорок назвать извращенностью. В один момент вас готовы размазать по стенке, в другой – прижать к груди и приласкать. Характеристика *half dead, and proud of it*¹, как сформулировал ее Энгус Уилсон, тоже, вероятно, далеко заходит в своей банальности. Как можно ненавидеть людей, которые по

1 Наполовину мертв и горжусь этим (англ.).

праву почитают кошек за священных животных? Здесь они – коты, я имею в виду – по большей части носят ошейничек с металлической пластинкой, на которой выгравированы их имя и адрес, ибо они еще не в состоянии говорить и сообщить это. То, что священный кот ловит птиц – наших пернатых друзей – для англичанина является источником большого беспокойства. Это выяснилось также из беседы, которую я имел с одной пожилой дамой в маленьком лондонском парке, где она появлялась каждое утро, облаченная в некий специальный противоптичьепометный комбинезон из черного хлопка, накинутый поверх платья, дабы кормить голубей лущеным горохом и ячменем из своей коричневой старой лапы. Она просила меня быть настороже: один рыжий кот подстерегал ее крылатых любимчиков; заведя зверька, я должен был отгонять его посредством швыряния камушков, однако опасаться, как бы не сделать ему больно, ибо «это же у них в крови, что они могут с этим поделаться». Живи и дай жить другим.

Покупаешь газету – и британская жизнь выглядит куда менее добросердечной, и кажется, что английский народ состоит исключительно из злодеев. Однако это страна, где все и каждый, не особо напрягаясь, умудряются два с половиной часа кряду говорить совершенно ни о чем, и где люди, словно благодаря полученному при рождении дару раздувать из каждого бздеха гром небесный, считают преступлением то, над чем мы бы посмеялись или просто пожали плечами. Судите сами по следующему сообщению в желтой газетенке *News over the World* от 15 июня с. г.:

ЩЕКОЧУЩИЙ ПРИЗРАК. Шестнадцатилетний помощник мясника зарабатывал на карманные расходы, выступая на ярмарочном аттракционе ужасов в качестве привидения. Задача его состояла в том, чтобы прятаться в нише и, оставаясь невидимым, щекотать перышком лица пассажиров, в темноте проезжающих мимо него в вагончиках. В один прекрасный вечер, однако, он зашел слишком далеко, забравшись в вагончик, где сидела мать двоих детей, и положив ей руку на колено. Женщина закричала, но ввиду того, что крики в аттракционе ужасов на ярмарке – дело обычное, никто не обратил внимания. Женщина с криками выскочила и пожаловалась мужу, который предупредил ответственные органы. Полиции юноша объяснил, что просто «хотел пошутить». Во время заседания суда по делам несовершеннолетних защитник, м-р А. д'Арси Хьюз, заявил, что семейные обстоятельства мальчика всегда были сложными, но что он является большой подмогой матери. Из заключения медицинского рапорта следовало, согласно опять же защитнику, что совершенно невероятно, что мальчик вырастет сексуальным преступником, хотя помощь и руководство ему требуются. Мальчик был условно освобожден от уголовного преследования.

Хотелось бы мне знать, во что выльются в свое время эти «помощь и руководство».

В том же номере вышеупомянутой газеты можно прочесть широко обсуждаемый протокол суда по делу адвоката Карлинга, чье преступление состояло в том, что он постоянно задавал своим клиенткам, истицам в бракоразводных процессах, вопрос, не потеряли ли они в весе ввиду дурного обращения их супругов – по его словам,

веский аргумент в пользу удовлетворения требования – дабы после этого пощупать груди и бедра ошарашенных дам. Как видите, читатель, опять тот случай, который вы, ровно как и я, с трудом можете ассоциировать с уголовно наказуемым фактом или судебным заседанием, и который можно было бы счесть решенным делом, дав шлепка по рукам, бросив замечание «отвяжись, старый развратник» или, в самом крайнем случае, направив жалобу в коллегия адвокатов, или же при помощи дисциплинарного взыскания. Если уж на то пошло, дамы были очень довольны, и их глупое поведение в суде показалось мне, судя по рапорту, малоубедительным. (Одна из женщин, некая м-с Саджетт, справлялась у друзей и знакомых, не принят ли новый закон, согласно которому адвокату, «точно доктору», дозволяется осматривать тела своих клиентов, но никто о таком законе не слышал). Британская пресса кишит подобными случаями, и редакция, занимающаяся такими сообщениями, так же, как и поведение судей, свидетельствуют о том же отвратительном лицемерии. Англичанки, после тридцати теряющие всякую физическую привлекательность, если вообще когда-либо ею обладали, а за сорок выглядящие как *Daughters of Revolution*¹ (знаменитая картина, которую более продвинутые среди вас наверняка знают), охотно позволяют делать с собой что угодно, или почти всё, а потом, отрезвев, призывают к оружию супругов, полицейских и судей, дабы те отмстили за их поруганную честь.

1 Картина американского художника Гранта Вуда (Grant DeVolson Wood (1891–1942), который, впрочем, утверждал, что это просто сатира.

Можно покачать головой и похихикать над тем и этим, но смертельный ужас перед сексуальностью, пропитывающей всю британскую жизнь, должен вызывать катастрофы, что и происходит, хотя – в той же газете – психиатр д-р Роберт Томпсон утверждает, что преступления на сексуальной почве являются последствием легкомысленных романов, пьес и фильмов, и что судебные протоколы по этим делам могут оказывать весьма благотворное действие, ибо, как разъясняет сей ученый эскулап: «Достоверные отчеты судебных заседаний и приговоры, коими они заканчиваются, должны пробуждать страх – а страх ограничивает сексуальное желание». (Он определенно не читал ничего из Хэвлока Эллиса)¹.

В любом случае каждый день приносит катастрофу или целый ряд катастроф, о которых британский читатель газет узнаёт с сакральным изумлением. Всё та же газета содержит протокол по делу Артура Джонса, насильника и убийцы двенадцатилетней Бренды Нэш. За то, что его удалось схватить и осудить (пожизненное заключение + 14 лет), нужно благодарить не столько исключительно сметливую розыскную работу полиции, сколько ее в высшей степени терпеливое и настойчивое усердие, и, кроме того, то обстоятельство, что преступник сохранил жизнь своей предыдущей жертве, одиннадцатилетней Барбаре, – которую он так же заманил в свою машину, – потому что на вопрос, сможет ли она потом опознать его, она ответила отрицательно. Показания, которые девочка могла дать полиции, были ничтожны:

1 Henry Havelock Ellis (1859–1939) – английский врач, стоявший у истоков сексологии как научной дисциплины.

этот человек предъявил ей поддельное полицейское удостоверение и таким образом залучил ее в свою машину, по ее описанию, черный «воксхолл» с хромированными крылами; еще она запомнила марку мятных лепешек, которые были у него с собой, и звездообразный шрам на лице. По Англии ездят 200000 черных «воксхоллов», и в даже не широко очерченной области, подпадающей под рассмотрение, их не менее 2000. И всё же не было иного выхода, нежели опросить всех владельцев этих 2000 автомобилей. Это составило 16000 человек, из которых, как оказалось, у 170-ти имелся на лице звездообразный шрам. Среди них был также и Артур Джонс, но с алиби у него было всё в порядке: во время совершения преступления и долгое время до и после ононого он был у своей невестки, которая – и еще четыре человека – это подтвердила.

Через два месяца (без одной недели) по дороге из школы домой пропала двенадцатилетняя Барбара Нэш: расстояние не более чем сто метров. Ее тело было найдено много недель спустя в Йейтли Коммон, в Хэмпшире¹. Комиссар Дик Луис собрал все сведения, которые могли бы послужить связью между изнасилованной, но оставшейся в живых девочкой, и убитой. И что же: такая связь не была невероятной, ибо Бренда Нэш слыла весьма разумной девочкой, которая ни за что никуда не поехала бы в машине с незнакомым человеком, если только он ей, как и насильник Барбары, не показал *фальшивое полицейское удостоверение*. Это предположение заставило комиссара Луиса

1 Yateley Common Country Park – охраняемая природная зона в Хэмпшире (Южная Англия).

проезди Барбару в машине по пути, проделанному покойной Брендой Нэш, чтобы посмотреть, узнает ли она дорогу. Девочка узнала дорогу, дома́ и пейзаж с такой уверенностью, что сомнений больше не оставалось: насильник Барбары и убийца Бренды Нэш был одним и тем же лицом. Вернулись к досье тех 170-ти владельцев «воксхоллов» и проверили их прошлое. Изо всех них Артур Джонс был единственным, кто был судим прежде из-за изнасилования женщины, и протокол его допроса по делу Барбары был тщательно пересмотрен. Алиби его было крепким, но, как заключил комиссар Луис, *слишком* крепким, и совпадало со слишком уж большой точностью. Но что можно было поделать? Только ждать, а тем временем терпеливо следить за всеми действиями и поведением его и его ближайшего окружения. И тут наступил поворотный пункт: семнадцатилетний помощник парикмахера проговорился, что одна из племянниц Джонса рассказала ему, что она, как и остальные члены их семейства, обеспечила ему алиби, дабы избавить его от позора, если бы обнаружилась его супружеская неверность. Само по себе это еще ничего не подтверждало, но комиссар Луис по причинам, которые не мог обнародовать, уже несколько недель кряду держал на столе досье Джонса, и он полагал, что тут-то и надо нанести удар, хотя советчики предупреждали его насчет чрезмерной торопливости. Однако оказалось, что интуиция его была верна: при аресте Джонс грыз мятные лепешки той же самой марки, которую запомнила Барбара, а мелкие фрагменты дешевой цепочки из поддельного серебра, найденные на теле Бренды Нэш, подходили к обрывку цепоч-

ки, обнаруженной в садовом сарайчике Джонса, где тот хранил запасы наворованных в магазинах безделушек.

Лондон, 4 июля

После всех печальных событий прошедшей недели попробую-ка написать вам о прекрасных вещах, ведь они имеются в жизни. На ферме сэра Артура Браэнтса в Уилтшире нашли два месяца назад крошечного барсучонка длиной всего в 13 сантиметров, и выкормили его из бутылочки. Зверь сейчас огромный, что твой кот, и прогуливается вместе с хозяйкой, когда та ходит за покупками, возится и спит в одной корзинке с громадной овчаркой, и бродящую вокруг домашнюю птицу не тревожит. И Тэбби, черно-белая пятнистая кошка из небольшой деревни в Девоншире, справляет сегодня свой тридцать шестой день рождения. Больше новостей о животных я на этот момент в газетах не вижу.

Сегодня прошелся до больницы, в которой работал с осени 1956 до лета 1957. Я счел, что, еще раз взглянув на эту обитель ужасов (the National Hospital for Nervous Diseases, Queen's Square – порой я называю его *Больница С Единственным Пылесосом*), – я стану еще больше ценить мои нынешние обстоятельства, и это даст мне если не какое-то удовольствие, то хотя бы определенное удовлетворение. Как часто бывает, эффекта, который по справедливости я рассчитывал получить, не было, и меня охватила гнетущая тоска, не отпускаявшая весь день, и почти всю ночь мешавшая спать. Сперва я намеревался войти в большой зал в

старом крыле, но благоразумно отказался от этой идеи и удовлетворился созерцанием с площади уродливого викторианского фасада и движущихся за грязными окнами призраков бледных бесполок медсестер, в большинстве своем потомков ирландских пьяниц и беззубых шахтеров, набожных как чума и грубых как черт. Мои горечь и ненависть, наконец, постепенно схлынули, уступив место тихому душевному спокойствию. За те полгода, что я проработал здесь, я узнал о человеческом существовании и человеческой природе больше, чем за всю предшествующую жизнь. До этого я и представить себе не мог, в какое ничтожество может выродиться человек и до какой жестокости может довести его глупость вкупе с жаждой власти. Я нередко задавался вопросом, что заставило этих девушек выбрать такую профессию – бедность ли, желание любой ценой выбраться из родительского дома, страх свободы или слишком усердное чтение рассказов в дамских журналах? Мой предварительный вывод гласил и сейчас еще гласит, что медицинская сестра выбирает свою профессию не для того, чтобы иметь возможность устранить или облегчить страдания других людей, но потому, что она *хочет быть медицинской сестрой*, со всей этой неприкосновенной властью, которую приобретает в маленьком, но непреложном пространстве. Жестокость и мне не чужда, но жестокость, которая никогда не достигает совершенно умышленной и сознательной грани, и которую редко – или никогда – можно разоблачить и доказать – это самое ужасное, что можно себе представить. Какую пользу или наслаждение может принести страдание человека, которого ты ни ненавидишь, ни любишь? Я думаю о конце м-с

Гамильтон, нижняя половина тела которой сгнила от рака, умиравшей в луже крови и гноя, которую бросили кричать 48 часов подряд, пока смерть, наконец, не стерла паническую маску с ее лица, потому что доктор прописал всего лишь четыре инъекции морфия в день и никому не пришло в голову попросить его прописать больше. И никогда я не мог понять, почему умирающие, которым в свою последнюю ночь хотелось получить дополнительное одеяло, никогда не могли увидеть свое скромное желание удовлетворенным.

И всё же из более чем двухсот человек медперсонала я вспоминаю двоих, чей труд был больше, чем труд окружающей их шайки бобров, муравьев и ос: сестра Мур, невзрачная, в очках, девушка из Корнуэлла, чьи хлопоты и сердечность были безмерны, и Кеннет Бескен, некрасивый, почти лысый парень, только что получивший диплом медбрата: тот жизнерадостно принимал все оскорбления и унижения от начальства за всё то, что он вне графика делал для пациентов, и с безграничной нежностью ухаживал прежде всего за самыми маленькими и очень капризными ребятами и, купая и перевязывая испуганное создание, рассказывал ему сказки или напевал песенки. Да пошлет всевышний сил обоим этим неприглядным существам.

Лондон, 16 июля

В прошлые выходные мы оставались в Вивенхо, деревне неподалеку от Колчестера – это старейший город Англии, основанный римлянами. В субботу я посетил Колчестерский замок, в кото-

ром размещается музей преимущественно римских древностей. Римское поселение было таким большим и существовало так долго, что земля во всей округе, что ни год, выдает ценные сокровища. Тот, кто отправится на раскопки в холмы, расположенные в морском заливе, гарантированно найдет черепки римской стеклянной и глиняной посуды, а если повезет, то и монеты и даже свинцовые гробы.

246

Оказалось, что в парке при замке, в громадном цирковом тенте проводится крупная выставка роз. Разведение и выставки роз в этой стране – национальная страсть. Обширные питомники с торгово-посылочными фирмами покрывают целые страницы своими объявлениями во всех газетах, и нет ни одного англичанина, владельца сада, который не предавался бы разведению того или иного сорта роз. Отчего бы тогда и не быть выставке. Просто растения и цветы мне мало импонируют, и я нередко раздражаюсь из-за многочасовой трепотни насчет жизненной силы, правильной обрезки и восприимчивости к болезням и плесени той или иной вьющейся розы или штокрозы, но на этой выставке мне пришлось признать, сколь потрясающим может быть произведение Божьей природы вкупе с человеческим прилежанием. Например, была там одна роза, размером по меньшей мере с кулак, такого глубокого красного цвета, что притемненная ее сердцевина казалась почти черной. Далее, гигантские белые розы с розовыми краешками у чашелистиков. Тюльпанообразные, плоские, раскрывшиеся или герметично закрытые розы, какие только может выдумать сумасшедшее человеческое воображение. Потом

еще выставлялись 68 сортов *lathyrus*¹: цветок, который по популярности следует сразу же за розой. В отделе Свободной Композиции нас встретило нечто вроде кукольного домика, в котором рядом стояла ваза с желтыми розами, уродливый бюст королевы Елизаветы и бокал с красным вином, перед которым была помещена карточка: *A Toast to the Health of Her Majesty*². Все эти жертвоприношения, однако, не могли воспрепятствовать тому, чтобы решение жюри на билетике, прислоненном к вазе, оказалось неблагоприятным: композиция из цветов была небрежной, и многие лепестки были тронуты грибком. (На поверхности вина плавал, в придачу к пыли, человеческий волос). Мы оставили без внимания неразрывно связанные с этой манифестацией ручные поделки слепых, огромный *home-made* торт, вес которого нужно было угадать ради доброго дела, соревнование миниатюрных букетиков с максимально допустимой высотой в два дюйма, выставку выращенных своими руками лука, помидоров, картофеля и бобов и, наконец, *marrows*³, разложенные на укрепленных столах ввиду огромного веса экспонатов. Кабачок – совершенно безвкусный, но с аппетитом поглощаемый британцами калebas – может достигнуть человеческих размеров, и некоторые из экспонатов были недалеко от этого формата. *Thread-feeding*, метод, при которой плод во время роста путем глубокого прокола, введения грубой шерстяной нити и опущения другого конца этой нити в сахарную воду – таким образом проводит-

1 Душистый горошек (лат.).

2 Тост за здоровье ее величества (англ.).

3 Кабачки (англ.).

ся дополнительная подкормка – был запрещен, и мы видели, как жюри дотошно исследует кожицу плодов, отыскивая следы такого низкого обмана.

Вечером местный военный духовой оркестр, по случаю большого события, образующего *Rose Show*, дал в музыкальном тенте парка концерт. Никто из тысяч присутствующих не орал, не кидался камнями и не ломал ветки деревьев, и почти все, прикрыв головы газетами или бумажными пакетами, смирно сидели и слушали, когда над парком хлынул проливной дождь.

ПИСЬМО ИЗ БЕРЛИНА

249

Амстердам, 30 апреля 1962

Много лет назад, когда я еще полагал, что можно обмениваться мнениями с коммунистами, имел я беседу о литературе с одним человеком, которых обыкновенно именуют коммунистическими интеллектуалами, а именно амстердамским врачом Беном Полаком. Предметом обсуждения стала книга Джорджа Оруэлла «1984», и я хорошо помню, как наш апологет по поводу этого романа заметил: он нашел весьма знаменательным, что буржуазная литература имеет столь пессимистический характер. Обычная обывательская критика, стало быть, вечная и неискоренимая, согласно каковой эти писатели в своих книгах всегда пишут о всяких гадких вещах и совсем не пишут о вещах прекрасных, которые в жизни ведь тоже существуют. Раньше я сердился из-за подобного вздора. Теперь же на него не реагирую или же просто провоцирую оппонента предъявить мне хотя бы один продукт всемирной литературы более-менее приличного уровня, который не был бы от начала до конца и до мозга костей пропитан и насыщен

пессимизмом, иными словами видением, которое истолковывает человеческое существование как трагедию.

250

Кроме того, я также не отреагировал на слово *буржуазия*, и мне почему-то оно не пришло в голову для выражения изумления из-за того, что некоего писателя – который бóльшую часть жизни страдал от нужды сильнее, нежели самый ничтожный пролетарий, и в конце концов умер от истощенной в борьбе за выживание нервной системы и от чахотки, вызванной недоеданием – можно назвать буржуа. Но тогда я еще не знал, что слово *буржуазия* означает не что иное, как всякую группу людей, в которых коммунизм не находит никакого удовольствия, точно так же как в царстве классовых иллюзий слова типа *миролюбивый, передовой, империалистический, провокация, рабочие массы, поджигатели войны и реваншисты* совершенно ничего не означают (и из этого занимают немалую долю своей пропагандистской силы), и в словаре, основанном на критическом, упорядоченном словоупотреблении, подобном тому, какие издаются в просвещенных странах, им совершенно не будет места.

«1984» Оруэлла я никогда не считал крупным произведением. Его предостерегающие картины будущего мне до недавних пор казались довольно утрированными и алармистскими. Однако со времени моего посещения Восточного сектора, который коммунистические властители окружили стеной, я стал видеть книгу Оруэлла в ином свете. В сущности, я увидел всё то, о чем уже читал в подробных описаниях, но, похоже, существует громадная разница между тем, что ты читаешь – и рассудком признаешь, что факты отражены досто-

верно, – и тем, что видишь собственными глазами и сам слышишь. «1984» Оруэлла – это не горячий бред больного, но действительность 1962.

Берлин-Целендорф, пасхальное воскресенье 1962

По мере того как поезд приближается к границе Восточной Германии – которую, как известно, нужно пересечь, дабы достичь Западного Берлина – растет вместе с моим любопытством касательно того, что мне предстоит увидеть, также и странная надежда на то, что всё будет выглядеть куда более привлекательно и куда менее серьезно, и что представление, которое я создал себе за много лет из информационных сообщений, будет в большей степени отражением моего собственного, нередко весьма категоричного видения проблемы, нежели картиной, близкой к действительности.

О Федеративной Республике Германия имеется представление, подобное тому, какое лелеют люди, для которых пережитые ими ужасы оккупации сделались наполняющей жизнь вневременностью; представление, которого, также удобства ради, придерживаются люди, не желающие политически взростеть; представление, в котором ее дальнейшее существование в гораздо большей степени обязано коммунистической пропаганде, нежели обычно подозревают. Согласно этому представлению Западногерманская демократия – это показушная демократия, в которой нацисты и крупные капиталисты занимаются подталкиванием нового авторитарного немецкого государства к новой захватнической войне. Сила сего

представления зиждется в немалой степени на отсутствии надлежащего количества фактических доказательств: с материалом, которого нет, сражаться нельзя. В действительности используется только горсть событий для иллюстрации Западно-немецкой, уже заранее аксиоматически принятой агрессивности.

252

Факты – такие, как еще неслыханная за всю историю Германии непопулярность западно-германской воинской повинности, от которой всякий пытается отбрыкаться, и поразительно ничтожный процент голосов, полученных на выборах нео-, полу-нацистскими и прочими ультра-правыми группировками (до того, как те были запрещены законом) даже в федеральных землях, бывших в свое время питательной средой для национал-социализма – эти факты политическому сонливцу ничего не говорят. Для поддержания своего видения, зиждущегося на бесплодной ненависти к бундесам, ему требуются только пара сообщений в год об оскверненных еврейских кладбищах, намалеванной на стене свастике или о разоблачении какого-нибудь занимающего ответственный пост военного преступника.

Если бы Федеративная республика Германия намеревалась выступить в том или ином милитаристском соревновании, то – в глубине души это можно было бы учесть – что-то ведь тогда должно было сигнализировать о некоем военном настрое: по радио, в прессе, в общественной жизни; в таком случае должно было бы ощущаться – не каждым тупым туристом, интересующимся исключительно сравнительным изучением цен на гостиницы и пиво, но частью тех, кто посещает Западную Германию – некая тревога, заставившая, например,

совершенно аполитичную амстердамскую даму, профессора биологии и крупного знатока плесневых культур, во время отпуска в Германии в 1938 внезапно заключить: «Будет война. Надо бы мне, как вернусь, запастись агар-агаром для грибов».

Я до сих пор не говорил ни с кем, кто за время пребывания в Западной Германии получил бы подобное впечатление. На территорию «готовящихся к новой бойне НАТО-реваншистов» попасть легче, нежели, например, в Англию: в паспорт там далеко не всегда заглядывают. Так же обстоит дело и при выезде из Федеративной республики в восточном направлении: у одного-двух пассажиров в купе проверяют паспорта, а дальше на доверии. Оружия, колючей проволоки или запретных пограничных зон нигде не видно. Однако через пару сотен метров уже путешествуешь в совершенно иной реальности.

Внезапно, посреди почти плоского, скучного ландшафта, возникают восточногерманские пулеметные вышки. Потом видишь, что с восточногерманской стороны – далеко, насколько видно глазу, – граница наглухо перекрыта заграждениями из колючей проволоки в метр высотой и минным полем шириной в несколько метров, с табличками, на которых отчетливо значится *Minen*. Прямо позади, в основном наполовину укрывшись за пучками кустов, лежат группами по двое-трое одетые в коричневую униформу члены коммунистической милиции, каждый вооружен блестящим автоматом. То, что я пишу здесь, ведомо только Господу, но я убедился, что сначала нужно увидеть, чтобы осознать, о чем речь. Всё мое знание политических фактов внезапно перестало иметь какое-либо значение, ибо меня охватил тот же самый

страх, то же самое ощущение, что меня безжалостно заперли, – оно довлело над нашей жизнью в Нидерландах двадцать лет назад – то же самое паническое чувство: «Как я выберусь отсюда?»

254

Потом поезд останавливается на первой восточногерманской станции. Над перронами и зданиями висит неестественная тишина. Дабы предотвратить побег восточных немцев в Западный Берлин, перрон, на котором останавливается поезд, зачищен и обнесен заграждением. За входными воротцами стоят и приветливо машут сотни людей, глядящих на поезд как на сказочную карету.

Поезд стоит с полчаса. На пустом перроне установлено нечто вроде читательской стойки с бесплатной пропагандистской литературой. Никто, кроме других голландцев из моего окружения, однако, выйти из поезда не может: немец, проезжающий советскую зону, старается поменьше высываться, чтобы не попасться на глаза. Мы делаем выбор из обилия печатного материала и, вернувшись в свое купе, я пытаюсь что-то читать, но всё написано тем же самым бессмысленным жаргоном, о котором я уже говорил во вступлении к этому письму. Мы честно сохранили все эти произведения, но ни в течение всей моей дальнейшей поездки, ни во время нашего пребывания в самом Берлине я никогда не видел, чтобы кто-то их читал, хотя они постоянно лежали под рукой.

Что немедленно бросается в глаза при въезде на контролируемую коммунистами территорию, это многочисленность, разнообразие и прежде всего воинственный дух униформы. Также и пограничница среднего возраста – чей строгий, бла-

гочестивый, бесполой рот немедленно напомнил мне об уже где-то описанных мною коробейницах моей юности – затянута в не красящее ее *feldgrau*¹ и походит на серую мышь не первой свежести. Окруженная спереди и сзади коллегами-мужчинами, она шагает со своим переносным письменным столиком, висящим на шейном ремешке перед животом. Ибо для транзитного двухчасового рейса, хотя его не разрешается хоть где-то прерывать, требуется немало: для поездки туда, и уже отдельно, для обратного рейса – заполненная в трех экземплярах, оснащенная маркой и снабженная штемпелем виза, за которую нужно дважды заплатить по пять марок. На контроле долго листают и рассматривают документы, причем не всегда отличают фамилии от имен собственных. На висящем у нее на животе столике, который из-за купейной двери влетает внутрь быстрее, чем она сама, слышится бесконечная череда звуков – шуршащей, складываемой, разрываемой и сортируемой бумаги, покуда, наконец, не раздастся спасительный шлепок, коим священники божественной двойки – Штемпеля и Подушечки – опускают ее удостоверительный знак, дабы осуществить причастие с богиней бессмысленности.

Какой может быть прок или смысл от этой администрации, спрашиваешь себя. Они хотят всех ездящих в Берлин или из него занести в картотеку? Но через пару недель такой регистр уже станет насчитывать сотни тысяч разделов, и как можно будет когда-либо сравнить данные определенного путешественника, который пробыл здесь короткое время, с данными картотеки? И даже

1 Обмундирование (серого цвета) (нем.).

если бы это было возможно, то для какой цели всё это было бы нужно? Ведь регулярные перемещения между Западной Германией и Западным Берлином не запрещены. Велась ли в таком случае та или иная статистика? Но тогда потребовалось бы отмечать только пропускную способность всех поездов минус количество пустых мест. Также отдельный учет немцев и иностранцев без формуляров и штемпелей был бы процедурой значительно более легкой и быстрой, нежели действующая. Может быть, дело в деньгах за визу? Но тогда проще было бы обязать каждого пассажира покупать какую-нибудь марку или талончик, примерно так же, как это делается в некоторых странах, когда повышается посадочный налог. Какой же тогда в этом прок? Сумасшествие и издевательство? Но с таким здравым выводом лучше к «попутчикам» не подходить...

При виде всех этих определенно военных атрибутов: минных полей, сторожевых вышек, колючей проволоки, ходячих распределительных контор и марширующих по платформе хотя бы даже двоих милиционеров сперва подумаешь, что сошел с ума или тебе это снится. На мгновение в голове всё мешается, ибо осознаёшь, что можно проделать десять километров обратного пути по той же самой стране и по той же самой почве, прекрасно обойдясь без этого хаоса и безумия. Но действительность такова, что подобное существует в центре Европы, в расцвет мирного времени, в 1962.

Тотчас же при въезде в Восточную Германию сталкиваешься с еще одним удивительным явле-

нием: щиты с политическими лозунгами, укрепленные на фасадах практически каждого углового дома и каждого общественного здания. Текст на этих гигантских деревянных или изготовленных из ДСП щитах, белыми буквами на вечно грязновато-красном фоне, гласит почти всегда одно и то же: *Frieden* или *Sozialismus*¹. Немалое количество щитов призывает к *Friendly und freundschaftliche Beziehungen zwischen den zwei Deutschen Staaten!*² или сообщает: *Nieder mit den NATO-revanchisten!*³ Текст, напоминающий *V=Victorie, ибо Германия побеждает Европу по всем фронтам, гласит: Freiheit, Frieden, Sozialismus – Wir siegen!*⁴

Поезд продолжает свое путешествие со значительной скоростью. Повсюду, где скорость должна быть настолько мала, чтобы заставить кого-то задуматься о возможности забраться в сказочную карету, железная дорога по обеим сторонам обнесена такими же ограждениями, как и в пограничной зоне. И на каждой следующей станции мы видим одну и ту же картину: зачищенные перроны и за ограждениями – машущие нам люди. Это маханье продолжается до самой последней станции восточной зоны, которая лежит уже на территории Большого Берлина. Здесь охрана многократно увеличивается, и мы видим, что ограждения простираются через городской парк до самого горизонта. Внезапно, когда поезд снова приходит в движение, повсюду в нем начинают громко разго-

1 Мир, Социализм (нем.).

2 Дружественные и дружеские отношения между двумя немецкими государствами! (нем.).

3 Долой реваншистов НАТО! (нем.).

4 Свобода, мир, социализм – мы побеждаем! (нем.).

варивать, и там и сям слышатся взрывы нервного смеха. И минут через десять мы достигаем Западного Берлина – на станции Zoologischer Garten.

Берлин, Пасхальный Понедельник

258

Берлин – город неслыханных размеров. Он гораздо больше Парижа и не сильно меньше Лондона, но благодаря его сельскому характеру это осознаешь только постепенно. Он так велик, что его даже разделяют на климатические зоны. Местоположение в ландшафте удивительно красиво: земля тут плоская, как у нас, но по составу я бы сравнил ее с почвой в Гои¹. Одна пятая часть Берлина состоит из озер и лесов, и эти последние – почти все хвойные, такие же сухие и благоуханные, как наша Велюве. Если не идет дождь, атмосфера гораздо суше и дышать не так тяжело, как у нас. Окружающие земли, практически без холмов, благоприятствуют постоянному бризу, который усиливается прежде всего с наступлением вечера и поддерживает чистоту воздуха. Воздух этот столь благотворен, что через четверть часа езды по центру, в окрестностях Тегельзе², обнаруживаешь санаторий для легочных больных. Но даже в сердце Западного Берлина, в окрестностях Курфюрстендамм, в часы пик воздух не так отравлен, как в Париже и Лондоне – в невыносимой степени.

От старого города ничего не осталось. То, что уцелело от воздушных бомбежек, погибло под

1 Нет Gooi – регион на юго-востоке провинции Северная Голландия.

2 Tegeler See – озеро в берлинском округе Райниккендорф, в районе Тегель.

артиллерийским огнем (почти три недели кряду город, перед тем как пасть, находился в пределах досягаемости русской артиллерии). Разруха была столь сильной, что торговля и общественная жизнь, восстановившись, обосновались в западной, не полностью разрушенной периферийной части центра города. Когда же этот процесс был завершен, возник новый центр, примерно в середине которого сейчас находится Гедехтнискирхе¹ на Курфюрстендамм. В связи с этим восстановление старого *Stadtmitte*² утратило всякую актуальность. Здесь также можно найти почти пустое пространство, где расчищены руины, но остались стоять еще десятки больших сгоревших правительственных зданий и всего в целом, возможно, полдюжины новых правительственных контор. В теплую, сухую погоду тут еще пыльно из-за всего этого щебня. Отчетливого представления о структуре этого старого городского центра составить себе более невозможно. О власти и многолюдстве, которые некогда, должно быть, сосредотачивались здесь – очень даже. Об этом свидетельствуют оставшиеся руины, которые не могут не взволновать чувствительного к визуальным впечатлениям туриста. Нередко они невероятно красивы. Не искривленные бетонные скелеты того, что возникло меж двумя войнами, но развалины строений, возведенных, по моим подсчетам, примерно три четверти века или век назад, по большей части сложенных из красного кирпича, всегда со

1 Kaiser-Wilhelm-Gedächtniskirche (нем.) – мемориальная церковь кайзера Вильгельма — протестантская церковь в Берлине на площади Брайтшайдплац.

2 Центр города (нем.).

снабженной рельефными группами треугольной верхней частью фронтона, венчающей колоссальные колонны: архитектура, скажем, Церкви Моисея и Аарона или Концертгебау в Амстердаме, но не такая безнадежная в смысле цвета, а также гораздо больше и просторнее по стилю. Нередко над треугольником фронтона возвышаются еще три бронзовые фигуры, которые, если посмотреть на них с земли, кажутся неповрежденными, и по-прежнему вздымающие над головой свои лавровые ветви, челноки, весы, земной шар, голубя, орла или книгу, тогда как за ними пустившая корни в останках крыши рощица образует не предусмотренный никаким архитектором палисадник.

В Западном Берлине внешне не заметно никаких признаков политической напряженности, экономических проблем или стагнации. Получаешь впечатление благосостояния, и уровень жизни, надо полагать, не сильно ниже нашего. Со времен одиннадцатимесячной русской блокады, закончившейся четырнадцать лет назад и увеличившей количество безработных до 300 тысяч, Федеральное правительство, применяя систему страховых премий и налоговых льгот, дало возможность западноберлинской индустрии, несмотря на ее анклавную позицию, налагающую дополнительные расходы на все продукты, продолжать конкурировать с западнонемецкой. Эта Steuerbegünstigung¹, которая, среди прочего, включает в себя освобождение от налога с продаж, также распространяется на ряд акцизных сборов, так что можно, к наивысшему моему изумлению, повсюду купить хороший 40%-й Doppelkorn или Klarer Tropfen за бо-

1 Налоговая льгота (нем.).

жескую цену без малого шесть гульденов за литр. Пиво тоже заметно дешевле, чем у нас. Съёмное жильё частью дороже, частью дешевле. (Довоенные дома дороже, современные, с центральным отоплением квартиры чуть дешевле, чем у нас). На этом положительные различия заканчиваются: продукты, ровно как и во всей западной Германии, чуть дороже, чем у нас, и то же самое касается текстиля и обуви. Если принять во внимание, что зарплаты в Западном Берлине на 5-10% ниже, чем в Западной Германии, то Steuerbegünstigung – всего лишь справедливое уравнивание, которое работу и проживание в Западном Берлине не делает выгоднее, чем местожительство в Западной Германии.

В высшей степени спокойная, сердечная атмосфера в Западном Берлине влияет благотворно. Французских, британских или американских военных я здесь видел от силы человек десять. Поскольку Запад по-прежнему придерживается Пакта четырех держав, согласно которому на территории Берлина не имеют права находиться ни немецкие солдаты, ни немецкие военные объекты и учреждения, а также нельзя призывать немцев на военную службу, то во всем Западном Берлине не найти ни одного немецкого солдата – факт, который мне дотоле был неизвестен, как и многим из тех, кто убежден в воинственности Федеративной Республики.

Новостройки последних десяти лет поистине импозантны. И всё ещё они продолжают в беспрецедентном масштабе: почти не встретишь улицы, на которой не стояло бы в лесах что-нибудь новое. Для обломков, которые на столетия обеспечат работой щебеночные заводы, найдено остро-

умное решение: из них построят разбросанные по Западному Берлину холмы, которые будут служить зонами отдыха, и самый высокий из них, 115 метров высотой, к 1963 будет закончен и засажен растительностью.

В области строительного искусства повсюду довольно смело экспериментируют, но по большей части мне это кажется скорее курьезным, нежели красивым, например, новый Зал Конгрессов в форме перекошенного гриба, многоквартирный дом по проекту Ле Корбюзье, или шатрообразные корпуса академии изобразительных искусств. Хотя эти сооружения и производили впечатление весьма прочных и долговечных, я не всегда видел необходимость в подобном новом стиле, иными словами не мог рассматривать его как выражение некоего убеждения. По-другому обстоит со строительством церквей, там экспериментируют еще смелее, если вообще такое возможно, но при этом, по крайней мере если судить по тому, что я там видел, результат гораздо убедительнее. Неподалеку от многоквартирного дома Ле Корбюзье стоят, разделенные всего несколькими сотнями метров, выполненная из алюминия евангелистская церковь, которая, прежде всего из-за замечательной конструкции башен, сделалась скромным кафедральным собором нового времени, и римско-католическая церковь из армированного бетона, также радующая глаз; современная протестантская церковь в Нидерландах вряд ли могла выглядеть изнутри скромнее – тут совершенно покончено с традицией китча, и встречаешь стилизованное деревянное распятие, объединяющее

Спасителя и крест в некое генримуроподобное¹ целое; покрытый зеленой простыней стол в функции алтаря и по сторонам от табернакля – серебряная бейенкорфовская ваза с тюльпанами. Это, – и еще, разумеется, три свечи – всё, и я восхищаюсь архитектором, который такими скудными средствами достиг впечатления столь глубокого благочестия.

Сегодня на прогулке в автомобиле мы посмотрели Стену, которой коммунисты 13 августа предыдущего года отрезали Восточный сектор, занимающий примерно половину города, от Западного Берлина, всего лишь через два месяца после того, как Вальтер Ульбрихт² в коммунистической газете Neues Deutschland заверил, что слухи об этом – клевета, и что строителям в Восточном Берлине «есть чем заняться». (Вспомним торжественное заверение Хрущева: «Советский Союз никогда не станет первым возобновлять ядерные испытания»).

Эта стена тянется на сотни километров и состоит из сборных бетонных блоков, уложенных друг на друга, и протянутой поверху непроницаемой сетью из колючей проволоки. Местами она удвоена, с дополнительной системой заграждений между стенками. Она повторяет схему границы сектора, неважно, проходит ли та посередине улицы или через жилой квартал. В этом последнем случае оконные рамы заложены кирпичом, а на крышах установлены заграждения. В первые

1 Henry Spencer Moore (1898–1986) – британский художник и скульптор.

2 Walter Ernst Paul Ulbricht (1893–1973) –руководитель ГДР. Был инициатором строительства Берлинской стены.

недели после 13 августа 1961 еще очень многим удалось бежать, особенно через Бернауэр Штрассе, несколько похожую на Марниксстрат в Амстердаме – там канализационная линия образует также и границу зоны. Сперва были зачищены и заделаны в каменную кладку нижние этажи. Однако оказалось, что люди были готовы идти на больший риск, нежели ожидалось: на крышах и в верхних этажах в благоприятные для них моменты били тревогу, чтобы спрыгнуть на пожарный тент стоящей наготове западноберлинской пожарной команды. Не каждому везло. Простые деревянные кресты на тротуаре указывают на места, где эти попытки были неудачными, как у восемнадцатилетнего студента, которому после борьбы с *Vopo*¹ на крыше пришлось спрыгнуть до того, как внизу была растянута спасательная сетка, или у девятнадцатилетней девушки, которой за свое скромное желание присоединиться к сестре в Западном Берлине тоже пришлось заплатить смертью. И опять я ничего нового вам не рассказываю, но нужно видеть ситуацию со всеми ее конкретными атрибутами, чтобы вдруг осознать, что в мирное время это может стоить человеку жизни – или примерно года тюремного наказания, если он попробует со *Спаюстрат* сходить в гости к семье на Адмирал де Рёйтерстрат.

Востоногерманский режим оправдывает и то и другое, говоря об институте «пограничного контроля в каждом суверенном государстве, которое таковой осуществляет». Можно задаться вопросом, какое иное суверенное государство в мирное

1 *Deutsche Volkspolizei* (нем.), народная полиция (полиция ГДР).

время замуровывает живьем своих граждан. В Западном Берлине шестьсот человек всё еще ждут мужа, жену, отца, мать, брата или сестру, которым отказано в разрешении покинуть Восточный Берлин. Мне кажется, что система, при которой такое возможно, перешла границу, за которой возможно всё, от стерилизации до депортации и газовых камер, если этого потребует предполагаемая польза. Тем временем можно сказать, что с начала основания Восточногерманского государства почти миллион человек бежали, бросив всё свое имущество: ибо их побег через последнюю брешь, Берлин, был возможен только в том случае, если им удавалось не возбудить подозрений наличием багажа. Коммунисты тут говорят о работе «западногерманских охотников на людей», что занятно, если подумать, что и по сей день еще всякий, кто желает переехать с запада на Восток, беспрепятственно может забрать с собой в фургоне весь свой домашний скарб!

Как люди на западной стороне продолжают сохранять спокойствие духа, когда на расстоянии нескольких метров от них разыгрываются такие драмы, для меня загадка. Но я подозреваю, что в ближайшие двадцать пять лет нам потребуется еще больше нервных клеток.

Сегодня это, наконец, случилось: я впервые отправился в Восточный сектор, вместе с Ван Б. – беспредельно наивным, вечно веселым парнем, который с беспредельным удивлением всё замечал, но ничего из этого не понимал, и Мартином Харткампом – ужасно умным и в то же время ужасно чувствительным молодым человеком, которому (поскольку бесплатный сыр бывает только в мышеловке) пришлось расплачиваться за свою утонченную душевную организацию попеременно головными и желудочными болями, болями в плече, волдырями на пятках или кровоточащими деснами, вследствие чего ему приходилось то и дело присаживаться отдохнуть на скамейке.

Восточный сектор всё еще доступен для западных немцев (но не для жителей Западного Берлина): они могут входить и выходить только через один пропускной пункт – вокзал Фридрихштрассе – и до наступления полночи должны покинуть Сектор. Иностранцы, кроме этого пункта, могут еще воспользоваться близлежащим Чекпойнт Чарли (Кохштрассе угол Фридрихштрассе) и могут оставаться в секторе подольше; как долго, точно не знаю. Почему всё еще существуют эти исключения, мне совершенно не ясно, но подозреваю, что в особенности иностранным туристам не желают причинять неудобств, примерно так же, как зарубежным евреям и неграм в 1936, во время Олимпийских игр, по пропагандистским причинам. Тут, мне кажется, система сама себе подкладывает мину, ибо каждый визит иностранца в Восточный Берлин стоит больше, чем десятки тысяч гульденов, вложенных в антикоммунистическую про-

паганду. Почти полный запрет на передвижение людей и тотальная блокада информации, являющиеся отличительными чертами управляемых коммунистами государств – это средства, которые нельзя недооценивать; они помогают поддерживать миф недоумков о строительстве Царства Божия. Я предполагаю, что и этот дверной глазок коммунисты в обозримом времени тоже окончательно закроют.

На западноберлинской стороне поста Кохштрассе-Фридрихштрассе постоянно стоят зевачки, которых на безопасном расстоянии держит западноберлинская полиция. Она у тебя ничего не спрашивает, и ты проходишь через узкие, не переходящие друг в друга проходы в двух стенах, в коммунистическую пограничную контору. Тут начинается замысловатая канцелярщина, куда более развернутая, чем при проезде через Восточную Германию. Сперва в окошечке у тебя забирают паспорт. После некоторого ожидания из следующего окошечка выкликают твое имя, и – снова в тройном экземпляре – заполняется таможенная декларация, которую ты должен подписать. Западными марками в Восточном Берлине нигде, за некоторым исключением, расплачиваться нельзя и, стало быть, нужно их менять в другом окошечке по мошенническому курсу 1 к 1, и такой обмен также идет об руку с заполнением по меньшей мере в двух экземплярах очередного формуляра, который также нужно подписать. Часть служащих здесь тоже состоит из коробейниц, вежливых, однако в высшей степени бдительных и чутких. В строеньице висит слишком знакомый мне запах коммунистических помещений, который, должно быть, во всем мире одинаков: запах свежего де-

рева и только что отпечатанных, нечитабельных брошюр, с тем только отличием, что здесь дерево выкрашено в скромный серый. Но брошюры – бесплатные – там лежат. Ван Б., чей фотоаппарат был зарегистрирован, спрашивает коробейницу, может ли он фотографировать в Восточном Берлине старые трамваи и старые автомобили. (У него на эту тему куча книг и репродукций). Коробейница улыбается приветливо, но сочувствующе, и отвечает, пожимая плечами на нечто столь несущественное: 'Wenn es hier solche überhaupt noch gibt, dann ist das natürlich gestattet'¹. Я упоминаю об этом кажущемся глупым случае потому, что это много говорит о сознании коммуниста, который в состоянии во что-то верить (ибо эта женщина верила в то, что говорит), хотя понимает, что это неправда. Ибо тогда как в Западном Берлине ездят только новые машины, Восточный Берлин, что касается автобусов, но прежде всего грузовиков, настоящий музей, особенно когда видишь восточногерманские почтовые машины времен Первой мировой войны и двадцатых годов, за которыми вскоре будет гоняться вооруженный фотокамерой и ошалевший от восторга Ван Б.

Когда мы выполняем все формальности и выходим, наконец, на Фридрихштрассе, нами овладевает странное, неприятное чувство. Эта нереальная пустота, заброшенность всего, даже там, где видно крупное скопление людей. Что-то зловещее, чему не сразу можно дать определение, но тут что-то очень неправильно, – это знаешь сразу. Нигде не слышно громких разговоров

1 Если такие вообще еще остались, то можно, конечно (нем.).

или смеха. Нигде не найдешь истинно городского оживления. Лица людей хмурые и напряженные. Количество автомобилей менее двадцати процентов от количества западноберлинских, но шум движения точно такой же. Всё, по сути дела, нереально или, скорее, анахронизм: в 1945 время тут, должно быть, остановилось, ибо мы вступаем в декорации романа или фильма об оккупации: сотни щитов и транспарантов, вербовочные конторы восточногерманской армии, бессмысленные витрины государственных бюро путешествий с этими их выцветшими афишами давным-давно не существующих Объединенных Арабских Эмиратов, которые наводят на мысли о голландской рекламной картинке военных лет с задумавшейся женщиной: «Radion, Lux, Persil. Эти товары запали ей в душу». Мы идем дальше, проходим Шиффбауэрдамм. Все книжные магазины – как Pegasus в Амстердаме, но тут 70% ассортимента удалены цензурой. В газетных киосках ни одной иностранной газеты, ни единого журнала – будь то западногерманские, даже швейцарские – не найти. Мы входим в небольшой, состоящий из одной комнатки кафетерий и берем по бутылочке пива. Вот чего с нами еще никогда не случалось, также и у пивных стоек в Западном Берлине: находясь в маленьком помещении, которое можно охватить взглядом, с единственной входной дверью, ты должен платить залоговую стоимость за эти бутылочки, которую при предъявлении оных у стойки получаешь назад.

Касса и конторы *Berliner Ensemble*¹, куда я из

1 «Берлинер ансамбль» – драматический театр в Берлине, основанный в 1949 году, один из самых знаменитых теа-

Амстердама послал заказ на бронирование, еще закрыты, и мы немного прошли дальше, мимо Polnisches Kulturhaus, мимо витрины с проиллюстрированным многочисленными фотографиями призывом спасти такого-то и такого-то (того или иного советского шпиона, имя которого я позабыл) (на привешенной полоске бумаги можно было оставить свою подпись), и мимо ряда весьма голых витрин, в которых украшенные цветной бумагой грамоты непременно заверяют, что персонал – повсюду одинаково хмурый – выполнит и перевыполнит план по продукции, грамоты, выглядящие еще омерзительнее также и потому, что речь идет не о производственных компаниях, а о бакалейных лавках и булочных. «Слово, оторванное от его значения», пришло мне в голову. Потом я вижу на фасаде большой щит с надписью *Sichert die glückliche Zukunft unserer Kinder!*¹ Рядом с ним, в цокольном этаже, овощной магазин, в котором очередь, ибо на школьной доске мелом написано, что сегодня в продаже имеются картофель и белокочанная капуста. Много ли, мало отпущено будет мне прожить, но это никогда из моей памяти не исчезнет.

Берлин, среда

Сегодня побывал в Восточном секторе один. Как я уже упоминал, я из Амстердама послал письменный запрос на бронирование, потому

тров Германии. С 1954 года размещается в здании Театра на Шиффбауэрдамм на площади Бертольта Брехта.

1 Обеспечьте счастливое будущее наших детей! (нем.).

что билеты на представления в Berliner Ensemble по большей части раскупаются за неделю до того. Позвонить с нашего западноберлинского номера, чтобы узнать, всё ли в порядке с бронированием, представляется невозможным, потому что коммунисты прервали также и телефонное сообщение между двумя частями города. Теперь я направляюсь в контору дирекции театра и ссылаюсь на свое письмо (в котором упомянул, что я писатель – чего теперь, умудренный опытом, стараюсь не делать – и перевожу брехтовского *Schweyk im Zweiten Weltkrieg*¹ для нашего театрального общества), со мной обращаются особенно холодно, хотя я вижу, что письмо лежит на столе. Письмо это обращено к фрау Хелене Вайгель, и в адресной строке значит: «Восточный Берлин, Германия», потому что я, видит Бог, не мог себя заставить написать «Германская Демократическая Республика». За принципы нужно платить, ибо нежелание содействовать нечистому словоупотреблению определенно было причиной того, что на этого иностранного переводчика Брехта так окрысились тут, в храме этого, наверно, единственного художника коммунистического царства, и что только после долгого переливания из пустого в порожнее я послезавтра, возможно, попаду в кандидаты на самые дорогие места за 10 марок. После этого туманного обещания я начинаю длительную прогулку по Восточному Берлину.

Странно то, что чем дальше идешь, тем более вымершим кажется город. Нигде не видно террас (хотя погода исключительно прекрасная), нет уличных рынков, короче, нигде не найдешь

1 «Швейк во Второй мировой войне» (нем.).

обычных признаков жизни, присущих городу. Новостроек ничтожно мало по сравнению с Западным Берлином, и похоже, что они заморожены. Повсюду еще высятся руины больших зданий. Странно прежде всего то, что на целой улице нет ни одного магазина, и это ограничивает мое сравнительное изучение цен. Нигде нет туалетной бумаги и швейных иголок, масла почти нигде не найти. Импортное народно-демократическое масло из Китая тут же вызвало эпидемию дизентерии, которая всё еще не утихла. (Вывески при входе в больницы гласят, что поэтому посещения запрещены). Ну ладно, шут с ним, с маслом, ведь есть пушки, вроде тех 68-ми восточногерманских тяжелых танков класса Центурион, 44-х бронемашин, 22-х самоходных ракетных комплексов и бесчисленных военных грузовых машин, которые я насчитал около музея этнографии.

Цены на товары, которые имеются в наличии, ужасают. Наихудшие сигареты стоят 4½ марки за пачку, а самый дешевый кофе, скажем, класса 1,28 гульд. за полфунта у Симона де Вита или Алберта Хейна, здесь стоит, наоборот, в десять раз больше, а именно 15 марок. Фруктов вообще нигде не найти. Отвратительного вида мясо стоит как минимум втрое больше того, что я заплатил бы в Амстердаме. Свежей рыбы я нигде не видел, а то, что предлагается в консервах, немыслимо дорого. Как же, скажите на милость, тут живут люди, которые номинально зарабатывают примерно столько же, что и в Западном Берлине, если, к примеру, рубашка с распродажи за, скажем, 4,70 гульд., определено низкого качества, здесь выставлена как желанная продукция последней моды, за 34 мар-

ки? Ибо где, как ни здесь, сталкиваешься с этим замечательным экономическим законом, который сформулировал однажды в полемике мой ученый брат: «Хотя Маркс этого не предусматривал, повсюду, где приходят к власти члены партии Паула де Грота¹, цены на текстиль немедленно взлетают в несколько раз».

Жалобы на экономические ограничения я, однако, никогда не считал весомыми аргументами против политической системы. Во-первых, потому что мой кальвинистский, бургундский характер велит мне смотреть на человека как на существо, которое рождено на свет не для собственного удовольствия, а для служения Господу, и посему обязано жить в умеренности. И во-вторых, мне кажется вовсе не предосудительным на некоторое время отказаться от не жизненно важных вещей, дабы построить стабильную и здоровую экономику. В первый год после нашего освобождения всё это обиженное бухтенье о текстиле, который можно купить без распределительного талона, шоколаде и нейлоновых чулках, которых в Бельгии повсюду было полно, а в Голландии днём с огнём не сыскать, меня только раздражало и казалось глупым. Но ни один здравомыслящий человек не может увидеть в этой разрухе, где на каждом углу молодые люди выклянчивают сигарету, в этом банкротстве хоть какой-то план. Это военная экономика, которой мешают бюрократия и бредовые теории, потому что транспорт не парализован бомбежками, и настоящего голода нет.

Я уже прежде упоминал многочисленность и

1 Saul (Paul) de Groot (1899–1986) – один из лидеров Коммунистической партии Нидерландов.

разнообразии униформ. Столько мундиров СС, СА, Службы труда и НСКК¹ я со времен войны не видел. Эмблемки, нашивки, пряжки чуть видоизмененные или переставленные, но и только. Вся эта мешанина серого, зеленого, синего и темно-коричневого усиливает впечатление военного города, из которого эвакуирована половина гражданского населения. Полагаю, что даже простодушного гостя охватят подозрения от этого бесконечного разглагольствования о мире, и он в конце концов в глубине души усомнится: «Но кто же, вообще говоря, сейчас воюет?» Эрих Хоффер² прав, конечно, когда в своей книге о массовом движении *The True Believer* лаконично замечает, что обвинения нацистов в адрес «мирового еврейства» не содержат никаких обоснований против евреев, но весьма разоблачительно свидетельствуют о психике нацистов. Коммунисты заменили слова *Мировое Еврейство* и *Плутократы* современными эквивалентами *Разжигатели войны* и *Империалисты*, а в остальном ничего не изменилось. Посему замечание Хоффера применимо и здесь. Вся собственная жестокость, брутальность, все иллюзии истины и жажда уничтожения проецируются на противника, и с такой параноидальной силой, что разум ее более не контролирует, о чем свидетельствуют, например, щиты с лозунгами: *'Es bleibt dabei, West-Berlin wird frei!*'³

1 Формирования гитлеровских времен.

2 Eric Hoffer (1898–1983) – американский философ. Реве упоминает его первую книгу, получившую широкое признание: «Истинноверующий: Мысли о природе массовых движений» (1951).

3 Вопрос решен, Западный Берлин будет освобожден!

Предыдущие впечатления, вызванные сомнениями в собственной нормальности: что бродишь по сумасшедшему дому, – очень усиливаются к концу моей прогулки, когда я решаю войти в новое здание, где проходит выставка ‘Wassersport und Wochenende’¹ – на прежней Сталиналлее (но теперь этот показушный бульвар именуется Франкфуртер Аллее) или где-то неподалеку. Эта аллея определенно задумана как магазинный, торговый и культурный центр, но центр может быть центром только тогда, когда вокруг него находится что-то, что делает его центром. Однако всякая боковая улочка, отходящая от этой аллеи, через пятьдесят метров заканчивается руинами или полуотремонтированными довоенными многоквартирными домами. Здания на аллее точно так же уродливы, как московские новостройки, имитацией коих они определенно являются, но выглядят, несмотря на уже выпавшую в тысячах мест облицовочную плитку, впечатляюще и определенно не ужаснее, чем, скажем, то, что видишь, выходя с Центрального вокзала в Роттердаме.

Фасад *Ausstellungsgebouw*² снабжен гигантской скульптурой, которая ужасает своей безвкусицей и наводит на мысль о викторианских надгробиях или о парной литографии *Взгляд в Прошлое* и *Взгляд в Будущее*. Коммунистическая стыдливость создала человеческие фигуры, по которым, невзирая на натуралистически задуманную анатомию, не разберешь, одеты они или нет, и тем более, мужские это особи или женские.

(нем.).

1 Водный спорт и выходные (нем.).

2 Выставочное здание (нем.).

Выставочное помещение заполнено красиво аранжированными каноэ, палатками, караванами, надувными лодками и т. д. В глаза мне, однако, бросается, что нигде не указана фирма-изготовитель. То, что всё вышеупомянутое, и уж особенно здесь, не отдается даром, я охотно принимаю, но для ориентации мне хотелось бы знать цены. Однако, когда я обращаюсь к официальному лицу и спрашиваю у него, не может ли он снабдить меня какими-нибудь проспектами или преЙскурантами, он не понимает или делает вид, что не понимает. Потом, на мой уже более конкретный вопрос, я слышу, что это нигде не продается. 'Es ist nur eine Ausstellung'¹, сообщает он мне.

Берлин, среда, вечер

Ван Б. сегодня, в точности как я, по своему усмотрению побывал в Восточном Берлине и вечером вернулся в наш отель с историей, рассказывая которую то и дело раздражался хохотом. Прихватив свои книжки с иллюстрациями и фотоархив, он отправился в главную контору муниципальной транспортной компании Восточного Берлина, где его приветливо встретила начальница отдела. Однако ни на один вопрос о типах трамваев, годах выпуска или возраста модели он сколько-нибудь вразумительного ответа не получил. Под конец он испросил разрешения на посещение транспортного парка. Начальница позвонила по телефону другой 'Frau Doctor', которая должна была принять решение по сему вопросу, но оказалось, что

1 Это же просто выставка (нем.).

уговорить ее невозможно. Из продолжительных телефонных переговоров Ван Б. сделалось ясно, что вышестоящей Фрау Доктору «дело представляется сомнительным». Начальница, однако, пообещала послать ему всяческую информацию на его амстердамский адрес. Когда он написал ей свое имя и адрес, ему пришлось еще предъявить и паспорт, из коего она выписала номер и прочие сведения. Вот перенесите ситуацию в Амстердам и представьте, что некий иностранный студент и трамвайный фанат обращается в муниципальную Транспортную Компанию. Я прекрасно могу себе представить, что там не всегда найдется время для таких посетителей, но мне кажется, что это не только глупо, но и оскорбительно – спрашивать паспорт у человека после того, как он сообщил свое имя и адрес. Полагаю, что, как я уже сказал ранее, подобного рода, казалось бы, пустячные сценки помогают гораздо глубже проникнуть в суть коммунизма, нежели какие-либо другие, крупные факты. Что там такого можно увидеть в трамвайном парке, знание чего будет представлять опасность для государства? Тут мы приходим к коммунистическому значению слова «шпионаж». В коммунистическом значении оно, разумеется, покрывает также и то, что мы под этим понимаем – скажем, в военной области, но, кроме того, всякую деятельность, имеющую целью получение информации о каком бы то ни было предмете вне рамок официальных сведений: любая форма самостоятельного исследования, проводимая иностранцем, подпадает под эту категорию. С этим в коммунистических странах пришлось столкнуться многим иностранным коммерсантам: за самостоятельное изучение рынка, проведенное по

привычке, они вынуждены были расплачиваться годами тюремного заключения.

Берлин, пятница, вечер

278

Вечером я и еще пара других из нашего общества были в Восточном Берлине, дабы посмотреть в Theater am Schiffbauerdamm «Трехгрошовую оперу» Брехта. Весьма приличная постановка, которая, однако, разочарует знатоков кино или любителя граммофонных пластинок. Ибо сама пьеса очень слабая и скучная. Только когда видишь ее в постановке, осознаешь, что она черпает свое очарование полностью и исключительно из неизменно обворожительной музыки Вайля¹. Без этой музыки такой слабый сюжет и дешевую, беспомощную, устарелую суррогатную философию просто не переварить. Составитель программки думает иначе: помилование Мэкки-Ножа и возведение его в дворянское сословие в конце имеют сейчас, когда империалисты назначают всяческих преступников на высокие посты, более поучительный смысл, нежели когда-либо еще, так это называется в квазифилософском введении, за коим следует статья об ужасающих размерах проституции в Америке.

Решив после представления, закончившегося в десятом часу, побыть еще какое-то время в Восточном Берлине, мы переживаем печальнейшее из наших приключений. В кафе на ***штрассе, после того, как убираются с глаз долой Воро, а они практически в каждом кафе в уголку сидят и наблюдают, мы завязываем беседу с группой студентов

1 Kurt Julian Weill (1900–1950) – немецкий композитор, тесно сотрудничавший с Брехтом.

***-го факультета. Как только у них складывается впечатление, что нам можно доверять, они начинают умолять нас об информации касательно Стены. Она повсюду непроходима? Не видели ли мы с западной стороны каких-нибудь слабых или плохо охраняемых мест, чтобы можно было перебраться по лестнице? Нам было совестно, что мы не могли предоставить им никаких полезных сведений. Но мы же вернемся? В этом случае, не захватим ли мы с собой несколько газет и, если подобная просьба нас не обременит, пару апельсинов?

279

Берлин, суббота, вечер

Сегодня ночью возвращаемся поездом в Амстердам, но все те деньги, которые у нас еще оставались, мы потратили на покупку апельсинов, лимонов, бананов и сигарет, которые, как можно более незаметно распределив по сумкам, мы в рамках *Операции Апельсин* отнесли вчерашним студентам. Адреса они нам дать не решились, так что договорились где-то на углу. Там мы разделились на группы, потому что встреча четырех иностранцев по одному адресу могла возбудить подозрения.

Самый старший из студентов рассказывает мне у себя в комнате, что им владеет только одно желание: сбежать из этого города призраков, где он вынужден изучать политические науки, быть членом коммунистического молодежного движения и участвовать во всяческих демонстрациях (то же для рабочих предприятий) и проходить курс военной подготовки, чтобы иметь возможность закончить университет. Где преграждение

доступа к информации о событиях в мире медленно, но верно сводит с ума (вокруг Берлина стоят 60 коммунистических радиоглушилок, которые делают практически невозможным, как бы это назвать подходящим именем, прием английской волны, тогда как телевизионные антенны уничтожаются молодежными штурмовыми бригадами, чтобы нельзя было ловить Западный Берлин). Мы и вправду не знаем выхода? Прошлой зимой он недели напролет, каждый вечер после наступления темноты лежал в кустах на берегу канала, выжидая удобного случая, чтобы переплыть на ту сторону, но шанс попасть живым на другой берег был слишком мал, и он бросил эти ночные бдения после того, как увидел, как вытаскивали из воды изрешеченное пулями тело молодого человека. Чем занимаются люди на Западе? Не может ли интернациональный Красный Крест предпринять шаги для того, чтобы Стену открыли на двадцать четыре часа?

Да, чем же занимаются на Западе? Честность повелевает мне рассказать ему, что в моей стране существует очень много людей – и среди них далеко не все необразованные – готовых капитулировать, даже создавших политическую партию, чтобы осуществить это стремление; и они готовы выдать красным нацистам три миллиона человек, пока еще живущих на свободе в Западном Берлине.

<i>Теодор Холман. Герард и Вими</i>	5
Письма к Вими	11
Письмо из Лондона	229
Письмо из Берлина	249

**Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют**

Герард Реве

КНИГА О ФИОЛЕТОВОМ И СМЕРТИ

Живописная деревня во Франции. В ожидании похорон юного соседа писатель Герард Реве вспоминает прошлое: немецкую оккупацию, пребывание в психиатрической клинике, знакомство с милыми мальчиками и старыми негодьями. «Книга о Фиолетовом и Смерти» должна сделать все остальные книги излишними, за исключением Библии.

Герард Реве

БОГ ОЧЕНЬ ОДИНОК

Запах одежды Мальчика; магия игры света на его волосах; шелест моря; непроходимый лес, в котором живет Беспощадный Мальчик – один, с ним только его брат, чуть старше него; этот набожный лесоруб не подозревает о безмерной моей страсти. Нет нигде утешения. Ветер в верхушках деревьев поет: «Прошло... Прошло... навсегда...» И я больше никогда не смогу выйти из Леса, поскольку хлебные крошки, которые я рассыпал за собой, все до единой расклеваны птичками.

**Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют**

Герард Реве
ПИСЬМА ФРАНСУ П.

“Милый, чувственный, прекрасный Джинсозверь”, – так Герард Реве обращался к художнику Франсу Паннекуку. Несколько лет они были добрыми собутыльниками, и Реве пытался помочь Паннекуку, устраивая его выставки и продажи гравюр. У журналистов даже возникло подозрение, что Реве выдумал Паннекука и рисует сам. Однако богемный образ жизни художника, отказывавшегося зарабатывать на жизнь, раздражал писателя, и в 1969 году они поссорились. От этой дружбы остался знаменитый рассказ «Искусство» и несколько десятков писем.

Герард Реве
ПИСЬМА СИМОНУ К.

Герард Реве дорожил своими письмами Симону Кармиггелту (1913–1987). Переписка продолжалась с 1971 по 1975 год. В это время Реве работал над лучшими своими книгами – «Язык любви», «Милые мальчики» и «Циркач». Реве пишет «собрату по перу» о депрессиях и литературных успехах, политике и коварстве алкоголя, превратностях любви и милости Богоматери.

**Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют**

Франсуа Ожье́рас

ОТРОЧЕСТВО В ЭПОХУ МАРШАЛА

1941 год. Юг Франции, находящийся под управлением маршала Петена. Юный Франсуа Ожье́рас вступает в организацию молодых фашистов, но вскоре разочаровывается: «Быть антихристианином я готов, а вот гитлеровцем – нет!». Он считает себя Рембо эпохи Петена, он увлечен нищезанятием, ненавидит Париж и мечтает освободить Европу от Иисуса, чтобы она отыскала свою подлинную душу.

Марсель Жуандо

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СТАРОСТИ И СМЕРТИ

Приближаясь к семидесятилетию, Марсель Жуандо стал наблюдать за признаками своего старения и написал эту книгу о подготовке к смерти и постепенном расставании с радостями и заботами. Смерть входит в человека тайно, незаметно, словно заноза. Жуандо признавался, что одержим своей смертью и ждет ее, как ждут торжественного испытания. Он попытался лечь в гроб и осознал ужас полного оцепенения, отказа от проявлений жизни.

**Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют**

Габриэль Витткоп
МАСТЕРСКАЯ ПОДДЕЛОК

Мы не удивимся, встретив на этих страницах маркиза де Сада, которого Витткоп считала величайшим стилистом. Ничто так не радует ее, как телесные и душевные страдания. В самом деле, отчего человек должен быть более добродетельным, нежели дикие твари, разрывающие друг друга на части?

Франсуа Ожье-рас
ПУТЕШЕСТВИЕ МЕРТВЫХ

Путешествие отважного молодого человека по французской Африке 1950-х годов, от горных пастбищ Алжира к океану в Агадире и к великой реке Сенегал. "Последним полем экспериментов Запада" называл Африку Франсуа Ожье-рас, презиравший европейскую цивилизацию и считавший себя человеком будущего, дикарем, отказавшимся от законов, обычаев и мнений заурядных людей.

**Издательства Kolonna Publications
и Митин Журнал представляют**

**Эрве Гибер
Я И МОЙ ЛАКЕЙ**

Очень странные ощущения, когда открываешь посреди ночи глаза и видишь стоящего рядом лакея – в домашнем халате или пижаме, которую я носил, когда был молод, или же голого, с накинутой на плечи меховой шубой, которую я заказал себе, когда ездил в Москву, – лакей смотрит во мраке, не говоря ни слова, сверля меня взглядом поблескивающих желтых глаз.

**Марсель Жуандо
ШКОЛА МАЛЬЧИКОВ**

В 1948 году шестидесятилетний философ Марсель Жуандо познакомился с двадцатилетним солдатом Робером Коке. Их любовный роман продолжался 12 лет. В книге "Школа мальчиков" собраны письма Робера и поклонника Жуандо Анри Роде (1917–2004), раскрывающие тайны этой истории. Лишь после смерти Жуандо открылось, что письма Робера писал Анри, подстроивший встречу своего кумира с юношей.

Заказывайте книги издательств «Митин Журнал» и «Kolonna Publications» на сайте shop.mitin.com. Курьерская доставка в России, рассылка по всему миру.

Их также можно приобрести *в Москве:*

«Фаланстер», Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Циолковский», Большая Молчановка, д. 18
«Москва», ул. Тверская, д. 8
«Московский Дом Книги», ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5
«Индиго», Ветошный переулок, д. 9

в Санкт-Петербурге:

«Порядок слов», наб. Фонтанки, д. 15
«Все свободны», ул. Некрасова, 23
«Свои книги», ул. Репина, д. 41 (во дворе)
«Подписные издания», Литейный пр., 57

через *Интернет:*

«Ozon» ozon.ru
«Лабиринт» labirint.ru

в Украине:

«Либра» librabook.com.ua

Герард Реве

ПИСЬМА К ВИМИ

перевод Ольги Гришиной